

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

И.В. ОСТРОВСКИЙ

П.А. СТОЛЫПИН
и его время

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
Л.М. Горюшкин

НОВОСИБИРСК
"НАУКА"
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1992

ББК 63.3(2) 52
О-78

Рецензенты
кандидаты исторических наук
В.А. Зверев, А.Н. Сагайдачный

Утверждено к печати
Новосибирским государственным педагогическим институтом

Островский И.В.

О-78 П.А. Столыпин и его время. — Новосибирск:
Наука. Сиб. отд-ние, 1992. — 144 с.
ISBN 5—02—029773—9.

В книге рассматриваются вопросы социально-экономической и политической истории России начала XX в. Основное внимание уделяется личности П.А. Столыпина и его реформаторскому курсу. Показаны истоки столыпинской политики, приведен материал об отношении к ней различных политических сил, раскрыты особенности аграрной реформы в Сибири. В работе рассказывается об убийстве Столыпина и расследовании обстоятельств гибели премьер-министра.

Издание рассчитано на массового читателя.

0503020300 — 075

О----- 67—92 I полугодие

042(02) — 92

ББК 63.3(2) 52

ISBN 5—02—029773—9

© Издательство "Наука", 1992

Автор настоящей книги обращался к многочисленным источникам, проливающим свет на вопрос о месте Столыпина в отечественной истории, и в итоге решил поделиться с читателями своими наблюдениями. П. А. Столыпин — главный герой книги, но речь в ней идет и о других заметных деятелях эпохи, которая вызывает сегодня немалый интерес.

Л.М. Горюшан

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИО — Государственный архив Иркутской области
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ОРРК ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и высших органов социалистического строительства
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив

РОССИЯ РАЗМЕЖЕВАЛАСЬ

Петр Аркадьевич Столыпин вошел в историю России как выдающийся государственный деятель, крупный реформатор. Истоки его реформаторского курса следует искать в социально-экономической и политической истории нашей страны на рубеже XIX — XX вв. Обращаясь к отражению этого периода в исторической науке, публицистике, обыденном сознании и несколько упрощая сложившиеся представления о социально-экономическом облике России на рубеже веков, выделим два распространенных суждения.

Уже давно сложилось представление о предреволюционной России как стране с хилой экономикой, сильно зависившей от иностранного капитала, стране со свирепым правительством, которое проводило антинародную внутреннюю и внешнюю политику. Это была "тюрьма народов", в которой подавлялось всякое свободное слово и любая попытка движения вперед. Одним словом, Россия была больным государством, спасти которое могло только такое радикальное средство, как Октябрьская революция. Подобные оценки приобрели вид законченной концепции в историографии сталинского времени. В той или иной степени они повторяются и в современной литературе, особенно в школьных и вузовских учебниках.

Противоположные суждения тоже имеют свою историю, но в отечественной публицистике настойчиво звучали лишь в последние годы. Складывается идиллическая картина России, в которой жилось сытно и благополучно. Царь и правительство заботились о своем народе, а тот платил им верностью и любовью. Страна вступила на путь прогресса, и в начале XX в. сильная и уверенная в себе держава буквально ворвалась в мировое сообщество. И все было бы славно, если бы не злокозненные действия кучки чуждых России либералов и революционеров, внесших смуту в умы доверчивых россиян, посеявших среди них рознь и ненависть.

Так и раскачивается маятник — от представления о России как "полуколонии" Запада до вывода о великой стране, достигшей замечательных успехов в экономиче-

ской, культурной и других областях. Как согласовать эти крайние суждения? Где истина? Нам кажется, что следует обратиться к промежуточным оценкам. Собственно, между крайними точками раскачивающегося маятника находится и современная научная концепция истории России, которой придерживаются многие современные историки и которая вкратце сводится к следующему: экономические успехи страны на рубеже веков несомненны¹, но политические институты заметно отставали от развития народного хозяйства. Этот разрыв породил основное противоречие российской действительности, он стал одной из причин революций 1905—1907 гг. и февраля 1917 г.

В соответствии с таким подходом крупные политические инициативы царизма, в том числе крестьянская реформа 1861 г. и столыпинские преобразования, предстают попыткой ликвидировать препятствия, оставшиеся на пути развивавшейся экономики. А поскольку эти действия все же не давали нужных результатов, они объявлялись "нерешительными" и "половинчатыми". Но тогда возникает вопрос: если даже "половинчатые" реформы продвигались так болезненно, то как бы проходила "решительная" реформа? Может быть, болезненный ход реформ определялся не их недостаточным радикализмом, а тем, что инертная экономика страны сопротивлялась прогрессивной политике? После этих вопросов уместно задать и третий: не главенствовала ли в России политика над экономикой, т.е. не существовало ли такого положения, когда правительственные меры должны были время от времени "подталкивать" экономику? Постановка подобных вопросов не нова. Однако мы надеемся, что высказанные нами суждения дадут читателю новую пищу для размышлений о судьбе экономических реформ в дореволюционной России.

Возвращаясь к крайностям в оценках предреволюционной истории нашей страны, отметим, что Россия жила сложной жизнью, которую нельзя окрашивать только в черный или белый цвет. Несмотря на многие трудности своего исторического движения, Россия к 1917 г. накопила огромный духовный и культурный потенциал. Мы убеждены, что уважение к истории страны должно проявиться в поиске объективных и взвешенных оценок, а не в торопливом мифотворчестве, подчиненном политической борьбе сегодняшнего дня.

Итак, в начале 90-х гг. XIX в. в России начался промышленный подъем. Он продолжался несколько лет и шел очень интенсивно. Особенно высокими темпами

развивалась тяжелая промышленность, которая к концу века давала почти половину всей промышленной продукции в ее стоимостном выражении. По общему объему продукции тяжелой промышленности Россия вошла в число первых стран мира.

Промышленный подъем был подкреплен хорошими урожаями в течение ряда лет.

Оживление в промышленности сопровождалось бурным железнодорожным строительством. Правительство верно оценило значение железных дорог для будущего экономики и не жалело денег для расширения их сети. Дороги связали богатые сырьем окраины с промышленными центрами, индустриальные города и земледельческие губернии — с морскими портами. Настоящим подвигом русских инженеров и рабочих стала постройка Сибирской железной дороги. Самая протяженная в мире рельсовая магистраль начала строиться в 1891 г. сразу с двух концов — из Челябинска и Владивостока и к 1898 г. была в основном завершена. Сибирская железная дорога способствовала оживлению хозяйственной жизни в восточных районах страны. Она облегчила переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Но в правительственных документах подчеркивалась и другая сторона дела — дорога могла экономически оправдать себя только при условии достаточного заселения и развития прилегающих к ней районов². Другими словами, введение в строй магистрали поставило перед правительством вопрос об ускорении хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока.

Главной причиной промышленного подъема 90-х гг. явилась, по нашему мнению, экономическая политика правительства, которая была связана с именами двух министров финансов — И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте. Кстати, Министерству финансов везло на руководителей в течение всей второй половины XIX в. Кроме названных чиновников во главе министерства в разные годы находились такие известные государственные деятели, как М.Х. Рейтерн и Н.Х. Бунге. Что же касается Вышнеградского и Витте, то первый был ученым с мировым именем и опытным практиком, второй известен как незаурядный организатор, тонкий и дальновидный политик.

Одной из составных частей экономической политики царизма в 80—90-е гг. стало установление высоких таможенных пошлин на ввозимые в Россию товары и одновременно устранение препятствий на пути проникновения в страну иностранных капиталов. Эти меры, по

замыслу их инициаторов, должны были избавить молодую отечественную промышленность от губительной конкуренции и тем самым способствовать ее развитию, которому помогали бы заграничные деньги. Между прочим, у сторонников введения высоких таможенных пошлин было немало оппонентов, среди которых выделялись либеральный экономист И.В. Вернадский и статистик А.И. Чупров. Эти люди считали, что отечественная промышленность может превратиться в сильный и здоровый организм только в условиях жесткой конкуренции, "тревожного соперничества"³. Вышнеградский же и Витте полагали, что Россия отстала от западных государств в развитии промышленности и не следует ждать, пока она окрепнет и закалится в результате соперничества с индустриальными странами Запада. Вряд ли такая позиция обуславливалась осознанным экономическим изоляционизмом, скорее это был трезвый расчет и не более того. Об этом свидетельствует, в частности, содержание докладной записки, представленной Витте царю по случаю назначения на должность министра финансов⁴. Записка интересна и поучительна как изложение взглядов представителя трезвомыслящей части правительственного аппарата на цели и перспективы экономического развития России.

Витте считал, что все усилия государства должны быть направлены на то, чтобы в экономическом (более узко — промышленном) отношении догнать передовые страны Запада. Отставание России очень скоро стало бы нетерпимым — оно грозило ей не только утратой значения великой державы, но и потерей национальной независимости. Витте понимал, что России предстоял трудный путь, и называл способы, с помощью которых можно было решить эту задачу. Во-первых, министр писал о необходимости "наиболее целесообразного использования естественных и культурных сил страны". Заметим, что это говорилось тогда, когда природные ресурсы были почти не тронуты. Во-вторых, автор записки подчеркивал целесообразность возрастания роли экономической политики правительства в ускорении развития отечественной промышленности. Был ли резон в этом соображении? Несомненно! Витте исходил из исторического опыта России, который давал ему примеры резкого усиления роли правительственных мер в наиболее болезненные периоды экономической истории страны (реформы Петра I, Александра II). Он рассчитывал и на материальную основу для такого усиления — ведь в руках государства находились огромные земельные площади,

часть мануфактур. Наконец, в-третьих, Витте призывал к росту экономического влияния России в восточных странах. Логика министра была примерно такой: в Европе России пока делать нечего, она должна подчинить себе рынки сопредельных восточных государств, а потом, укрепившись в Азии и черпая ее ресурсы, стать могучим экономическим соперником Запада.

В программе Витте, как и в экономической политике царизма конца XIX — начала XX в., было немало сильных сторон. В те годы Россия уверенно завоевывала позиции на рынках Дальнего и Среднего Востока, тесня там своих соперников⁵. Об этом, в частности, свидетельствует промышленный взлет 90-х гг. Однако, на наш взгляд, эта политика оставалась внутренне противоречивой. И не только потому, что в ней преобладали административные меры и недооценивалось значение частного предпринимательства. Главное заключается в том, что и программе Витте, и самому курсу правительства не хватало сбалансированности между потребностями промышленности и сельского хозяйства.

Кажется странным, что, составляя в 1893 г. программу экономического роста сельскохозяйственной страны, Витте обошел вопрос о перспективах ее аграрного развития. Возможно, министру финансов (и не ему одному) тогда казалось, что положение дел в деревне относительно стабильно. К тому же Витте не мог не понимать, что любые радикальные перемены в аграрной области неизбежно столкнут его с "опорой русской государственности" — помещичьим дворянством.

На практике экономическая политика, проводившаяся царизмом на рубеже веков, не способствовала ликвидации хорошо известных историкам "ножниц" между подстегиваемой Вышнеградским и Витте промышленностью и старой, патриархальной деревней. Напротив, она привела к их расширению. Несбалансированность хозяйства стала одной из причин экономического кризиса начала XX столетия. Начавшееся в 1900 г. сокращение промышленного производства было вызвано относительно слабым развитием рыночных отношений в сельском хозяйстве. Аграрная реформа Столыпина стала естественным продолжением правительственного курса именно этого периода. Логика самой экономической политики делала неизбежной попытку ускорить капиталистическое развитие деревни. А такая попытка и составила содержание столыпинской реформы.

На рубеже веков не только экономическая, но и политическая жизнь России складывалась весьма напря-

женно и противоречно. К XX веку страна пришла самодержавным унитарным государством с жестким бюрократическим централизмом, ограничивавшим общественную самостоятельность. Правда, в 60—70-е гг. XIX столетия вслед за освобождением крестьян от крепостной зависимости последовали реформы, которые ввели местное (земское) самоуправление, суд присяжных, ослабили давление цензуры на прессу. Эти нововведения явились в значительной степени результатом поражения России в Крымской войне.

В романе "Август Четырнадцатого" А.И. Солженицын пишет, что только военные поражения вынуждали царизм к уступкам. Справедливости ради заметим, что эту верную мысль задолго до Солженицына высказал великий русский историк В.О. Ключевский. Обращаясь к преобразованиям Петра I, ученый утверждал: "Война привела его (Петра I. — И.О.) и до конца жизни толкала к реформам... Обычно война — тормоз реформы, требующей мира. В нашей истории действовало иное соотношение: война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, наличный порядок, а война с исходом непристойным вызывала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу, которая служила для него своего рода переэкзаменовкой..."⁶

Проведенные в 60—70-е гг. реформы были обесценены сохранением полновластия центральной бюрократии, т.е. все той же жесткой централизацией, сохранившей все черты имперской модели⁷. Потребуется еще одно поражение — в русско-японской войне, чтобы царизм рискнул завести в стране центральное представительное учреждение — Государственную думу.

Заметим, что все эти институты (земские учреждения, Государственная дума), знаменовавшие робкое становление гражданского общества, были организованы сверху, в результате тех или иных правительственных актов. И приходится признать правоту другого замечательного русского историка — С.М. Соловьева, сказавшего, что главное отличие русской истории от истории западно-европейских народов заключается в том, что на Западе "общество" строит "государство", в России, напротив, "государство" создает угодное ему "общество". Но, как и любая формула, тезис Соловьева раскрывает суть явления, но не описывает его целиком. Под влиянием ряда факторов, среди которых были капиталистическая модернизация страны, усложнение социально-экономической жизни, влияние западной идеологии

и культуры, "общество" приобретало все большую самостоятельность и становилось все менее послушным "государству".

В конце XIX — начале XX в. в России окончательно оформилось буржуазно-либеральное движение. Развиваясь в стране в течение полутора веков, либерализм представлял собой как буржуазное мировоззрение, так и одну из форм капиталистических отношений. Труды просветителей XVIII в. С.Е. Десницкого, И.А. Третьякова, Я.П. Козельского содержат первые наброски буржуазной социальной теории. Граф Н.П. Панин, а позднее декабристы усердно трудились над вариантами российской конституции. Н.М. Карамзин и Н.И. Новиков внесли вклад в формирование национального самосознания, которое объективно отвечало интересам развития буржуазного государства. Либеральное течение стало заметным явлением в общественной жизни страны в период подготовки крестьянской реформы 1861 г.

Отечественный либерализм развивался в весьма своеобразных условиях. Чтобы разобраться в вопросе о его особенностях, воспользуемся удачной типологией либерализма, разработанной германскими историками⁸. Первый тип получил развитие в странах, в которых буржуазия в ходе победоносных революций добилась абсолютного господства (Нидерланды, Англия, Франция). Второй тип либерализма сформировался в процессе революций, ведущих к капитализму, которые произошли, в частности, в 1848—1849 гг. в Германии и отдельных частях Польши. Ясно, что ни первый, ни второй тип либерализма не подходит для России. В ней возможно существование третьего типа. По мнению немецких историков, этот тип свойствен тем странам, где имел место "сдвиг фазы" буржуазной революции (т.е. революция не предшествовала капитализму): либеральные движения возникли там на базе незрелых капиталистических отношений.

Развитие российской буржуазии в начале XX в. находилось еще на стадии "класса в себе", если использовать кантовскую терминологию. Буржуазия не успела выработать классовую идеологию, не осознала свои классовые интересы и необходимость политической консолидации. Читатель может возразить: уже в 1905 г. в России были созданы буржуазно-либеральные партии — кадетов и октябристов. Да, это так. Но они возникли на гребне революции и едва ли в результате осознания буржуазией их необходимости. Ситуация парадоксальная — буржуазия получила партии, которые ей не бы-

ли нужны. Мы думаем, что процесс политической консолидации российской буржуазии начался только в годы первой мировой войны, когда были образованы органы буржуазной общественности — военно-промышленные комитеты, а взаимоотношения между новым классом и царизмом стали напоминать перетягивание каната. Правда, еще в конце XIX в. в России действовали такие организации, как Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, Совет торговли и мануфактур. Тогда же начали проводиться съезды промышленников. Но все это было скорее результатом инициативы правительства, заинтересованного в оживлении экономики, чем следствием осознания российскими предпринимателями своих классовых интересов. Что же касается военно-промышленных комитетов, то они были созданы представителями крупной торгово-промышленной буржуазии — Н.С. Авдаковым, П.П. Рябушинским, М.И. Терещенко. Их деятельность имела откровенно политическую направленность. Военно-промышленные комитеты настаивали на уступках правительства, требовали, чтобы оно поделилось властью с буржуазией. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков, обращаясь к руководителям ВПК, ехидно заметил: "Знаю я вас... Соберетесь якобы для обсуждения вопроса о поставке сапог на фронт, а будете говорить, конечно же, о конституции".

Но вернемся к облику российской буржуазии. И в начале XX в. в ней численно преобладали торговцы и ростовщики. Эти люди стремились пополнить ряды не столько буржуазии, сколько дворянства, что еще раз свидетельствует о том, что буржуазия не стала "классом для себя".

Весьма низким был культурный уровень российского буржуа. Достаточно обратиться к великолепным зрелищам из жизни русского купечества, принадлежащим перу писателя-сатирика второй половины XIX в. И.Ф. Горбунова. Правда, со временем в России появились европейски образованные промышленные магнаты. Однако общая картина мало изменилась и в начале XX столетия. Теперь уже можно отослать читателя к наблюдениям другого русского писателя — В.А. Гиляровского. (Поскольку речь зашла о литературе, заметим: мнение о том, что образ либерала был окарикатурен в советское время, не совсем справедливо. Согласимся, что традиция оглупления вначале "либерала" вообще, а потом "кадета" и "октябриста" уходит корнями в рус-

скую дореволюционную литературу. К созданию портрета трусливого, недалекого и никчемного болтуна приложили руку и М.Е. Салтыков-Щедрин, и Арк. Аверченко, и другие.)

Все сказанное позволяет понять, почему в роли носителей либеральных идеалов в России выступали, как правило, ориентированные на капиталистический путь развития аристократы, интеллигенты и военные, т.е. люди, которые не были прямо связаны с хозяйственной жизнью страны.

Среди активных деятелей либеральных организаций, возникших на рубеже веков и явившихся предшественниками партий конституционных демократов и октябристов, было немало представителей известнейших аристократических семей и интеллектуальной элиты. Полулегальный московский кружок "Беседа" был создан по инициативе князей Павла и Петра Долгоруковых, графа П.С. Шереметева и князя Д.И. Шаховского. Требования его были очень умеренными, он и создавался с целью пробуждения "общественной деятельности, общественного мнения в России"⁹. Признание необходимости социальных реформ сочеталось у членов кружка с убеждением, что гарантом любых преобразований должна быть самодержавная власть.

Руководителем еще одной либеральной организации — Союза освобождения — был П.Б. Струве, в недавнем прошлом "легальный марксист", в скором будущем один из идеологов партии кадетов. "Освобожденцы" выступали за обновление России с опорой на широкие народные массы. Струве утверждал, что либеральная партия должна стать по преимуществу рабоче-крестьянской партией. Освободительное движение объявлялось "общим делом отцов и делов". Отдельные требования Союза легли в основу программы конституционно-демократической партии (кадетов), принятой учредительным съездом 12—18 октября 1905 г. Эта программа заслуживает того, чтобы назвать ее главные пункты¹⁰:

«... все российские граждане без различия пола, вероисповедания и национальности равны перед законом. Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав ... должны быть отменены;

... каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания... Православная церковь и другие исповедания должны быть освобождены от государственной опеки;

... каждый волен высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать их и распространять

путем печати или иным способом. Цензура, как общая, так и специальная, как бы она ни называлась, упраздняется и не может быть восстановлена. За преступления и проступки, совершенные путем устного и печатного слова, виновные отвечают только перед судом;

... всем российским гражданам предоставляется право устраивать публичные собрания... для обсуждения всякого рода вопросов;

... все российские граждане имеют право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрешения;

... право петиций предоставляется как отдельным гражданам, так и всякого рода группам, союзам, собраниям и т.п.;

... личность и жилище каждого должны быть неприкосновенны. Вход в частное жилище, обыск, выемка в нем и вскрытие частной переписки допускаются только в случаях, установленных законом, и не иначе, как по постановлению суда...;

... никто не может быть подвергнут преследованию иначе, как на основании закона — судебной властью и установленным законом судом. Никакие чрезвычайные суды не допускаются;

... каждый гражданин пользуется свободой передвижения и выезда за границу. Паспортная система упраздняется.

... все вышеозначенные права граждан должны быть введены в основной закон Российской Империи и обеспечены судебной защитой...».

А. Солженицын в "Красном колесе" пишет об этой программе: в трех десятках пунктов было собрано все необходимое, чтобы организовать жизнь по лучшим западным образцам. И тут же добавляет: против таких требований невозможно найти разумные аргументы, пока не испытаешь их на своей стране и на себе. "Вермонтский затворник" опасается, не запутается ли Россия, в которой не было даже прообраза гражданского общества, во всех этих невиданных свободах, если они вдруг на нее свалятся?

Однако неверно видеть в кадетях прекраснодушных мечтателей, далеких от истинных забот страны. Среди них было немало умудренных жизнью, опытных политиков, успевших поработать в земстве и различных общественных организациях.

В годы первой российской революции кадетские организации действовали в 76 губерниях и областях. Кадеты определяли численность своей партии в 70—100 тыс. человек. Департамент полиции считал, что в период

расцвета партии в ней было более 100 тыс. членов. В столичных, губернских, областных и уездных городах насчитывалось 283 организации, в сельской местности — лишь 75. Скажем и о том, что из 52 человек, входивших в состав партийных руководящих органов, 49 имели высшее образование¹¹. Таким образом, конституционные демократы оставались по преимуществу "городской", "интеллигентской" партией.

Идейным центром либерализма стала Москва. В "белокаменной" с ее давними либеральными и демократическими традициями кадеты искали поддержку и единомышленников. Москвичами были председатели I и II Государственных дум кадеты С.А. Муромцев и Ф.А. Головин. Первый преподавал право в Московском университете и оказался депутатом Думы в 56-летнем возрасте, второй председательствовал в московской губернской земской управе. В Москве родился П.Н. Милюков, признанный лидер российского либерализма начала XX в. (Впрочем, Милюков заслуживает отдельного рассказа, и ниже мы скажем об этом человеке, являвшемся звездой первой величины на российском политическом небосклоне.) Окружали Павла Николаевича личности незаурядные и достойные нашей памяти. Нам imponируют спокойные и уважительные характеристики руководителей партии, которые оставили в своих воспоминаниях князь В.А. Оболенский и министр иностранных дел А.П. Извольский¹².

Председателем ЦК партии народной свободы (таково официальное название конституционно-демократической партии) на первом съезде был избран Иван Ильич Петрункевич, один из лидеров земского движения, свято веривший в идеалы старого либерального дворянства — от декабристов до деятелей реформ 60-х гг. Петрункевич был прямым и открытым человеком, в его поведении и выступлениях никогда не присутствовала двусмысленность. Эти качества Ивана Ильича несколько мешали парламентской борьбе, которой кадеты посвятили свою основную деятельность и которая часто требовала изворотливости и способности к компромиссам. Но они же сделали Петрункевича совестью партии. Тем более, что он был самым старшим по возрасту в руководящих органах кадетов, настоящим патриархом либерального движения.

Сподвижником Петрункевича по земскому движению и его близким другом был Федор Измайлович Родичев, сильный оратор и очень работоспособный человек. Именно с Родичевым связана скандальная сцена,

разыгравшаяся на одном из заседаний Государственной думы и весьма своеобразно воссозданная нынешними публицистами — И. Дьяковым в "Нашем современнике" и В. Казарезовым в "Вечернем Новосибирске". Выступая в Думе, разгорячившийся Родичев бросил в зал обличительную фразу о "столыпинских галстуках" — виселицах, которые якобы олицетворяли политику Столыпина. Это была несправедливость, и она вызвала бурный протест не только правых депутатов, но и фракций центра. И Дьяков, и Казарезов с умилением пишут, что у Столыпина была тысяча способов расправиться с Родичевым, но он избрал вариант, свидетельствующий о личном благородстве и мужестве премьера, — вызвал кадета на дуэль.

Мы несколько не сомневаемся в том, что Петр Аркадьевич был порядочным и смелым человеком. Но данный эпизод свидетельствует не столько о благородстве и мужестве Столыпина, сколько о его расчетливом уме. В самом деле, что значит — премьер-министр мог расправиться с Родичевым тысячами способами? Наши публицисты как-то забыли, что в "бесправной" России существовало понятие депутатской неприкосновенности. Но дело даже не в этом, как и не в том, что Родичев формально не нарушил никаких законов: думские правила допускали критику в адрес любого представителя власти, исключая особу его императорского величества. Главное заключалось в другом — умный Столыпин не мог не понимать, что любая попытка расправиться с Родичевым, используя власть, поспорит его с обществом, и по всей России разнесется: "Сатрап! Царский опричник!" Для Столыпина это означало если и не конец карьеры, то конец реформам — это уж точно. Петр Аркадьевич, надо полагать, чувствовал ситуацию и расклад сил намного лучше, чем Дьяков и Казарезов. Кстати, вызывая Родичева на дуэль, премьер вряд ли серьезно рисковал. Он понимал, что поединок скорее всего не состоится — вызов смутит общественное мнение, а Родичев тут же окажется в двусмысленном положении. Так и случилось — незадачливый оратор принес Столыпину свои извинения. Одним словом, Столыпин сумел "просчитать" варианты и выбрать верный ход, который не только спас его политическое лицо, но и принес некоторые дивиденды.

Но мы отвлеклись от характеристики кадетских лидеров. Блестящая карьера открывалась перед Владимиром Дмитриевичем Набоковым, сыном министра юстиции, человеком талантливым и богатым. Однако в отли-

чие от молодых людей его круга, Набоков был склонен к либеральному образу мыслей. В 1903 г. он принял участие в редактировании журнала "Право", который поставил себе задачей борьбу за установление в России конституционного строя. После образования кадетской партии Владимир Дмитриевич стал одним из ее руководителей. Соратник Набокова князь Оболенский в своих воспоминаниях упомянул о необычной смерти этого человека. Действительно, гибель Набокова оказалась очень драматической. Это случилось уже в 20-е годы. Когда на собрании русских эмигрантов в Берлине фанатик-монархист выстрелил в читавшего доклад Милюкова, сидевший в публике безоружный Набоков первым бросился защищать докладчика и был сражен пулей, не ему предназначенной¹⁴.

Незаурядным умом выделялся Василий Алексеевич Маклаков, член ЦК партии кадетов, депутат II—IV Государственных дум. Накануне Февральской революции Маклаков пошутил: "Говорят, Россия стоит на краю пропасти. Но разве был когда-нибудь день, когда она на нем не стояла? И ничего себе — стоит!". Право, шутка Маклакова внушает оптимизм в наше многотрудное время.

Заметную роль в партии играли М.М. Винавер и А.И. Шингарев, Н.В. Некрасов и Ф.Ф. Кокошкин, Г.Е. Львов и П.Д. Долгоруков. Замысел книги и ее размеры не дают возможности привести портреты этих людей. Заинтересованному читателю можно порекомендовать названные нами публикации, а также "Воспоминания" П.Н. Милюкова. Хотелось бы еще отметить, что среди кадетов и близких к ним по политическим воззрениям людей было немало выдающихся личностей. Это философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский; историки В.О. Ключевский, С.В. Бахрушин, А.А. Кизеветтер; зоолог М.М. Новиков; основатель геохимии и биогеохимии В.И. Вернадский; этнограф и фольклорист С.Ф. Ольденбург; экономист С.Н. Прокопович; искусствовед А.К. Живилегов; публицист А.С. Изгоев. По-разному сложилась их судьба. Одни оказались в эмиграции сразу после Октябрьской революции, другие были высланы из Советской России в целях "идеологического очищения" в 1922 г. в соответствии с известной установкой В.И. Ленина. Только очень немногие сравнительно благополучно продолжили свою работу в Советской стране.

Наконец, позволим себе несколько штрихов к политическому портрету самого именитого кадета — Павла

Николаевича Милюкова, именно штрихов, так как в последнее время появилось несколько удачных публикаций историков, в которых изложена биография Милюкова, охарактеризованы его научные и политические взгляды, оценено политическое поведение кадетского лидера¹⁵.

Милюков прожил долгую жизнь: он умер в 84-летнем возрасте. В его жизни было многое — усердное изучение отечественной истории и преподавательская работа; руководство партией и думской фракцией кадетов; деятельность на посту министра Временного правительства и длительный период эмиграции. Несомненно звездным часом стал для Милюкова Февраль 1917 г. Милюков взял на себя главные хлопоты по устройству новой власти. После отречения Николая II произошла драматическая встреча руководителей нескольких думских фракций с братом отрекшегося царя великим князем Михаилом Александровичем. В квартире начальника дворцового управления М.С. Путятинна на Миллионной улице усталый Милюков уговаривал великого князя принять российский престол. Вот как рассказывает об этих переговорах их очевидец Василий Витальевич Шульгин:

“Головой — белый как лунь, сизый лицом (от бессонницы), совершенно сильный от речей в казармах и митингах, он (Милюков. — И.О.) не говорил, а карка хрипло... — Если вы откажетесь... Ваше высочество, будет гибель. Потому что Россия... Россия теряет... свою ось... Монарх... это — ось... Единственная ось страны. Масса, русская масса, вокруг чего... вокруг чего она собирается? Если вы откажетесь... будет анархия... хаос, кровавое месиво... Монарх — это единственный центр. Единственное, что все знают... Единственное общее. Единственное понятие о власти... пока... в России... Если вы откажетесь... будет ужас... полная неизвестность... ужасная неизвестность... потому что... не будет... не будет... присяги... а присяга — это единственный ответ... единственный ответ, который может дать народ... нам всем... на то, что случилось... Это его — санкция... его одобрение... его согласие... без которого... нельзя... ничего... без которого не будет... государства... России... ничего не будет...”¹⁶

И хотя Шульгин недолюбливал Милюкова, он убежденный сторонник монархии и человек, переживший “кровавое месиво” гражданской войны, назвал слова Павла Николаевича “мудрыми”, “вещными”, “самыми большими словами его жизни”.

До окончания гражданской войны Милюков и его партия при некоторых оговорках выступали за монархическую Россию. Это и имел в виду А.Ф. Керенский, когда писал, что “никакие неудачи, личные поражения не могут оторвать П.Н. Милюкова от его идеи, не могут разбить его волю служить России”¹⁷. Мы бы добавили — “единой и неделимой” России. Другое дело, что кадеты не были сторонниками того самодержавного режима, который существовал в стране, а мечтали о конституционной, парламентской монархии, ограниченной законом. Образцом, идеалом для них служил государственный строй Англии. Монархические настроения среди кадетов усиливались в моменты наибольшего размаха революционной стихии, когда, с точки зрения партии народной свободы, для ее обуздания становился особенно необходимым монархический символ. Так было в дни Декабрьского вооруженного восстания, так было и в февральские дни 1917 г. Однако восставший народ не позволил сохранить в России монархию, и Милюков первым объявил о создании Временного правительства республиканской России.

Не случайно именно этот человек сыграл крупную роль в Февральской революции. Свержению самодержавия предшествовали многие события, в том числе образование осенью 1915 г. так называемого Прогрессивного блока, в который вошли большинство депутатов буржуазных фракций IV Думы и ряд монархистов, раздраженных военными поражениями царизма. Члены блока все чаще произносили в Думе антиправительственные речи. В выступлениях П.Н. Милюкова, Н.С. Чхеидзе, В.В. Шульгина, В.А. Маклакова содержались резкие нападки на правительство, царя и его окружение, муссировались слухи о секретных переговорах с Германией о мире. Военная цензура не допускала тексты таких выступлений к опубликованию, но они расходились в самиздатском варианте, будоража и подогревая страну. Милюков являлся идейным отцом Прогрессивного блока, любое его выступление становилось событием.

Примером может служить речь, произнесенная Милюковым на заседании Думы 1 ноября 1916 г. Между прочим, некоторые западные историки считают, что именно этот день стал началом Февральской революции. Это, конечно, не так. Но сцена, разыгравшаяся в тот день в Таврическом дворце — резиденции Думы, весьма примечательна.

Чтобы подготовить читателя к нашему рассказу, скажем о том, что в начале 1916 г. председателем Совета

министров был назначен ставленник Г. Распутина обер-секретарем Борис Владимирович Штюрмер. И хотя в 1916 г. дела на Восточном фронте для русской армии складывались относительно благополучно, оппозиция решила не упустить свой шанс — как понять назначение немца во главе правительства страны, воюющей против Германии?

Милюков вернулся из поездки по европейским странам, привез множество вырезок из западных газет, которых назначение Штюрмера квалифицировалось как успех прогерманской партии. Весь этот ворох материалов Павел Николаевич использовал в выступлении перед "народными представителями". Познакомив депутатов со своими вырезками, Милюков бросил в зал провокационный вопрос: "Что это — глупость или измена?" имея в виду и назначение Штюрмера, и другие скандальные действия правительства. Между прочим, лидер кадетов обыграл слова военного министра Д.С. Шуваева, которые были им сказаны в разгар шпиономании: ответ на упреки в неумелом руководстве ведомством "Я, может быть, дурак, но не изменник".

Как же реагировала Дума на выпад Милюкова? Председательствующий на заседании С.Т. Варун-Секрет, видимо, не понял содержания цитат из зарубежных газет и, вопреки запрету употреблять с думской трибуны иностранные выражения, не остановил оратора. И стоило Милюкову задать свой вопрос о возможной оценке поступков правительства, как по залу разнеслось "Измена, измена..." Черносотенец Н.Е. Марков (Марков-второй)¹⁸ попытался сгладить впечатление от речи Милюкова. Он также привел выдержки из английской и французской прессы, но уже с критикой кадетов и из руководства. Марков-второй обратил особое внимание на то, что Милюков являлся почетным профессором Софийского университета (в первой мировой войне Болгария воевала на стороне Германии), и закончил свою речь тем же вопросом: так что это (выступление Милюкова) — глупость или измена? "Народ безмолвствовал" — вопрос Маркова-второго повис в воздухе. Было ясно, что симпатии Думы на стороне оппозиции.

Сенсацией думской сессии стало выступление монархиста В.М. Пуришкевича с резкой критикой царя "Встаньте, господа министры! — обращался Пуришкевич к представителям правительства, — поезжайте в ставку и скажите государю, что темный мужик (Г. Распутин. — И.О.) не может долее править Россией". Эта речь и произвела впечатление на 21-летнего Феликса

Юсупова, замыслившего после горячих слов Владимира Митрофановича убийство "святого старца". Черносотенец Пуришкевич, презиравший либералов и сочинивший однажды обидное для Милюкова двустишие ("Павлушка — медный лоб, приличное название // Имел колжи большое дарованье"), делал одно с кадетами дело. Все — и либерал Милюков, и националист Шульгин, и монархист Пуришкевич — выстраивались в одну линию противостояния режиму.

После Октября в рядах белой эмиграции Милюкова обвиняли в том, что тот своими безответственными выступлениями, вроде того, что имело место в Думе 1 ноября 1916 г., спровоцировал революцию и стал чуть ли не главным ее виновником. Наверное, поэтому и советский историк В. Кувшинов в статье о Милюкове, опубликованной в "Аргументах и фактах", назвал последнего "посеявшим бурю". Но сам Павел Николаевич никогда не принимал таких упреков, объясняя, что он хотел открыть глаза на безумную политику Николая II и тем самым, напротив, остановить революцию.

Но мы увлеклись кадетами и их лидером. Между тем на политической арене России выступали и иные силы.

Во время первой российской революции была образована еще одна политическая партия — "Союз 17 октября". Процесс создания "Союза" был сложным и затяжным. Еще в ноябре 1905 г. были выработаны его программа и устав, созданы руководящие органы. Но окончательно партия сложилась лишь к середине 1906 г. 10 октября того же года она была официально зарегистрирована властями, т.е. признана легально действующей организацией. К тому времени в "Союзе" насчитывалось около 66 тыс. членов¹⁹. Как и кадеты, октябристы пытались создать массовую опору среди трудящихся. В Петербурге, Екатеринославе и Сормове были сформированы "рабочие партии 17 октября", есть сведения о создании октябристских крестьянских организаций в Воронежской, Таврической, Московской, Тульской, Костромской, Ярославской, Томской губерниях и Донской области²⁰. Однако попытки октябристов увеличить прослойку рабочих и крестьян в составе партии дали очень незначительный результат. Ее подлинное лицо определили торгово-промышленные и финансовые дельцы, помещики, чиновники и крупноцензовая интеллигенция.

Достаточно аморфный социальный состав партии стал причиной частых раздоров и конфликтов. Историки выделяют два крыла в "Союзе" — помещичье и буржуазное. Именно страх перед революцией заставил объе-

диниться в одну партию помещика, отличавшегося от своего правого собрата только тем, что он стоял на почве формального признания манифеста 17 октября, и консервативного буржуа, которого отталкивала от кадетов их опасная, с его точки зрения, игра в демократизм — попытки найти общий язык с левыми партиями и течениями в лице трудовиков, эсеров и меньшевиков²¹.

Выдвижение руководителем "Союз 17 октября" московского промышленника и торговца Александра Ивановича Гучкова было своеобразной уступкой, которую сделало правое большинство партии представителям буржуазных кругов. В сравнении с Милюковым, Гучков был человеком более скромных дарований. Он не имел той широты кругозора или ораторского таланта, которые отличали кадетского лидера. Правда, у него было другое — весьма авантюрный склад характера.

В молодости Гучков проник в Тибет, был принят Далай-ламой. Для европейцев это было редкостью. Затем судьба забросила его в Южную Африку, где он на стороне буров участвовал в англо-бурской войне. В течение непродолжительного времени Гучков служил в пограничной страже в Забайкалье, откуда был уволен за участие в дуэли. Кстати, страсть к дуэлям отличала Гучкова. Однажды он вызвал к барьеру самого Милюкова обидевшись на последнего за "непарламентские" высказывания о нем. Дуэль, правда, не состоялась.

Во время русско-японской войны будущий руководитель октябристов оказался в Маньчжурии. Гучков всегда считал себя крупным военным деятелем. Едва ли у него были основания так думать, но склонность к саморекламе принесла свои плоды — во Временном правительстве Александр Иванович стал, конечно же, военным министром.

В политику Гучков погрузился в 1905 г. и сразу проявил себя человеком консервативных убеждений. Вместе с братом Николаем Ивановичем — московским городским головой — осудил Декабрьское вооруженное восстание, а затем одобрил введение военно-полевых судов. Новый премьер-министр П.А. Столыпин заметил рвение А.И. Гучкова и провел того в председатели II Думы. На какое-то время возник альянс Столыпина и Гучкова, и фракция "Союз 17 октября" стала опорой правительства в Думе. В 1913 г. Гучков заявил, что надежды на союз с правительством не оправдались и поэтому его партия вынуждена перейти в оппозицию, Россию же ждет революция. Ему отплатили — не избрали в IV Думу. Но в 1915 г. Александр Иванович был из-

бран от торгово-промышленной партии в Государственный совет, где, впрочем, ничем себя не проявил.

Следующая вспышка политической активности Гучкова пришлось на февральские дни 1917 г. Вдвоём с Шульгиным он принимал манифест об отречении Николая II в пользу брата царя великого князя Михаила Александровича. Они и привезли манифест в революционный Петроград. Можно представить состояние Александра Ивановича, когда он поздним вечером 2 марта поднимался на импровизированную трибуну на площади перед Таврическим дворцом с тем, чтобы передать многотысячной толпе рабочих и солдат известие об отречении ненавистного императора. Гучков понимал, что это его звездный час, что он входит в историю как человек, принесший стране великую весть. Александр Иванович поднял руку, гудевшая толпа затихла, и он прокричал, что царь отрекся от престола. Реакция слушателей была восторженной: "Ура! Ура товарищу Гучкову!" Александра Ивановича, наверное, слегка передернуло, когда его назвали "товарищем". Но что сделаешь? В феврале 1917 г. все стали "товарищами". Толпа все заходила от восторга, и Гучков, не помня себя от переполнивших его чувств, прокричал: "Да здравствует император Михаил!" — и тут же понял, что ничего более идиотского он сказать в тот момент не мог. Возгласы негодования, улюлюканье и свист были ответом на эту здравицу. Стало ясно, что народ не примет никакой монархической власти. Однако лидеры буржуазии продолжали маневрировать...

Михаил Владимирович Родзянко был второй по значению фигурой в партии октябристов, но назвать его сильным политиком трудно. Неумение верно оценить политическую ситуацию в сочетании с довольно мягким характером делало его неуверенным и нерешительным. Эти качества мешали Родзянко руководить IV Думой, председателем которой он был назначен вопреки собственному желанию. Первое, что бросалось в глаза при его появлении на председательской трибуне, — внушительная фигура и зычный голос. Однако Михаила Владимировича редко принимали всерьез. За раскаты мощного голоса думские остроловы прозвали его Барабаном, а грузная фигура вызвала прозвище "Самовар". Многим было известно едкое замечание Витте о том, что главное качество Родзянко все-таки не ум, а голос. Милюков писал, что на своем ответственном посту Родзянко был явно не на месте и всегда нуждался в чьем-то руководстве²².

А. Блок в очерке "Последние дни императорской власти" воспроизвел содержание беседы между Родзянко и Николаем II, состоявшейся в начале февраля 1917 г., незадолго до свержения царизма²³. Царь и председатель Думы ведут удивительно беспомощный разговор. Родзянко пытается уговорить Николая предпринять некоторые действия для спасения династии, однако очень скоро сам оказывается под влиянием апатии и растерянности, поразивших императора.

"Союз 17 октября" после золотых для него времен III Думы начал терять свое значение в политической жизни России.

В начале XX в. в России сложилась крупнейшая демократическая партия — социалисты-революционеры (эсеры). Как и кадеты, эсеры стремились стать общенациональной партией. Кстати, такое стремление лишней раз свидетельствует о недостаточной четкости классовой структуры России. Но если кадеты пытались достигнуть поставленной цели в основном через практическую деятельность, то эсеры подвели под нее своеобразную теоретическую базу. В своих воззрениях партия придерживалась знаменитой триединой формулы, согласно которой между крестьянством, пролетариатом и интеллигенцией ("умственным пролетариатом") нет определенных классовых границ. На этот "класс-троицу" и собиралась опереться партия социалистов-революционеров.

Эсеры полагали, что добиться справедливого устройства общества можно используя не столько классовую борьбу (это марксистское убеждение эсеры называли "узким"), сколько саморазвитие личности. Они утверждали, что их внимание привлекает не класс, не богат и не бедняк, не буржуа и не пролетарий, не помещик и не крестьянин, не интеллигент и не неуч, а каждый из них — постольку, поскольку он есть человеческая личность, способная к непрерывному, всестороннему развитию²⁴.

Тем не менее партия в своей деятельности ориентировалась на крестьянство. Разделяя убеждения старого народничества о том, что крестьянская община — ступень к переходу в социализм, а русский крестьянин — прирожденный социалист, социалисты-революционеры объявили крестьянство главной движущей силой революции, полагая, что лишь деревня может стать "возбуждающим моментом", а пролетариат — слишком "узкий фундамент, чтобы опирающаяся на него политическая партия могла играть определяющую роль в политике страны"²⁵.

В соответствии с такой установкой эсеры придавали исключительное значение своей аграрной программе. Ее выполнение являлось, по их мнению, залогом построения в будущем социализма. Необходимость планомерного революционного воздействия на деревню была осознана эсерами после массовых крестьянских волнений весной 1902 г. В 1903—1904 гг. в партийной публицистике появились первые проекты аграрной программы, помощью которой эсеры и рассчитывали оказать влияние на стихийные выступления крестьян²⁶.

Аграрный проект эсеровской партии известен как программа социализации земли, которую левые эсеры отстаивали и в 1917 г. Основные требования этой программы сводились к следующему: ликвидация частной земельной собственности и передача земли крестьянам на уравнильных началах. Но это самая общая схема. Чуть углубившись в эсеровские представления по аграрному вопросу, историк столкнется с противоречивыми и порой любопытными вещами.

Социалисты-революционеры являлись противниками помещичьего землевладения. Собственно, это вполне естественно для людей, объявивших себя защитниками крестьянских интересов. Требование ликвидации помещичьего землевладения обосновывалось при помощи традиционных представлений народников и обосновывалось весьма эффектно. В соответствии с этими представлениями, капитализм, несущий разорение основной массе производителей, — это несомненное зло. Проводником капиталистических отношений в деревне, по мнению эсеров, является крупное помещичье хозяйство. Теперь все встает на свои места — чтобы уничтожить зло, надо ликвидировать помещичье землевладение.

Эсеровские построения представляют собой любопытный пример того, как из двух неверных посылок (ибо капитализм, конечно, не есть абсолютное зло, а капиталистические отношения развивались и в крестьянском хозяйстве) делался революционный вывод: устранить помещиков из сельскохозяйственной жизни страны можно только в результате крестьянской революции и глубоких демократических преобразований.

Что же дальше? Кто станет хозяином земли? Эсеры отвечали — крестьяне и только они; земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Но на каких условиях? На первом съезде партии один из ее руководителей В.М. Чернов заявил, что вся земля в стране должна отойти "общенароду". Эта формулировка была непонятна многим членам партии. В самом деле, землю

можно передать общинам, кооперативам, каким-то специально созданным органам, которые регулировали бы землепользование. Но как можно передать землю "общине-народу"? Между тем определение Чернова возникло не случайно. Дело в том, что над эсерами тяготели пространенные в России представления, согласно которым "земля — ничья", "земля — дар божий" и поэтому регламентация земельных отношений несправедлива. Любой же, пусть самый демократический орган регулирования землепользования неизбежно принесет с собой регламентацию.

Но, как бы то ни было, для того чтобы выйти из тупика, в который вела черновская формула об "общине-народе", решено было, что право распоряжения землей должно принадлежать общинам, союзам общин, земельным кооперативам. Крестьяне получают землю на уравнительных началах — по трудовой норме (площадь земли, которую способно обработать хозяйство без привлечения наемных рабочих) или по потребительной норме (надел, который может прокормить семью). Таким образом, по замыслу эсеров, всем крестьянским хозяйствам должны быть предоставлены "равные стартовые возможности", в конечном же счете ставка делалась на трудовое (неэксплуататорское) хозяйство.

Программа социализации земли была подвергнута очень жесткой критике со стороны В.И. Ленина и других большевиков. Эсеровский проект, полагали марксисты, ведет к консервации общинного патриархального крестьянского хозяйства, а значит — к застою и отсталости. Позиция Ленина и его единомышленников понятна — протекавшие в тогдашнем мире процессы подвели к выводу, что развитие производительных сил происходило в ходе укрупнения производства и разрушения мелкого трудового хозяйства, на которое эсеры и возлагали свои надежды. Но в работах современных историков такая оценка проекта социалистов-революционеров выглядит ортодоксальной. Во-первых, теперь уже хорошо известно, что эсеры отнюдь не считали массу раздробленных крестьянских хозяйств итогом развития аграрного строя России. Они полагали, что в деревне будут развиваться самые разные формы производственных объединений, прежде всего земледельческие кооперативы, причем последние возникнут не в результате давления на крестьян, а как следствие постепенного осознания самими крестьянами выгоды и целесообразности добровольного объединения. Во-вторых, в развитии капиталистического мира в последующий период легко об-

наружить нечто, весьма напоминающее то, о чем в начале века толковали эсеры. Мы имеем в виду появление мощных средних слоев населения, рост потребления которых стал стимулом подъема производительных сил. И этот подъем происходил уже не за счет "развала" общества на две антагонистические группы — богатеющих и разоряющихся. В этом смысле ставка эсеров на многочисленное неэксплуататорское большинство со средним уровнем дохода выглядит скорее гениальной догадкой, чем заблуждением.

Уже в годы революции эсеры представляли значительную силу, пользовавшуюся довольно широким влиянием среди крестьянства, части рабочих, а также средних слоев городской интеллигенции. По данным губернских организаций эсеров, крестьяне (вместе с солдатами) составляли в партии 45,2 %, рабочие — 43,2, интеллигенты (вместе с учащимися) — 11,6 %. Общая численность партии в 1906 г. достигала 65 тыс. членов²⁷.

В начале XX в. в России уже существовал многочисленный класс промышленных рабочих, сформировавшийся в пореформенные десятилетия. Девяностые годы принесли с собой рабочие стачки и распространение марксистских идей.

В советское время сложилось представление о постоянном ухудшении положения рабочих России в эпоху капитализма. Такой вывод явился скорее результатом влияния идеологических установок и историографической традиции, чем итогом объективного изучения положения вещей. В стремлении провести эту линию авторы порой теряли чувство меры. Мы предлагаем читателю самому обратиться к школьному или вузовскому учебнику по истории нашей страны в капиталистическую эпоху, отыскать там страницы, повествующие о жизни промышленных рабочих, и прочесть все эти материалы. Картина предстанет безрадостная. Читатель убедится, что в 70—80-е гг. XIX в. положение рабочих было тяжелым, в 90-е гг. условия их труда и быта ухудшились, в начале XX в. они ухудшились еще сильнее, наконец, после революции 1905—1907 гг. жизнь рабочих стала невыносимой. Одновременно в нашей историографии подвергались разному взгляды так называемых реформистов, которые считали возможным "автоматический", стихийный процесс улучшения условий труда и быта рабочих вследствие развития капитализма.

Конечно, уровень жизни рабочих зависел от политической системы государства и в самодержавной России был ниже, чем в промышленных странах Запада. Но с

развитием капитализма началось его повышение. Тенденция улучшения жизни пролетариев отмечена в одном из лучших в современной науке исследований этого вопроса — книге Ю.И. Кирьянова²⁶. Далеки от прямолинейности в оценке проблемы и другие специалисты, на чье мнение ссылается Кирьянов²⁷. Так, Е.С. Варга показал, что утверждение о постоянном ухудшении материального положения рабочих не согласуется с многочисленными высказываниями В.И. Ленина. Историки М.И. Гильберт и С.Г. Струмилин доказали, что в 80—90-е гг. реальная заработная плата выросла на крупнейших промышленных предприятиях Петербурга и Московской губернии (Путиловский, Невский, Ижорский и Коломенский заводы). В монографии Э.Э. Крузе отмечалось, что при тенденции к уменьшению в годы депрессии (1900—1903 гг.) реальная заработная плата фабрично-заводских рабочих за 1910—1914 гг. в целом несколько возросла. В начале XX в. на многих предприятиях России был установлен 8-часовой рабочий день.

Улучшение жизненных условий способствовало росту образовательного и культурного уровня российских рабочих. Современники отмечали, что тяга к знаниям отличала рабочих, занятых в наиболее технически оснащенных отраслях промышленности. Об этом писал Л.Д. Троцкий, хорошо знавший молодых рабочих судостроительного завода в Николаеве³⁰. Советский посол в Англии И.М. Майский вспоминал, что в библиотеке лидеров английских тред-юнионов были, как правило, две книги — библия и справочник по футболу. Русские рабочие читали "Происхождение видов" Ч. Дарвина, "Астрономию" К. Фламариона, "Овод" Э. Войнич и, конечно, социалистическую литературу.

Возникшая в конце XIX — начале XX в. Российская социал-демократическая рабочая партия к весне 1905 г. имела 60 комитетов и 105 групп, действовавших в 79 губерниях и областях. Общая численность социал-демократов в начале первой российской революции составляла 26,5 тыс. человек (14 тыс. большевиков и 12,5 тыс. меньшевиков). К V съезду партии, состоявшемуся весной 1907 г., в ней насчитывалось в общей сложности более 167 тыс. членов³¹.

Хорошо известно, какое значение придавал необходимости организационного и идейного единства партии революционеров В.И. Ленин. Менее известно, что культ партии восходит еще к традициям революционного народничества. Идеолог народнического движения П.Л. Лавров уподоблял партию штабу, который выраба-

тывает тактику неуклонной, терпеливой борьбы и "рассчитанных ударов". Важнейшим принципом построения революционной партии Лавров считал строгую дисциплину, подчинение "индивидуальных воле" общему направлению мыслей и общему плану действий, ибо партия — это "коллективная сила". Партия должна объединять не всех революционеров, а только наиболее сознательных и способных подчинить себя коллективной воле организации. Отметим практически полное совпадение этого убеждения Лаврова с той редакцией первого пункта устава РСДРП, которую предложил Ленин на II съезде российской социал-демократии. Правда, Лавров однажды заявил, что после ликвидации самодержавия путем заговора интеллигентской партии надо создать парламентский порядок управления страной по типу Западной Европы³². В этом смысле Ленин и большевики в самом деле пошли "другим путем".

Возвращаясь к установкам народников, воспринятым Лениным, отметим, что от них недалеко и до сталинского "ордена меченосцев". Однако надо иметь в виду, что пресловутый культ партии, абсолютизация ее роли в истории обуславливались в известной мере экономической и политической отсталостью страны, незрелостью ее классовой структуры. В представлениях революционеров эти обстоятельства превращали партию в субъект истории. Скажем и о том, что ни одна другая партия не была так жестко ориентирована на политическую борьбу и захват власти, как партия большевиков.

21 октября 1894 г. на российский престол вступил 26-летний Николай II. Интересы Николая не отличались разнообразием. Несмотря на сравнительно молодой возраст, новый царь был уже порядком перегружен алкоголем. В годы своего наследничества будущий император служил в полку лейб-гвардии, которым командовал великий князь Константин Николаевич. Пьяные оргии офицеров этого полка были систематическими, и Николай принимал в них весьма активное участие. Напивались до такого состояния, что воображали себя волками, раздевались донага, высказывали на улицу, усаживались на четвереньки и принимались выть на луну. Услужливый буфетчик выносил на крыльцо лохань с водкой, новоиспеченные волки подползали к лохани и принимались лакать прямо из нее. Старый буфетчик отталкивал ногой визжавших великих князей: "Ну, серый, куда ты лезешь?"³³

Говорят, дневник — зеркало души человека. Николай вел дневник в течение многих лет. В свое время

развитием капитализма началось его повышение. Тенденция улучшения жизни пролетариев отмечена в одном из лучших в современной науке исследований этого вопроса — книге Ю.И. Кирьянова²⁸. Далеки от прямолинейности в оценке проблемы и другие специалисты, на чье мнение ссылается Кирьянов²⁹. Так, Е.С. Варга показал, что утверждение о постоянном ухудшении материального положения рабочих не согласуется с многочисленными высказываниями В.И. Ленина. Историк М.И. Гильберт и С.Г. Струмилин доказали, что в 80—90-е гг. реальная заработная плата выросла на крупнейших промышленных предприятиях Петербурга и Московской губернии (Путиловский, Невский, Ижорский и Коломенский заводы). В монографии Э.Э. Круже отмечалось, что при тенденции к уменьшению в годы депрессии (1900—1903 гг.) реальная заработная плата фабрично-заводских рабочих за 1910—1914 гг. в целом несколько возросла. В начале XX в. на многих предприятиях России был установлен 8-часовой рабочий день.

Улучшение жизненных условий способствовало росту образовательного и культурного уровня российских рабочих. Современники отмечали, что тяга к знаниям отличала рабочих, занятых в наиболее технически оснащенных отраслях промышленности. Об этом писал Л.Д. Троцкий, хорошо знавший молодых рабочих судостроительного завода в Николаеве³⁰. Советский посол в Англии И.М. Майский вспоминал, что в библиотеке лидеров английских тред-юнионов были, как правило, две книги — библия и справочник по футболу. Русские рабочие читали "Происхождение видов" Ч. Дарвина, "Астрономию" К. Фламариона, "Овод" Э. Войнич и, конечно, социалистическую литературу.

Возникшая в конце XIX — начале XX в. Российская социал-демократическая рабочая партия к весне 1905 г. имела 60 комитетов и 105 групп, действовавших в 79 губерниях и областях. Общая численность социал-демократов в начале первой российской революции составляла 26,5 тыс. человек (14 тыс. большевиков и 12,5 тыс. меньшевиков). К V съезду партии, состоявшемуся весной 1907 г., в ней насчитывалось в общей сложности более 167 тыс. членов³¹.

Хорошо известно, какое значение придавал необходимости организационного и идейного единства партии революционеров В.И. Ленин. Менее известно, что культ партии восходит еще к традициям революционного народничества. Идеолог народнического движения П.Л. Лавров уподоблял партию штабу, который выраба-

тывает тактику неуклонной, терпеливой борьбы и "расчитанных ударов". Важнейшим принципом построения революционной партии Лавров считал строгую дисциплину, подчинение "индивидуальных волей" общему направлению мыслей и общему плану действий, ибо партия — это "коллективная сила". Партия должна объединять не всех революционеров, а только наиболее сознательных и способных подчинить себя коллективной воле организации. Отметим практически полное совпадение этого убеждения Лаврова с той редакцией первого пункта устава РСДРП, которую предложил Ленин на II съезде российской социал-демократии. Правда, Лавров однажды заявил, что после ликвидации самодержавия путем заговора интеллигентской партии надо создать парламентский порядок управления страной по типу Западной Европы³². В этом смысле Ленин и большевики в самом деле пошли "другим путем".

Возвращаясь к установкам народников, воспринятым Лениным, отметим, что от них недалеко и до сталинского "ордена меченосцев". Однако надо иметь в виду, что пресловутый культ партии, абсолютизация ее роли в истории обуславливались в известной мере экономической и политической отсталостью страны, незрелостью ее классовой структуры. В представлениях революционеров эти обстоятельства превращали партию в субъект истории. Скажем и о том, что ни одна другая партия не была так жестко ориентирована на политическую борьбу и захват власти, как партия большевиков.

21 октября 1894 г. на российский престол вступил 26-летний Николай II. Интересы Николая не отличались разнообразием. Несмотря на сравнительно молодой возраст, новый царь был уже порядком перегружен алкоголем. В годы своего наследничества будущий император служил в полку лейб-гвардии, которым командовал великий князь Константин Николаевич. Пьяные оргии офицеров этого полка были систематическими, и Николай принимал в них весьма активное участие. Напивались до такого состояния, что воображали себя волками, раздевались донага, высказывали на улице, усаживались на четвереньки и принимались выть на луну. Услужливый буфетчик выносил на крыльцо локани с водкой, новоиспеченные волки подползали к локанам и принимались лакать прямо из нее. Старый буфетчик отталкивал ногой визжавших великих князей: "Ну, серый, куда ты лезешь?"³³

Говорят, дневник — зеркало души человека. Николай вел дневник в течение многих лет. В свое время

движимые целью представить последнего монарха в возможно более невыгодном свете историки и публицисты привели немало дневниковых записей, которые должны были свидетельствовать о безудержном пьянстве и слабом уме Николая II. Таких строк в дневнике в самом деле немало. Вот, скажем, одна из типичных записей, относящаяся к 11 июня 1889 г.: "...началось с еды, с питьем кахетинского; разумеется, с песнями и джигитовкой. После я ничего не помню, что со мной было, знаю, что ужасно травило"³⁴.

И все же дневник не передает всех черт характера и особенностей поведения Николая II. Дневник, составивший семь небольших книжек и сорок одну общую тетрадь, по сути дела пуст. Если говорить всерьез, основываясь на характеристиках, данных царю его современниками, на наблюдениях историков, обращаясь к поведению самого Николая, картина предстанет примерно такая.

Николай II был очень неглупым человеком. Он неплохо разбирался в людях. Но интуиция подменяла широту кругозора и умение анализировать. Большое влияние на формирование политических взглядов царя оказал его учитель и советник обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, которого П.Н. Милюков назвал принципиальным противником всего, что напоминало свободу и демократию³⁵. Именно Победоносцев оставил одну из самых исчерпывающих характеристик Николая II: "Он имеет природный ум, проницательность, схватывает то, что слышит, но схватывает значение факта лишь изолированного, без отношения к остальному, без связи с совокупностью других фактов, событий, течений, явлений... Широкого общего взгляда, выработанного обменом мыслей, спором, прениями, для него не существует"³⁶.

Узость кругозора порождала консерватизм мышления и боязливость. Достаточно вспомнить, сколько сил в времени пришлось потратить Витте для того, чтобы уговорить царя подписать манифест 17 октября 1905 г. И это в то время, когда самодержавная Россия стояла буквально на краю обрыва! День подписания манифеста Николай считал одним из самых тяжелых дней своей жизни. Под этой датой в дневнике записано: "17 октября. Понедельник. Завтракали Николаша и Стана (дядя царя великий князь Николай Николаевич и дочь Анастасия. — И.О.). Сидели и разговаривали, ожидая приезда Витте. Подписал манифест в 5 часов. После такого

дни голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и усмири Россию".

Многие люди, неплохо знавшие Николая II, отмечали его слабоволие. Обратимся к заметкам Милюкова: "Николай II был, несомненно, честным человеком и хорошим семьянином, но обладал натурой крайне слабавольной. Царствовать он вообще не готовился и не любил, когда на него упало это бремя. Этикет двора он, как и его жена, ненавидел и не поддерживал. Добросовестно, но со скукой выслушивая очередные доклады министров, он с наслаждением бежал после этих заседаний на вольный воздух — рубить дрова, его любимое занятие"³⁷.

Николай старался избегать прямого влияния на себя и не выносил людей, в чем-то его превосходивших, представлявших собой, по словам Витте, личность. (Злые языки даже утверждали, что царь не терпел рядом с собой мужчин выше его ростом.) Это волей-неволей приводило к тому, что Николай окружал себя людьми серыми и неинтересными. Так возникло явление, которое историк А.Я. Аврех удачно назвал синдромом некомпетентности. О каком поступательном движении общества можно тогда говорить? Ведь для такого движения как раз и нужны компетентность и талант в управлении.

В то время, о котором идет речь, у руля управления страной побывало два человека, мысливших широко и масштабно. Это С.Ю. Витте и П.А. Столыпин. При всей несхожести этих людей их объединяла убежденность в необходимости перемен. Как же относился к ним Николай II? Стоит упомянуть о реакции его на смерть лучших своих помощников. Узнав в 1915 г. о кончине Витте, находившийся в ставке верховного главнокомандующего Николай II написал жене прочувственное письмо, в котором сообщил, что в его сердце царит "истинно пасхальный мир" то ли потому, что он накануне беседовал с Другом (Г. Распутиным), то ли от того, что ему рассказали о смерти Сергея Юльевича Витте. С удивительным безразличием Николай отнесся к гибели Столыпина. В письме матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, царь упомянул о смерти Столыпина и своем присутствии на панихиде, а затем поделился "огромной радостью" от того, что все это беспокойство, связанное с трагическим происшествием, позади и он снова на яхте³⁸. Дело в том, что своими активными действиями Витте и особенно Столыпин заставляли царя принимать решения, делать выбор. А выбор в пользу

перемен неизбежно сталкивал царя с правыми, консервативными силами. Этого, естественно, не хотелось, и Николай начинал тяготиться своими резвыми помощниками.

Историк В.С. Дякин пишет, что события мирового значения проходили как бы мимо Николая, он и не стремился их понять³⁹. В дневниковых записях царя и его письмах нет даже намека на попытку разобраться в причинах Февральской и Октябрьской революций. Ему только "тошно читать" описание в газетах того, что произошло в Петрограде и Москве.

Мы уже ссылались на почти стенографическую запись беседы между царем и председателем IV Думы М.В. Родзянко, оставленную А. Блоком. Родзянко явился 10 февраля 1917 г. в Царское Село с традиционным "всеподданнейшим" докладом императору⁴⁰. Доклад был выдержан в тревожных тонах. Родзянко пугал царя близкими потрясениями и предупреждал Николая II, что его неумелые действия только приближают революции.

— Что же, вы хотите во время войны потрясти страну революцией? — вопрошал Михаил Владимирович.

— Я сделаю то, что мне бог на душу положит, — таким был ответ Николая.

Родзянко опять попытался воззвать к рассудку царя:

— Я полтора часа вам докладываю и по всему вижу, что вас повели на самый опасный путь... Вы хотите распустить Думу, я уже тогда не ее председатель и к вам больше не приеду. Что еще хуже, я вас предупреждаю, я убежден, что не пройдет трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас и вы уже не будете царствовать...

— Ну, бог даст.

— Бог ничего не даст, вы и ваше правительство все испортили, революция неминуема.

В этом разговоре поражают два момента — безликость ответов Николая II, полностью утратившего контроль над событиями, и, на первый взгляд, удивительная прозорливость Родзянко, который с точностью почти до одного дня предсказал дату крушения монархии. Однако с даром предвидения председателя Думы дело обстоит, по-видимому, просто — беседа записана Блоком уже летом 1917 г., т.е. после свержения самодержавия. Михаил Владимирович вполне мог приписать себе слова, которых на самом деле не говорил.

Политическая осторожность Николая II причудливо сочеталась с апломбом, который чаще всего проявлялся

тогда, когда царю казалось, что кто-то посягает на идею самодержавной власти. А этой идее Николай был верен на протяжении всего своего царствования. В самом его начале, 17 января 1895 г., делегаты земских и дворянских собраний и городских дум, пришедшие поздравить Николая II с восшествием на престол, услышали от него памятные слова, выкрикнутые фальцетом, по бумажке: "Я узнал, что в последнее время в некоторых земствах поднялись голоса, увлекшиеся бессмысленными мечтаниями об участии представителей от земств во внутреннем управлении... Пусть каждый знает, что я... буду защищать начало самодержавия так же неизменно, как мой отец"⁴¹. Между прочим, узнав, что общество шокировано этим заявлением, царь немного смутился и сказал, что слова "бессмысленные мечтания" надо понимать как "беспочвенные мечтания".

В декабре 1916 г., когда английский посол Дж. Бьюкенен попытался уговорить Николая предотвратить революцию, назначив министров, пользующихся доверием страны, царь высокомерно ответил: "Вы мне говорите, что я должен заслужить доверие моего народа. Не следует ли скорее народу заслужить мое доверие?"⁴². Даже произнося приветственную речь перед депутатами I Государственной думы, которая должна была ограничить самодержавие, царь не преминул показать, кто является истинным хозяином в стране. Иначе как объяснить его слова: "С пламенной верой в светлое будущее России я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых я повелел (выделено нами. — И.О.) возлюбленным моим подданным выбрать от себя?"⁴³

В то же время Николай, видимо, неплохо разбирался в самом себе. Он знал слабости своего характера, стремился скрыть отсутствие собственного мнения с помощью доступных ему бесхитростных приемов. В.О. Ключевский рассказывал П.Н. Милокову, как царь, вернувшись в семейный круг после встречи с Д.Н. Шиповым, сказал своим: "Вот, говорят, Шипов — умный человек. А я у него все выпросил — и ничего ему не сказал"⁴⁴. Царь определенно понимал, что он не создан для большой политики, ее хитросплетения тяготили его. Постепенно у Николая выработалось отношение к власти как к непосильному бремени, а призывы царицы стать Иваном Грозным или Петром Великим только раздражали его. Не мог он стать ни Иваном Грозным, ни Петром Великим — и не только по своим личным качествам: другая стала страна. В откровенную минуту царь признавался: "Я... стараюсь ни над чем не

задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу". А что, может быть, Николай открыл секрет управления нашей страной, а все последующие ее лидеры использовали его рекомендации?

А.И. Гучков, который принимал отречение у Николая II, поразился: Николай был совершенно спокоен, его голос дрогнул как будто только один раз — когда речь зашла о возможной разлуке с сыном. Гучков решил, что царь просто не понимал драматизма ситуации и даже предположил, что он имеет дело с человеком ненормальным, психически нездоровым. Но, возможно, причина спокойствия Николая крылась не в его "ненормальности", а в том, что он избавился, наконец, от тяготившей его ноши.

Скажем и о том, что Николай II находился под постоянным влиянием своего семейного окружения — вначале матери, потом дяди — великого князя Николая Николаевича, а также жены — Александры Федоровны. С течением времени это давление становилось все сильнее. Царица считала, что главное назначение Николая — сохранить трон для наследника, царевича Алексея. А сохранить трон неизмеримо легче в том случае, если царь останется самодержавным государем и не будет "присягать конституции".

Но каким бы заурядным человеком ни был Николай II, необходимо признать, что условия, в которых ему пришлось действовать, несопоставимы ни с какой другой эпохой дореволюционной России. И власть, в частности Николай II, проявляла известное искусство политического маневрирования, во всяком случае до тех пор, пока у самодержавия оставались резервы для такого маневрирования⁴⁵. К февралю 1917 г. возможности маневра были полностью исчерпаны.

В наше время нередко попытки уподобить время правления Николая II совершеннейшей идиллии и представить крушение династии как величайшую историческую ошибку и трагедию для страны. Однако весь исторический материал восстает против такой точки зрения. Самые разнообразные источники, относящиеся к последним месяцам царствования Николая II: свидетельства современников, принадлежавших к различным политическим силам, официальные документы, журналы и газеты всех направлений — говорят о том, что самодержавие было как кость в горле для всех слоев населения России. Оно не контролировало положения дел не только в "низах", но и в "верхах" общества; ни там, ни там

не могло найти себе опору. Но мы забежали вперед... В начале XX в. идея неограниченного самодержавного правления себя еще не изжила, и царизм мог рассчитывать на сравнительно широкую поддержку.

Массовые организации правого толка начали возникать весной 1905 г. Мы связываем появление этих организаций с политической консолидацией правительственного лагеря, который почувствовал неуверенность и растерянность перед ростом социальной активности в стране. Правда, история охранительного движения восходит к царствованию Александра III, когда для борьбы с революцией высокопоставленными лицами была организована "Священная дружина". Но тогда из этого начинания ничего не вышло. Теперь эти люди приступили к сколачиванию своих групп из люмпенизированных слоев населения. Объединяющим центром движения стал "Союз русского народа", созданный в Петербурге 8 ноября 1905 г. К весне 1907 г. он поглотил ряд правых партий и организаций. Руководителем "Союза русского народа" и редактором его печатного органа, газеты "Русское знамя", являлся врач Александр Иванович Дубровин. У него было два заместителя — уже известный нам Пуришкевич и инженер Александр Иосифович Тришатный.

На первом этапе революции 1905—1907 гг. черносотенные союзы оставались малочисленными. Силы их возросли со спадом революции, и в ходе выборов во II Думу они получили 24,6 % голосов выборщиков — больше, чем какая-либо другая партия. По данным "Союза русского народа", к концу 1907 г. число его членов превысило 400 тыс. человек⁴⁶. Однако это явно дутая цифра — при вербовке единомышленников "союзники" нередко записывали в свои отделы целые селения, улицы, предприятия, внося в списки всех членов семей, в том числе детей. Филиалы "Союза русского народа" проявляли наибольшую активность в районах со смешанным национальным составом. Более половины всех членов "Союза" сосредоточивалось в 15 губерниях так называемой "черты еврейской оседлости".

Деятельность членов "Союза" обычно связывают с разжиганием национальной розни, дикими еврейскими погромами, террором против революционеров. Имея в виду эту сторону в "работе" "Союза", Витте писал: «На знамени их высокие слова "самодержавие, православие и народность", а приемы и способы их действий архилживы, архибессовестны, архикровожадны. Ложь, коварство и убийство — это их стихия. Во главе стоит

всякая сволочь, как Дубровин, Грингмут, Юзефович, Пуришкевич, а по углам спрятавшись — дворцовая камарилья».⁴⁷

Менее известно о программе “Союза русского народа” и политических устремлениях его руководителей. А эти сведения весьма поучительны. “Союзники”, без устали называя себя “истинно русскими патриотами”, выступали за сохранение самодержавия и неприкосновенность частной собственности. Текст программы “Союза” под названием “Русскому народу” был принят первым Всероссийским съездом уполномоченных отделов партии 2 сентября 1906 г.⁴⁸ Конечная цель деятельности “Союза русского народа” определялась введением в стране строгого, прочного правового порядка на основе единства и нераздельности Российской империи и незыблемости царской власти, основанной на единении царя с народом. Признавалось народное представительство в лице Государственной думы, но она не могла выступать с законодательной инициативой. Все мероприятия в аграрной области должны были осуществляться при неприкосновенности помещичьего землевладения и земель, находившихся в частной собственности крестьян. Предусматривались продажа крестьянам государственных земель и увеличение помощи переселенцам.

Надежды общества на прогрессивные перемены квалифицировались правыми организациями как беспочвенные; демократические и либеральные идеи воспринимались как крамола, гибельная для России. При этом фразеология, которой пользовались “истинно” русские люди, временами поразительно напоминает доводы и поучения нынешних сторонников “сильного порядка” и “незыблемых устоев”. Прочитав телеграмму, отправленную 2 мая 1907 г. IV Всероссийским съездом русских людей Николаю II. Несмотря на незначительность повода (в Думе начались разговоры о желательности прекращения субсидирования из государственного бюджета церковно-приходских школ), ее составители вышли на весьма широкие обобщения: “В годину тяжелой смуты... церковная школа показала всю свою пользу, устойчивость и верность исконным началам духа, которым жив русский народ... Государственная дума в нынешнем крамольном ее составе несомненно употребит все усилия к тому, чтобы, прикрываясь пустыми фразами и лживо либеральными доводами и оскорбительными для церкви и народа соображениями, отказать в ассигновании необходимой... суммы на содержание церковных школ, и будет при обсуждении этого вопроса обли-

вать их грязью, как обливала грязью и доблестную нашу армию (выделено нами. — И.О.)... Довольно того разврата, который посеяли школа высшая и средняя, уничтожив русскую науку. Сохрани, царь-батюшка, народу надежный фундамент образования и воспитания его — церковную школу, истинно народную, нам близкую и дорогую”⁴⁹.

Что больше всего удручает в этом тексте — так это бессовестные слова о высшей школе, которая якобы уничтожила русскую науку. Надо было потерять всякое чувство меры, чтобы так оклеветать систему высшего образования, которая, несомненно, являлась гордостью русской культуры начала XX в. Высшая школа была сильна демократическими традициями (не они ли и вызвали злобу “патриотов”?), которые формировались в ней на протяжении полувека. Что же касается русской науки, то она в начале XX столетия переживала настоящий расцвет⁵⁰. Читатель без большого напряжения вспомнит по меньшей мере десятков имен блестящих русских ученых той поры. Наши математики и историки, физики и филологи, естествоиспытатели и философы, экономисты и географы были известны всему научному миру, и людям, которые называли себя “истинно русскими патриотами”, следовало бы гордиться ими.

Цитированная нами телеграмма — один из многих примеров прямого обращения руководителей “Союза русского народа” к императору. И надо сказать, что эти обращения находили понимание у Николая II. Еще 23 декабря 1905 г. делегация “Союза” в составе 23 человек во главе с Дубровиным и Тришатным была принята царем. При посещении царскосельского дворца Дубровин обратился к царю с речью, которую закончил словами: “Союз” обещает “постоять за тебя нелицемерно, не щадя ни добра своего, ни голов своих, как отцы и деды наши за царей своих стояли отныне и до века. И да будет с нами бог и возлюбленный государь”⁵¹. В ответ Николай II сказал: “Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас. Я верю, что с вашей помощью мне и русскому народу удастся победить врагов России... Поблагодарите всех русских людей, примкнувших к Союзу русского народа”.

Царь был почетным членом “Союза русского народа”. Его расположение, как и симпатии некоторых высокопоставленных правительственных чиновников, оставались на стороне “Союза”. Такая поддержка внушала “союзникам” убеждение в полной безнаказанности. Миллюков писал: «Сильные непосредственной поддержкой

сверху, организаторы ("Союза русского народа". — И.О.) заявляли открыто в тогдашней печати, что их организациям принадлежит высшая власть в России; они не просили, а требовали, и устами своих "фютюр-диктаторов" заявляли, что никакие разоблачения им не повредят⁵². Кадетский лидер был уверен в том, что эти люди действовали через голову самого П.А. Столыпина.

Итак, можно заключить, что в начале XX в. расстановку сил в России выражали три политических лагеря: либеральный, объединивший верхушку интеллигенции и обуржуазившихся помещиков, желавших превращения страны в конституционную монархию; демократический, включавший пролетариат, крестьянство, демократическую интеллигенцию, мелкобуржуазные слои города и деревни, борющихся за демократическую республику, широкие демократические преобразования; правительственный — царизм, черносотенцы, реакционные помещики. Эта ленинская схема⁵³ была искажена в историографии 30-х гг., которая представляла расстановку сил как противоборство рабочих и крестьян, с одной стороны, и царизма, выступавшего в союзе с буржуазией, — с другой. В этой упрощенной схеме правительство и либеральные партии изображались как одно целое, меньшевикам и эсерам отводилась роль "приспешников" и "соглашателей", проводивших курс, выгодный либералам. Такая подмена выхолащивала многообразие сложной и динамичной борьбы и взаимодействия разнородных классовых и политических сил⁵⁴.

Россия в начале XX в. представляла как страна резких социальных контрастов. Она оставалась самодержавным государством, но в этом государстве существовала независимая пресса. В промышленных городах были построены первоклассные предприятия, оборудованные по последнему слову техники, но эти предприятия соседствовали с феодальными латифундиями и крестьянскими надельными землями, которые обрабатывались стародедовским инвентарем. Марсово поле в Петербурге было местом парадов и смотров, полностью оправдывая свое название. На этих смотрах любил бывать Николай II. К приезду императора и великих князей рабочие воздвигали специальную трибуну. А затем отборные кавалерийские части демонстрировали перед высокими гостями свое искусство. Всадники галопом проносились по Марсову полю, а потом вдруг резко останавливались и застыли перед царской трибуной, отдавая салют императору. Это было эффектно и красиво, но когда кавалеристы сбавляли ход, все видели, что пики у них дере-

вянные. Дело, конечно, не в том, что в России не хватало металла для пик. Наша картина иллюстрирует все ту же контрастность российской действительности.

РЕВОЛЮЦИЯ И ДУМА

Клубок социально-экономических и политических противоречий вызвал революцию 1905—1907 гг. Крестьяне задыхались от малоземелья и выкупных платежей, рабочие требовали повсеместного 8-часового рабочего дня и ликвидации безработицы, интеллигенция разочаровалась в самодержавии, которое проявило полную беспомощность в стремлении установить контакты с различными политическими силами.

Попытка начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова сблизить либеральную интеллигенцию и противников радикальных мер в рабочей среде не удалась. Агенты Зубатова проникали на промышленные предприятия, создавали там рабочие организации и вели пропаганду идей социального мира и классового сотрудничества. Вначале это были либерально настроенные экономисты и социологи вроде профессора Московского университета И.Х. Озерова, затем их сменили священники и религиозные философы. Сам Зубатов всегда называл себя убежденным врагом революции. Однако обострение социально-политической обстановки в стране, начавшаяся война с Японией и агитационная работа социал-демократов ограничивали возможности зубатовского движения. В то же время именно с организацией зубатовского типа — знаменитым "Собранием русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга" — связано начало первой российской революции.

Руководителем общества был священник петербургской пересыльной тюрьмы Георгий Аполлонович Гапон. В организацию принимались только русские православные рабочие, и к началу 1905 г. в ней насчитывалось около 10 тыс. человек. Зубатов опекал гапоновское общество вплоть до своего смещения в августе 1903 г.

И сегодня некоторые обстоятельства, связанные с днем 9 января, остаются загадкой. В конце 1904 г. в Петербурге начались рабочие стачки. В первых числах января забастовка стала всеобщей, в ней участвовало около 150 тыс. человек. Нет оснований думать, что правительство разработало план кровавой расправы над рабочими. На состоявшемся вечером 8 января совещании Комитета министров высказывались разные точки зре-

ния по поводу возможного поведения властей в случае массовых демонстраций рабочих. Правда, встреча министров проходила при перевесе военно-карательных аргументов, выдвинутых министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским и столичным градоначальником И.А. Фуллоном¹. Но в итоге на совещании не было принято решение применить воинскую силу. Таким образом, в противовес сложившемуся в сталинское время представлению о событиях 9 января, согласно которому царские власти решили воспользоваться мирным шествием рабочих и потопить его в крови, скажем еще раз: нет достаточных оснований считать, что начавшаяся утром 9 января стрельба и непринятие мер к предотвращению шествия явились составными частями одного и того же официально принятого плана.

Что не подлежит сомнению — так это двусмысленность поведения властей. О готовившемся воскресном шествии к Зимнему дворцу им стало известно в четверг, 6 января. По воспоминаниям министра финансов В.Н. Коковцова, в этот день было решено, что царя в воскресенье в столице не будет, полиция сообщит об этом рабочим и тем предотвратит шествие². Действительно, Николай II уехал из города, но полиция ничего рабочим не сообщила. Более того, над Зимним дворцом утром 9 января развевался дворцовый штандарт Николая, означавший его пребывание там. Рабочих как бы зазывали в западню. Накануне, 8 января, с утра в городе появились объявления Фуллона, составленные весьма двусмысленно. В них говорилось о недопустимости всяких "сборищ" и "шествий" и одновременно утверждалось, что правительство и городские власти применят воинскую силу только против "массовых беспорядков"³. Но ведь понятно, что участники назначенной на 9 января демонстрации воспринимали ее как вполне дозволенное дело. Такое впечатление усиливалось развешанным рядом с объявлением градоначальника извещением гапоновского "собрания" о сборе в два часа у дворца, "где будет подана его величеству государю-императору просьба о содействии к удовлетворению рабочих нужд". Итак, многим казалось, что идти можно, нельзя устраивать "массовых беспорядков".

У событий 9 января много составляющих — это и пресловутая двойственность в позиции властей, и накаленность обстановки в городе, и нервозность полиции и войск. Очевидно, каждый из этих факторов сыграл свою роль, и в результате в истории России была перевернута одна из самых трагических ее страниц. На улицах горо-

да было убито около 1500 человек, примерно 5000 — ранено.

Некоторые кинофильмы, художественные произведения красочно передают, как огромная, ничего не подозревающая толпа рабочих с хоругвями, с пением царских гимнов во главе с Гапоном приближается к Зимнему дворцу, где ее ждут готовые к расправе солдаты. На самом деле картина была иной. Солдаты и казаки пытались остановить отдельные группы рабочих уже на окраинах. Именно там и прозвучали первые залпы. К Зимнему же прорвались лишь остатки рабочей массы. Группа, в которой шел Гапон, была атакована у Нарвской заставы, у моста через реку Таракановку, где тогда проходила граница города. На Дворцовой площади в тот день Гапон не был. Он насилу унес ноги у Нарвской заставы, спас его инженер Петр Рутенберг. Кстати, именно Рутенбергу суждено было стать организатором казни Гапона. После событий 9 января поп скрылся за границей, потом вернулся в Россию и, по не очень точным сведениям, пытался выдать охранке боевой отряд эсеровской партии. Эсеры и повесили Гапона на одной из дач под Петербургом. Случилось это в апреле 1906 г.

Интересующихся ролью Георгия Гапона в событиях революции, его деятельностью после "кровавого воскресенья" мы можем отослать к "Запискам" Гапона или роману-хронике В. Ардаматского "Перед штормом". Скажем о том, что распространенная трактовка этой роли, видимо, далека от истины. В именном указателе к девятому тому полного собрания сочинений В.И. Ленина читаем: Гапон — "провокактор; агент царской охранки, священник... Провокакторски помог царской охранке вызвать расстрел рабочих 9 января 1905 года с целью потопить в крови рабочее движение..."⁴ Итак, на Гапона возлагается вина за жертвы 9 января; более того, признается, что он сознательно толкнул рабочих под пули, шашки и нагайки. Однако мы видели, что у самих властей, скорее всего, не было плана вооруженного вмешательства в события. Да, поп несколько лет был связан с Зубатовым, накануне 9 января встречался с министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским и министром юстиции Н.В. Муравьевым. Но почему не предположить, что Гапон искренне верил в то, что он способен сыграть роль мостика между правительством и рабочими и предостеречь последних от крайних выступлений? Почему нужно видеть в нем непременно провокактора? Далее. Что заставило Гапона после 9 января скрыться

за границу? Часто утверждают, что сама охранка укрывала попа. Так ли это? Документов, подтверждающих участие властей в бегстве Гапона, нет.

В девятом томе ленинских работ помещена серия статей Владимира Ильича, объединенная общим названием "Революционные дни". Вождь русских большевиков признал, что "петербургские социал-демократы... относились вначале (выделено нами. — И.О.) и не могли не относиться с недоверием к Гапону"⁵. Это недоверие определялось уже одной принадлежностью Гапона к духовенству. Однако действительную роль этого человека, полагал Ленин, "могли решить только развертывающиеся исторические события, только факты, факты и факты". После этих слов следует вывод: "И факты решили этот вопрос в пользу Гапона"⁶.

Какие же факты имел в виду Ленин? Он определенно говорил о переходе Гапона с позиций бессознательного доверия властям к открытому призыву бороться с правительством. Ленин процитировал гапоновское "Письмо русским рабочим": "Товарищи, русские рабочие! У нас нет больше царя. Река крови протекла сегодня между ним и русским народом. Пора русским рабочим без него начать вести борьбу за народную свободу..."⁷

Согласимся, что уже ленинская оценка никак не укладывается в ту жесткую характеристику этого человека, которая стала для нас привычной.

Итак, в России началась революция. Вслед за немецким историком М. Вебером и советским историком К.Н. Тарновским мы склонны оценивать первую российскую революцию как запоздавшую. Капитализм уже достаточно утвердился в России и породил сильные анти-собственнические настроения. Они усиливались многовековым существованием в стране общинного строя, предполагавшего коллективное владение средствами производства в деревне и порождавшего психологию уравнительности. Борьба за собственность не стала пружиной русской буржуазной революции. В самом деле выступления крестьян против феодального землевладения не сопровождалась их борьбой за утверждение буржуазной частной собственности на землю. Более того, созданный 31 июля 1905 г. в Москве Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза высказался против этой собственности.

Отсутствие в революции единого или даже преобладающего направления борьбы превращало ее в конфликт с несколькими измерениями. Ленин, несомненно

обладавший исторической интуицией, хорошо чувствовал "особость" первой революции и ее многомерность, но закончил свой анализ категоричным "одномерным" политическим выводом о руководящей роли пролетариата в этой революции.

В ответ на расстрел рабочих по всей стране прошли забастовки и политические демонстрации. Весной и летом начались небывалые по размаху забастовки и открытые революционные выступления в крупнейших промышленных центрах (Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске, Варшаве...). 14 июня восстала команда броненосца "Потемкин". 22 июня в Лодзи начались баррикадные бои. Столкновения рабочих с полицией и войсками произошли в Одессе, Варшаве, Риге.

Противостояние рабочих и режима достигло почти предела в октябре 1905 г. Началась знаменитая всероссийская политическая стачка. Напряженное положение сложилось в Петербурге, где едва ли не ежедневно происходили вооруженные стычки рабочих с полицией. Именно в октябрьские дни 1905 г. петербургский генерал-губернатор Д.Ф. Трепов, обращаясь к войскам и полиции, отдал ставшую известной всей России команду: "Патронов не жалеть!" Трепов полностью оправдал характеристику, данную ему людьми, близко знавшими его: "Вахмистр по образованию, погромщик по убеждению". За проявленную в борьбе с рабочими свирепость Николай II одарил Д.Ф. Трепова своей дружбой. Между прочим, первое знакомство Николая с будущим усмирителем Петербурга не сулило большой близости.

Представьте такую картину. Похороны Александра III. Медленно движется траурный поезд с платформой, на которой установлен гроб с телом почившего царя. Вдоль полотна железной дороги выстроены воинские команды, которые отдают прощальный салют императору. Негромкие приказы офицеров почти не слышны за торжественной, исполненной печали музыкой. И вдруг, как только поезд поравнялся с ротой, которой командовал тогда еще молодой ротмистр Д.Ф. Трепов, все звуки перекрыла его зычная команда: "Голову выше, ребята! Смотреть веселей!" Стоявший в окружении родственников и сановников Николай спросил, кто этот идиот. Ему ответили, что это ротмистр Трепов... В октябре 1905 г. Николай наделил Трепова почти диктаторскими полномочиями и в знак особой милости поселил его в Зимнем дворце.

Однако, несмотря на рвение треповых, для режима наступили отчаянные дни. Многие обстоятельства свиде-

тельствовавали о кризисе правящей власти. Был разработан план раздачи сибирских земель Маньчжурской армии — лишь бы не пустить возвращавшихся с японской войны озлобленных солдат в Центральную Россию. Обсуждался, и весьма серьезно, план бегства царской семьи за границу. Наконец, что было уж совсем неслыханным, главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлер готовил проект принудительного отчуждения помещичьих земель и передачи их крестьянам. Надо оценить значение этого факта — правительство было готово вступить в открытый конфликт с помещичьим дворянством! Планы, проекты, предложения... Вскоре о них постарались забыть как о кошмарном сне. Но революция вырвала у власти вполне реальную уступку — манифест, провозгласивший для подданных империи политические свободы и обещавший созыв законодательной Государственной думы.

Сразу после появления манифеста 17 октября в революционном и либеральном лагерях обозначились два подхода к правительственному акту. Меньшевики уверяли, что после 17 октября основы самодержавия пали безвозвратно, и перед Россией открылась "эра процветания". Так же думали и многие эсеры. Один из них, М. Гоц, с пафосом говорил о манифесте: "Это — конституция, это — конец абсолютизма, это — новая эра..." Вместе с тем хорошо известна ленинская оценка манифеста как обмана, маневра правительства. Как ни странно, с Лениным невольно солидаризовался лидер кадетов Милюков, который несколько раз подчеркнул, что в заявлениях правительства не хватает главного — гарантий.

Нам кажется, что ленинская оценка не совсем объективна. Она сложилась явно под влиянием схемы о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Эта схема требовала все большей и большей радикализации масс, и манифест с провозглашенными демократическими свободами никак в нее не вписывался.

Мы уже рассказывали о том, как долго и трудно уговаривали царя подписать этот документ. Если манифест — это только обман, то может быть, Николай не подписывал его, так как был настолько шепетилец, что стеснялся обмануть свой народ? Нет, причина выжидания царя в другом: Николай считал, что предоставление стране демократических свобод и создание парламентской системы — это в самом деле потрясение основ самодержавного режима, которые он собирался ревностно

защищать. Николай воспринимал манифест как личную трагедию. Накануне его издания, 16 октября, царь писал: "Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное". Написав эти несомненно искренние слова, Николай затем явно шукавил: "По совести я предпочитаю давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки придти к тому же"⁸.

Отношение к манифесту и последовавшему затем, в декабре 1905 г., вооруженному восстанию в Москве окончательно размежевало социал-демократов. Если В.И. Ленин считал, что манифест — это обман, а высшей точкой революции стало именно восстание, то Г.В. Плеханов и его единомышленники полагали, что правительственным актом 17 октября революция должна была завершиться, а затеяв вооруженную борьбу рабочих с войсками в Москве, большевики нанесли вред освободительному движению, так как дали правительству моральное право отказаться от некоторых реформ.

Как бы то ни было революция доказала власть имущим и самому Николаю II, что правительство не могло до бесконечности держаться исключительно на военной и полицейской силе. Царизм был вынужден пойти на серьезные уступки. В результате революции в России появился прототип многопартийной системы, в стране стали действовать некоторые политические свободы (хотя и весьма ограниченные), наконец, была созвана законодательная Государственная дума. В этом, на наш взгляд, и заключается основное значение российской революции 1905—1907 гг. Не следует забывать, что значительные изменения в жизни страны стали результатом самоотверженной борьбы рабочих и крестьян с режимом.

День 27 апреля 1906 г. вошел в историю страны как день открытия российского парламента — Государственной думы. В эпопее "Красное колесо" Александр Солженицын пространно рассуждает о трагической строптивости I Думы, которая ее же и погубила. Вызывает сожаление явная предвзятость писателя при отборе цитат и других материалов. Такая подборка призвана не оставить у читателя "Красного колеса" сомнений — вместо того, чтобы проявить почтительность по отношению к правительству и заняться совместной с ним работой по "обустройству" России, Дума ударилась в амби-

ции, выдвинув "непомерные" требования вроде раздела помещичьих земель. И вину за эту провокационную возню Солженицын возлагает на кадетов, самую многочисленную и влиятельную фракцию I Думы.

Позволительно задаться вопросом: кто кого провоцировал? Накануне открытия Государственной думы были обнародованы составленные по инициативе Витте новые "Основные законы", в которых компетенция Думы была сильно ограничена. А так как в манифесте 17 октября было сказано, что отныне ни один закон не будет иметь силы без одобрения Думы, то само издание "Основных законов" в порядке царского указа представлялось думским депутатам нарушением их прав. Еще раньше Николай II подписал весьма консервативный закон о выборах в Думу, который вводил куриальную систему. Избиратели, по этому закону, делились на четыре курии — землевладельческую, городскую, рабочую и крестьянскую. Выборы по первым двум куриям были двухступенчатыми, по рабочей — трехступенчатыми, по крестьянской — даже четырехступенчатыми. Одна из газет поместила карикатуру, изображавшую несколько рядов сита. В верхнем ряду располагалась большая толпа крестьян, ниже их было уже меньше, еще ниже — небольшая кучка, и, наконец, в нижний ярус проскочил один-единственный мужичонка. Сито держали в руках чиновник и помещик, которые и отбирали нужный им состав выборщиков и думских депутатов по крестьянской курии.

Тот же избирательный закон вводил неравное представительство по различным куриям. Все это являлось нарушением манифеста 17 октября, который провозглашал прямые и равные выборы. Заметим также, что правительство ввело практику, при которой законопроект, одобренный Думой, но не поддержанный в Государственном совете, отвергался. В этой ситуации Государственный совет становился по сути верхней законодательной палатой и приобретал роль своеобразного фильтра.

Представляется рискованным вслед за Солженицыным возлагать вину за войну между правительством и Думой исключительно на последнюю. И уж совсем нелепо обвинять кадетов и Думу в том, что они выдвинули "сверхреволюционное" требование передачи всех помещичьих земель крестьянам. Во-первых, это требование исходило вовсе не от кадетов, а от крестьянских депутатов — трудовиков. Кадеты заявили о себе гораздо скромнее: в их программе речь шла о продаже крестьянам только той сравнительно небольшой части поме-

щичьих земель, которая обрабатывалась по-старинному, без привлечения наемных работников, и которая давала урожай более низкие, чем окрестные земли крестьян.

Во-вторых, революция еще не закончилась, и трудовики, что совершенно естественно, пытались с помощью Думы как бы легализовать свое требование. Такой расчет выглядел тем более обоснованным, что правительство совсем недавно само заявляло о возможности перераспределения земельной собственности в пользу крестьян. Не случайно I Дума вошла в историю как Дума "народных надежд на мирный путь". Мы не станем сейчас говорить о том, хорошим или плохим было требование полного введения помещичьего землевладения. Не будем забывать, что российское крестьянство вело борьбу именно за раздел помещичьих земель.

Трудовики в Думе занимали самостоятельную позицию. Все попытки кадетов привлечь крестьян в свою фракцию или хотя бы повлиять на их поведение оказались безуспешными. Первым же попыталось приручить крестьянских депутатов правительство. Открыло охоту Министерство внутренних дел. Правый октябрист Ерогин, снабженный достаточным количеством казенных денег, организовал общежитие для крестьянских депутатов, где они имели прекрасное помещение и отличный стол по баснословно дешевым ценам. Не помогло! Все эти усилия оказали весьма малое воздействие на настроения крестьян. Одним словом, если кто и виноват в "несговорчивости" Думы, так это крестьянские депутаты, а вовсе не кадеты.

Солженицыну кажутся смешными и безответственными притязания Думы на роль действительного правительства. А почему, собственно? Многие депутаты, особенно крестьяне, рассуждали примерно так: мы — народные избранники, а кто такие эти люди в мундирах с лентами и орденами, называющие себя министрами царя?

Мы вовсе не собираемся идеализировать Думу (которая, кстати, имела довольно пестрый состав), противопоставляя ее реакционному царскому правительству. Однако не можем согласиться с утверждением Солженицына, что власть на какое-то время сохранила порядок и спокойствие в стране только потому, что отвергла требования радикальной части депутатов. Возможна и иная точка зрения: нежелание правительства всерьез считаться с Думой тесно связано "с установленным в России того самого режима, который через десять лет погубил монархию и вверг Россию в одну из самых страшных и

кровавых революций, какие знала история"¹⁰. Эти слова сказаны весьма умеренным либералом — князем В.А. Оболенским. Впрочем, для Солженицына либералы едва ли не худшие враги русского народа, чем эсеры или социал-демократы.

Недолгим оказался срок, отведенный царизмом I Думе. Далеко идущие речи крестьянских депутатов, думские запросы министрам, организованные Думой самостоятельные расследования действий охранки и полиции — все это раздражало правящую верхушку, привыкшую к полной бесконтрольности. С каждым днем усиливались слухи о готовности Николая II распустить Думу. В действительности царь какое-то время ^{сомневался} в целесообразности этого шага, снова чего-то опасаясь, на сей раз, видимо, повторения пятого года. Наконец, премьер-министр Иван Логинович Горемыкин, старый и больной человек, которому все эти игры в парламент были глубоко противны, убедил Николая подписать манифест о роспуске Думы. А новый председатель Совета министров Столыпин действовал с солдатской прямоотой — 8 июля он расставил солдат близ Таврического дворца, резиденции Думы, повесил большой замок на двери, а по стенам — царский манифест. Как видим, разгон большевиками законно избранного Учредительного собрания не был первым опытом подобного рода. А как поразительно совпадает антураж! В одном случае — "выборные от населения уклонились...", в другом — циничное "караул устал". Есть, правда, и разница — Столыпин все же действовал от имени исторически сложившейся власти.

Организуя выборы во II Думу, правительство сделало многое для того, чтобы ослабить влияние демократических партий и кадетов. Но из этого ничего не вышло. Социал-демократы, трудовики и эсеры получили 206 мест, или около 40 % от общего числа членов Думы. Кадетская фракция хотя и потеряла значительное количество мест (кадетский центр "съежился", "полинял", "поскуцнел" — признавался Миллюков), но оставалась второй по численности депутатов. Вместе с тем во II Думе появилось довольно сплоченное правое крыло, и современники справедливо окрестили ее "Думой резких крайностей".

II Дума начала работу 20 февраля 1907 г. И вновь аграрный вопрос стал основным вопросом думской полемики, и вновь она шла вокруг проектов трудовиков и кадетов. Но теперь обсуждение происходило уже на фоне начавшейся аграрной реформы Столыпина. Прави-

тельство успело принять несколько важных указов, относившихся к сельскому хозяйству, и собиралось придать им вид общегосударственной политики. Но для этого нужно было одобрение аграрной реформы Государственной думой. Столыпин рассчитывал на помощь кадетов при обсуждении аграрных указов. Дело в том, что кадетский "проект сорока двух" одновременно ставил перед собой две цели — сохранение помещичьего землевладения и укрепление сельской буржуазии. Те же цели были и у столыпинской аграрной реформы. Правда, между кадетской и правительственной программами не было полного тождества: кадеты предлагали передать землю в пользование крестьян, правительство — в собственность. Кроме того, по "проекту сорока двух" отчуждаемые земли поступали в государственный фонд, т.е. производилась частичная национализация земли. И все же совпадение проектов в некоторых принципиальных моментах и в ряде деталей (например, в обоих шла речь об активизации переселенческой политики) давало правительству надежду, что фракция "народной свободы" добьется принятия своей аграрной программы и тем самым подготовит Думу к одобрению столыпинской реформы.

Однако кадеты не сыграли уготованную им роль "мостика" между аграрными проектами левых партий и программой Столыпина. Правительственные постановления застряли в думских подкомиссиях. Их критика велась и слева, и справа. Трудовиков возмущало то, что Столыпин, не трогая земли помещиков, собирался перераспределить крестьянские земли. Правые договаривались до того, что крестьяне немедленно пропьют свои земли, если их отвести в собственность.

Убедившись в неговорчивости "народных избранников", Столыпин выступил в Думе во время аграрных прений. В его речи содержалась критика в адрес как левых, так и правых. Правда, критика радикальных проектов оказалась гораздо более жесткой — обвинения переросли в прямые угрозы. Социал-демократам и эсерам было заявлено, что национализация земли представляется правительству губительной для страны. Власть, утверждал Столыпин, не позволит "обездолить" помещиков и оторвать их от привычного и полезного для государства труда. Твердолобым из правого лагеря, не желавшим поступиться ни пядью, было сказано, что принудительное передвижение земельных границ возможно, правда, не как общее правило.

Речь премьера, несомненно, оставляла лазейку для компромисса. Однако столыпинское "не как общее правило" взвинтило левые фракции. На заседании соединенной аграрной комиссии трудовиков, энесов, эсеров и социал-демократов было постановлено в виде вызова правительству внести в Думу формулу с требованием принудительного отчуждения всех частновладельческих земель и немедленной отмены всех правительственных указов, проведенных в период между I и II Думами. Царизм убедился, что расчеты на "посредничество" кадетов не оправдались. Дума стала ненужной...

Речь во II Думе с изложением позиции правительства по аграрному вопросу явилась одним из первых публичных выступлений председателя Совета министров Столыпина.

Петр Аркадьевич Столыпин родился 5 апреля 1862 г. в Дрездене, детство провел в имении Средниково под Москвой. Он принадлежал к старинному дворянскому роду, известному с XVI века. Родоначальником наиболее известных линий был прадед будущего премьер-министра Алексей Емельянович Столыпин. Среди сыновей Алексея Емельяновича — адъютант А.В. Суворова Александр Алексеевич, друг М.М. Сперанского, сенатор Аркадий Алексеевич, генерал-майор Дмитрий Алексеевич (дед П.А. Столыпина). Одна из дочерей Алексея Емельяновича, Елизавета Алексеевна Арсеньева, была бабушкой М.Ю. Лермонтова.

Отец П.А. Столыпина, Аркадий Дмитриевич (1822—1899 гг.), посвятил себя военной карьере. Он участвовал в русско-турецкой войне, занимал должность коменданта Кремлевского дворца, а вообще-то был довольно разносторонним человеком: увлекался музыкой и скульптурой, интересовался историей. Мать П.А. Столыпина, Наталья Михайловна, была дочерью князя М.Д. Горчакова, командующего армией во время русско-турецкой войны. Люди, знавшие Наталью Михайловну, отзывались о ней как об умной, образованной, общительной женщине.

У Петра Аркадьевича было два брата. Старшего убили на дуэли. Петр Аркадьевич стрелялся с убийцей и получил ранение в правую руку, которая с тех пор плохо действовала¹¹. Младший брат, Александр Аркадьевич (родился в 1863 г.), занимался журналистикой.

Юность П.А. Столыпина прошла в Прибалтике. Там, близ Ковно, было расположено поместье Колноберже, которое отец Петра выиграл в карты. И позднее, уже будучи гродненским губернатором, П.А. Столыпин час-

то бывал в этом имении. Одним словом, Петр Аркадьевич хорошо знал хуторское хозяйство Западного края и Восточной Пруссии.

Женился П.А. Столыпин рано — в двадцатилетнем возрасте. Его жена, Ольга Борисовна (урожденная Нейгардт), родила ему пять дочерей. И уже последним, шестым ребенком в семье Столыпиных оказался мальчик, родившийся в 1903 г. и получивший имя Аркадий.

В начале 80-х гг. Столыпин окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Он показал неплохие исследовательские способности, но избрал чиновничью карьеру. В 1884 г. Столыпин начал свою служебную деятельность в Министерстве внутренних дел, затем поступил в департамент земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия и государственных имуществ, в котором занимался землеустроительными делами. Позднее он стал ковенским уездным, а потом губернским предводителем дворянства. Эта служба дала Столыпину административный опыт, и в 1902 г. ему была поручена должность гродненского, а еще через год — саратовского губернатора.

В 1905 г. Столыпин использовал воинские команды для подавления крестьянских выступлений в Балашовском уезде Саратовской губернии, сам выступал на сельских сходах. Современники приводили немало рассказов о его решительности. Тогда, в грозном пятом году, у Столыпина сложилось убеждение, что наиболее приемлемым способом справиться с крестьянским движением могла бы стать передача земли в собственность. Крестьянин-собственник, полагал губернатор, не будет бунтовать, ему нужны стабильность и порядок.

В апреле 1906 г. Столыпин был назначен министром внутренних дел, а 8 июля того же года — председателем Совета министров.

Современный биограф Столыпина П.Н. Зинин считает, что не совсем ясно, каким образом, с помощью каких пружин сравнительно молодой и малоопытный губернатор, мало известный в столице, неожиданно взлетел на ключевой пост в российской администрации. В то же время сам историк приводит материал, который в значительной степени дает ответ на этот вопрос¹². Появление Столыпина на посту министра внутренних дел явилось результатом многоходовой комбинации, проведенной имевшим огромное влияние на царя дворцовым комендантом Д.Ф. Треповым. Назначение Столыпина вместо прямолинейного карателя П.Н. Дурново должно было смягчить неприятный эффект, который произвела

замена в апреле 1906 г. либерального премьера С.Ю. Витте на реакционного И.Л. Горемыкина. Кроме того, Зырянов ссылается на мнение американской исследовательницы М. Конрой, которая высказывает предположение, что новым назначением Столыпин был обязан своему шурину Д.Б. Нейгардту.

Другой современный историк В.С. Дякин также склонен объяснить взлет Столыпина поддержкой, оказанной ему родственниками и флигель-адъютантом, заведующим контролем Министерства двора Н.Д. Оболенским. Именно последний еще летом 1904 г. организовал совместную поездку Николая II и Столыпина в царском поезде. Во время путешествия царь был как никогда разговорчив и дал Столыпину развить свои идеи по крестьянскому вопросу¹³.

Таким образом, в назначениях Столыпина большое значение имели родственные связи, но не только они. Видимо, свою роль сыграли личные качества и административная деятельность Петра Аркадьевича. Тот же Д.Ф. Трепов был удовлетворен "распорядительностью" Столыпина, которую он проявил во время наведения порядка в Саратовской губернии. Так что все эти люди двигали вверх не "реформатора", а "усмирителя", что вполне отвечало устремлениям самого Николая II.

В первых же выступлениях и заявлениях Столыпин явно попытался вернуть данные ему авансы. В публичной декларации, подготовленной по случаю вступления на пост председателя Совета министров, действия революционеров были названы преступными. Столыпин заявил, что "революционные организации напрягли все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать спокойной работе правительства, расстроить его ряды и применением грубого насилия прекратить всякую работу мысли и всякую возможность созидательной жизни государства"¹⁴.

Пожалуй, звезда Столыпина взошла после его речи в Думе 6 марта 1907 г., которая в правой прессе была названа "исторической". Ключевой стала завершающая часть выступления председателя Совета министров. Столыпин сказал: «В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям... свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление; эти нападки

рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: "Руки вверх". На эти два слова... правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: "Не запугаете!"»¹⁵

Столыпинское "не запугаете!", обращенное к левым партиям и прежде всего к террористам, произвело сильное впечатление на Думу. Полный сил, твердый и волевой 44-летний Столыпин выгодно отличался от ушедшего в отставку угасавшего Горемыкина. Сестра народо-вольца Аркадия Тыркова Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс, которую в шутку называли "единственным мужчиной в ЦК кадетской партии", писала о Столыпине: "Высокий, статный, с красивым, мужественным лицом это был барин по осанке и по манерам и интонациям. Говорил он ясно и горячо... В первый раз из министерской ложи на думскую трибуну поднялся министр, который не уступал в умении выражать свои мысли думским ораторам. Столыпин был прирожденный оратор. Его речи волновали. В них была твердость... С Думой говорил уже не чиновник, а государственный человек. На этот раз правительство выдвинуло человека и сильного, и даровитого. С ним придется считаться"¹⁶.

Если кадеты восприняли Столыпина как сильного политического противника, то для правых это же "не запугаете!" стало признаком того, что правительство "вышло из окопов" и готово встретить натиск "внутренних врагов". Но ведь Столыпин говорил не только это. "Правительство, — утверждал он, — не может, как того требуют некоторые общественные группы, приостановить все преобразования, приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолой, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо"¹⁷. Премьер давал понять, что реформы необратимы и именно в них надо искать спасение от социальных взрывов. Но этот мотив правые оставили без внимания. Они видели в Столыпине "Бисмарка из Саратова", способного железной рукой навести в стране порядок. Что же, каждый слышит то, что хочет услышать.

Популярность Столыпина еще более возросла после взрыва его дачи на Аптекарском острове. 12 августа 1906 г. на дачу явились двое террористов, облаченных в жандармскую форму. В портфелях у них были бомбы страшной разрушительной силы. Мощным взрывом были разворочены прихожая, дежурная комната и следо-

вавшая за ней присмная, разрушен подъезд, снесен балкон второго этажа, опрокинуты выходящие в сад деревянные стены первого и второго этажей. Сила взрыва оказалась такова, что частями разрушенных стен и выброшенными из дома обломками мебели, а также мелкими осколками стекла была усеяна вся набережная перед дачей. Погибло 27 человек, ранено — 32. Жертвами взрыва стали ни в чем не повинные люди — обслуга и посетители, оказавшиеся на свое несчастье в приемной в тот страшный миг, когда прогремел взрыв. Пострадали четырнадцатилетняя дочь Столыпина и его трехлетний сын Аркадий, раненные обломками камней. Сам Столыпин остался невредим. Покушение было отвратительным вдвойне — террористы не могли не понимать, что их жертвами станут совершенно посторонние люди, к тому же мстить Столыпину пока вроде бы было не за что.

Какой же извращенной логики надо было придерживаться людям, составившим заявление ЦК партии эсеров, в котором сказано: "Народ молчит! Но именно поэтому и нужны террористические удары, чтобы вывести его из апатии и летаргии, чтобы ободрить и вдохновить его на борьбу за свои интересы, за свою свободу и свои права, чтобы призвать его к этой борьбе примером мужества и самопожертвования (если бы только "самопожертвования"! — И.О.). И с точки зрения причинности, и с точки зрения целесообразности молчание народа — показатель в пользу террора, а не против него"¹⁸.

Правда, Боевая организация эсеровской партии утверждала, что она якобы не причастна к трагедии на Аптекарском острове. Прочитав это заявление, бывший участник народнического движения Г. Лопатин с усмешкой заметил: "Социалисты-революционеры заявили: это сделали не мы, а наша кузина Машенька"¹⁹.

Почему же партия, умевшая проявлять гибкость и здравомыслие в аграрном вопросе, так слепо верила в магическую силу террора? И почему столь частыми были "терракты" в 1905—1906 гг., когда народ уж никак не пребывал в "апатии" и "летаргии"?

Но у нас будет повод поговорить о терроре и террористах. Вернемся к Столыпину. Не так-то легко дать характеристику личностным качеством этого довольно замкнутого и умевшего владеть собой человека. И все же попытаемся это сделать, воспользовавшись воспоминаниями о нем, другими материалами да и собственными догадками.

Сразу после смерти премьера сложился миф о его не знавшем границ властолюбии. О нем, как о человеке, который был готов на все ради собственной власти, говорили люди, довольно далекие друг от друга. Кадетский лидер Милюков относил Столыпина к "числу лиц, которые мнили себя спасителями России". Премьер "был призван не на покой, а на проявление твердой власти; власть он любил, к ней стремился и, чтобы удержать ее в своих руках, был готов пойти на многое и многим пожертвовать"²⁰. "Либеральный" министр Витте утверждал, что "ум и душа его (Столыпина. — И.О.) помутились властью"²¹. Еще более резкое суждение встречаем в статье, которая была опубликована в черносотенной газете "Русское знамя" после убийства Столыпина: «Основной импульс (Столыпина) — властолюбие, необузданное чувство властолюбия. Он хотел быть "кормчим". Не орден, не почести нужны были ему — все это было. Дело во внутреннем стремлении к власти над людьми, которое у покойного премьера представляло вид мании"²².

Мы не склонны доверять приведенным оценкам. Они не столько характеризуют Столыпина, сколько подтверждают, что у Петра Аркадьевича было немало недругов среди очень разных людей. Милюков, думается, завидовал популярности премьера. Павлу Николаевичу не откажешь ни в уме, ни в воспитанности, ни в образованности. И все же временами он бывал удивительно мелочным человеком. Что касается Витте, то удалившийся от дел экс-премьер и не скрывал своей неприязни к Столыпину. Мы еще будем говорить об отношении правых к Петру Аркадьевичу, пока лишь отметим, что публикация в "Русском знамени" отражала явное озлобление консервативных кругов против премьера, проявившееся в последние месяцы его жизни. Недоброжелатели Столыпина подыгрывали друг другу. Правые приписывали Витте утверждение, что председатель Совета министров довел собственную власть до ничем не ограниченного произвола, тем самым фактически ограничив власть монарха.

Столыпин, несомненно, был честолюбивым человеком, но не фанатичным властолюбцем. Хорошо известно, что еще до назначения премьер-министром он пытался создать коалиционное правительство, куда приглашались и кадеты. В то же время в правой прессе встречаются и точные наблюдения о личном поведении Столыпина, например, такое: «Он был крайне правым монархистом, когда ему нужно было олицетворить во

власти свое "я"... и конституционалистом, когда ему нужно было сказать "блестящую" речь, прославляющую его, или добиться от Государственной думы вотирования того или иного предложения...»²³

Действительно, Столыпин не был тем искренним и прямодушным рыцарем, каким его нередко изображают в современных публицистических статьях. В его поведении и высказываниях порой сквозил откровенный цинизм. Он мог с презрением сказать, что нет такого социал-демократа или эсера, которого нельзя было бы купить за 25 рублей. Противника ведь тоже надо уважать, и не из всех революционеров удалось сделать азефов и малиновских.

Петр Аркадьевич был прагматиком. Его прагматизм иногда воспринимался как бесчувственность и холодность. Витте заявлял, что у Столыпина "нигде не было сердца — ни в груди, ни в голове"²⁴. На некоторых людей премьер-министр производил впечатление хорошо отлаженной машины. Об исключительной работоспособности Столыпина рассказывает его сын, проживающий ныне во Франции. По его словам, отец работал по вечерам и часто засиживался на всю ночь²⁵. Хотя на родовом гербе Столыпиных было высечено "Deo spes mea" ("На Бога моя надежда"), Петр Аркадьевич больше надеялся на свои силы и способности.

Столыпина отличали решительность и твердость, переходившие в упрямство. Сильный характер и интеллект странным образом сочетались с полицейскими замашками, которые больше подошли бы мелкому уряднику, чем главе государства. Именно Столыпинам была организована провокация, которая закончилась роспуском II, "красной", Думы.

Подготовка к перевороту, который вошел в историю под названием третьиюньского, велась в двух направлениях. С одной стороны, правительство предполагало изменить систему выборов в Думу. При этом обсуждались три проекта такого изменения. Первый предусматривал последовательное проведение системы курialesных выборов. Второй предполагал выборы депутатов только земскими собраниями и городскими думами, т.е. резко уменьшал количество избирателей. Третий основывался на резком изменении числа выборщиков в пользу помещиков и буржуазии (на их долю, составлявшую менее 1 % населения страны, приходилось теперь две трети выборщиков)²⁶. Последний проект получил название "бесстыжего" в среде самих сановников. "Я за

бесстыжий", — смеясь, сказал Николай II, и он был принят.

С другой стороны, Столыпин использовал результаты обыска, проведенного полицией у депутата социал-демократической фракции II Думы Озола, для того чтобы обвинить фракцию в подготовке военного переворота. Во время этого обыска полиция обнаружила "наказ" войскам столичного гарнизона, составленный думской группой социал-демократов и призывавший солдат к вооруженному выступлению. Есть все основания думать, что текст "наказа" был подброшен в бумаги Озола охранкой. Депутат Чхенкели утверждал, что "ни у суда, ни у следователя не было даже подлинного наказа, а была только копия, полученная со слов прокурора судебной палаты Камышанского из охранного отделения"²⁷. Выходит, охранка подбросила "документ", охранка его и "нашла".

1 июня 1907 г. Столыпин предъявил социал-демократической фракции обвинение в военном заговоре и потребовал, чтобы Дума разрешила ему арестовать нескольких членов этой фракции. Милюков утверждал, что "требование, затрагивавшее капитальный вопрос о неприкосновенности депутатского звания, не могло быть удовлетворено без разбора данных относительно каждого отдельного депутата, и озабоченная фракция к.д. (кадетов. — И.О.) настояла на передаче требования в комиссию, назначив кратчайший срок для ее решения"²⁸. Это так — кадеты боялись, что арест депутатов без думского расследования создаст неприятный прецедент. Но сам Милюков в те первые дни июня заявлял, что "зачинщиков" необходимо выдать.

Правительство не стало дожидаться решения комиссии. 3 июня Дума была распущена царским манифестом, в котором Николай признал ее состав "неудовлетворительным". Царя и Столыпина не смутило то, что Дума даже не успела ни отказать премьер-министру в его требовании выдачи социал-демократов, ни удовлетворить его.

Новый избирательный закон не только резко уменьшал представительство по рабочей и крестьянской курии (ранее по рабочей курии избиралось 4 % всех выборщиков, теперь — 2,4; по крестьянской — соответственно 42 и 23 %), но и перераспределял голоса избирателей в пользу губерний Центральной России. Если один депутат Думы от Царства Польского представлял 750 тыс. жителей этого края, от Кавказа — 700 тыс., то от районов Центральной России — 250 тыс. Говоря сло-

нами Витте, правительство стремилось получить "русскую по духу и крови" Думу.

"ВНАЧАЛЕ УСПОКОЕНИЕ..."

III Дума начала работу 1 ноября 1907 г. Около трех десятков социал-демократов и трудовиков составили левый фланг "народного представительства". Кадеты получили примерно 50 мест. Самой многочисленной фракцией центра, да и всей III Думы, стали октябристы (154 места), что уже говорит о резком смещении Думы вправо. Кстати, и председателем Государственной думы III созыва был избран "человек номер один" в партии октябристов — А.И. Гучков. Наконец, в III Думе сложилось мощное правое крыло, собравшее около 150 депутатов. С первых дней работы Думы правые ораторы развернули психологическую атаку против революции. Надо сказать, что в их выступлениях были и призывы к благоразумию, и обоснованные предостережения. Вот слова депутата от Тамбовской губернии Снежкова, обращенные к революционерам: "Я знаю, что окончательная цель ваша — торжество справедливости. Но, господа, не забудьте, что вы идете к этому торжеству, следуя заветам иезуитов: цель оправдывает средства. Чтобы достигнуть успеха и революционизировать страну, вы должны разжечь в населении ненависть, злобу, зависть; ваш путь орошается слезами и кровью, освещается заревом пожаров, сопровождается убийствами, грабежами и возмутительнейшими насилиями, и кто знает — диктатура пролетариата, в конце концов, может оказаться в сто раз тяжелее диктатуры того или другого министра"¹.

Но тон в этой кампании задавали не умеренные депутаты, представлявшие правый фланг Думы. Скандальную славу злобного крикуна приобрел уже известный нам Марков-второй. "С революцией надо бороться, — призывал Николай Евгеньевич своих единомышленников, — бороться грудью, бороться беспощадно, нужно перевешать всех этих негодяев, изуверов и мерзавцев"². Выходки Маркова-второго порой граничили с клоунадой. Он мог и запустить стаканом в неудобного оратора. Однажды в Думе обсуждался вопрос, вроде бы далекий от политики, — о перспективах развития в России воздухоплавания. Марков-второй, этот "могучий колокол", как называли его друзья, слушал, слушал, а потом встал и сказал: "Нет, господа, прежде чем мы вас пустим летать по воздуху, мы научим летать за вами поли-

цейских". Эти слова он произнес, повернувшись почему-то к скамьям, на которых расположились кадеты, хотя среди тех и не было заметно крупных авиаторов. Думается, этот человек сознательно избрал для себя роль такого шута, шута, правда, опасного, чтобы время от времени подогревать ненависть и нетерпимость в рядах своих товарищей. В.И. Ленин назвал Маркова-второго и его друзей "зубрами", используя слова самого Николая Евгеньевича: "Дворянство в России редает и скоро станет такой же редкостью, как зубры в Беловежской пуще".

Маркову-второму подыгрывали В.М. Пуришкевич, чехом обвинивший все населявшие окраины народы в заговоре против России; В.В. Шульгин, который "презирал революцию"³. Расскажем одну занятную историю, героем которой стал Василий Витальевич. О ней поведал в своих устных выступлениях ленинградский историк В.И. Старцев.

Итак, во времена III Государственной думы В.В. Шульгин — ярый монархист и националист. После Октябрьской революции он стал одним из основателей "добровольческой армии", помогал генералам Алексею Деникину, Врангелю; позднее эмигрировал за границу, где продолжал вести борьбу против советской власти. Затем позиция Шульгина явно смягчилась. В 1944 г. он был захвачен советским десантом на территории Югославии и препровожден в СССР. Здесь его сразу же посадили в тюрьму за "контрреволюционную деятельность". Из заключения 78-летнего Шульгина освободили в 1956 г. Несмотря на преклонный возраст, Василий Витальевич сохранил и ясность ума, и жизнелюбие, и чувство юмора. Неожиданно появилось его "Открытое письмо Никите Сергеевичу Хрущеву". А дело в том, что еще до Октября Шульгин написал памфлет против большевиков, в котором утверждал, что если они возьмут власть, то Россию разорят, разденут и разуют. Эти слова попались на глаза Ленину и так его задело, что он по меньшей мере трижды вспомнил о них и, наконец, ответил: «...когда мы будем у власти, мы вас не "разденем", а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу»⁴. В СССР Шульгин бедствовал — ему назначили грошовую пенсию в 30 руб. В письме к Хрущеву он спрашивал: где же обещанные еще Лениным "хорошая одежда" и "хорошая пища"? В результате Верховный Совет принял постановление о назначении персональной пенсии В.В. Шульгину "как бывшему члену бывшей Государственной думы". Наверняка, в

нами Витте, правительство стремилось получить "русскую по духу и крови" Думу.

"ВНАЧАЛЕ УСПОКОЕНИЕ..."

III Дума начала работу 1 ноября 1907 г. Около трех десятков социал-демократов и трудовиков составили левый фланг "народного представительства". Кадеты получили примерно 50 мест. Самой многочисленной фракцией центра, да и всей III Думы, стали октябристы (154 места), что уже говорит о резком смещении Думы вправо. Кстати, и председателем Государственной думы III созыва был избран "человек номер один" в партии октябристов — А.И. Гучков. Наконец, в III Думе сложилось мощное правое крыло, собравшее около 150 депутатов. С первых дней работы Думы правые ораторы развернули психологическую атаку против революции. Надо сказать, что в их выступлениях были и призывы к благоразумию, и обоснованные предостережения. Вот слова депутата от Тамбовской губернии Снежкова, обращенные к революционерам: "Я знаю, что окончательная цель ваша — торжество справедливости. Но, господа, не забудьте, что вы идете к этому торжеству, следуя заветам иезуитов: цель оправдывает средства. Чтобы достигнуть успеха и революционизировать страну, вы должны разжечь в населении ненависть, злобу, зависть; ваш путь орошается слезами и кровью, освещается заревом пожаров, сопровождается убийствами, грабежами и возмутительнейшими насилиями, и кто знает — диктатура пролетариата, в конце концов, может оказаться в сто раз тяжелее диктатуры того или другого министра"¹.

Но тон в этой кампании задавали не умеренные депутаты, представлявшие правый фланг Думы. Скандальную славу злобного крикуна приобрел уже известный нам Марков-второй. "С революцией надо биться, — призывал Николай Евгеньевич своих единомышленников, — биться грудью, биться беспощадно, нужно перевешать всех этих негодяев, изуверов и мерзавцев"². Выходки Маркова-второго порой граничили с клоунадой. Он мог и запустить стаканом в неудобного оратора. Однажды в Думе обсуждался вопрос, вроде бы далекий от политики, — о перспективах развития в России воздухоплавания. Марков-второй, этот "могучий колокол", как называли его друзья, слушал, слушал, а потом встал и сказал: "Нет, господа, прежде чем мы вас пустим летать по воздуху, мы научим летать за вами поли-

цейских". Эти слова он произнес, повернувшись почему-то к скамьям, на которых расположились кадеты, хотя среди тех и не было заметно крупных авиаторов. Думается, этот человек сознательно избрал для себя роль такого шута, шута, правда, опасного, чтобы время от времени подогреть ненависть и нетерпимость в рядах своих товарищей. В.И. Ленин назвал Маркова-второго и его друзей "зубрами", используя слова самого Николая Евгеньевича: "Дворянство в России редет и скоро станет такой же редкостью, как зубры в Беловежской пуше".

Маркову-второму подыгрывали В.М. Пуришкевич, чехом обвинивший все населявшие окраины народы в заговоре против России; В.В. Шульгин, который "презирал революцию"³. Расскажем одну занятную историю, героем которой стал Василий Витальевич. О ней поведал в своих устных выступлениях ленинградский историк В.И. Старцев.

Итак, во времена III Государственной думы В.В. Шульгин — ярый монархист и националист. После Октябрьской революции он стал одним из основателей "добровольческой армии", помогал генералам Алексееву, Деникину, Врангелю; позднее эмигрировал за границу, где продолжал вести борьбу против советской власти. Затем позиция Шульгина явно смягчилась. В 1944 г. он был захвачен советским десантом на территории Югославии и препровожден в СССР. Здесь его сразу же посадили в тюрьму за "контрреволюционную деятельность". Из заключения 78-летнего Шульгина освободили в 1956 г. Несмотря на преклонный возраст, Василий Витальевич сохранил и ясность ума, и жизнелюбие, и чувство юмора. Неожиданно появилось его "Открытое письмо Никите Сергеевичу Хрущеву". А дело в том, что еще до Октября Шульгин написал памфлет против большевиков, в котором утверждал, что если они возьмут власть, то Россию разорят, разденут и разуют. Эти слова попались на глаза Ленину и так его задела, что он по меньшей мере трижды вспомнил о них и, наконец, ответил: «...когда мы будем у власти, мы вас не "разденем", а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу»⁴. В СССР Шульгин бедствовал — ему назначили грошовую пенсию в 30 руб. В письме к Хрущеву он спрашивал: где же обещанные еще Лениным "хорошая одежда" и "хорошая пища"? В результате Верховный Совет принял постановление о назначении персональной пенсии В.В. Шульгину "как бывшему члену бывшей Государственной думы". Наверняка, в

практике Верховного Совета СССР никогда не было решений подобного рода.

Но вернемся в досоветское прошлое. III Думу называют "мотором" той политической системы, которая установилась после 3 июня 1907 г. Поясним, что же имеется в виду. Во внутренней политике столыпинского правительства достаточно четко обозначены две тенденции, или линии. Первая из них проявилась в открытой борьбе царизма с демократическим лагерем с помощью репрессивного законодательства, а также в попытках разложения левых сил. Вторая линия предусматривала проведение реформаторского курса, что должно было ликвидировать причины социального напряжения и революционного брожения, другими словами, выбить почву из-под ног революционеров.

Мы уже говорили, что самой многочисленной фракцией III Государственной думы были октябристы и судьба любого голосования целиком зависела от поведения "Союза 17 октября". Если октябристы голосовали с левыми фракциями, образовывалось так называемое "лево-октябристское", или "октябристско-кадетское", большинство. Если они присоединяли свои голоса к голосам правых депутатов, образовывалось "право-октябристское" большинство. Оба большинства насчитывали около 300 голосов. С помощью одного из них, "лево-октябристского", правительство получило возможность проводить через Думу законодательство, рассчитанное на реформы; другое, "право-октябристское", могло быть использовано для реализации "крутых", военно-полицейских мер. А.И. Гучков умело манипулировал своей фракцией. Не случайно в кулуарах Думы октябристов называли "партией последнего правительственного распоряжения", а самого Гучкова — "агентом Столыпина".

Таким образом, о наличии двух направлений во внутриполитическом курсе царизма можно судить по многим признакам — начиная от заявлений Столыпина и кончая особенностями голосования в III Государственной думе. Нам представляется, что принятое до сих пор в курсах отечественной истории наименование хронологического отрезка с 1907 по 1911 г. как "периода столыпинской реакции" является узким, а может быть, и неверным именно потому, что политику Столыпина никак не втиснуть в рамки "реакции". Хотя была и она.

Прямой натиск Столыпина на революцию начался с учреждения военно-полевых судов. В 1906—1907 гг. военно-полевыми судами было приговорено к казни 1102 человека. Эта цифра приведена в материалах департа-

мента полиции, и напрасно бывший партийный работник, а теперь горячий поклонник Столыпина В.В. Казарезов в одной из публикаций требует ее уточнения "в сторону снижения", так как многие приговоры якобы "не приводились в исполнение"⁵. Все приговоры приводились в исполнение в течение 24 часов. Этого неукоснительно требовал закон о военно-полевых судах. В 1906—1909 гг. по приговорам военно-окружных судов были повешены 2694 человека. Конечно, на современного читателя, знающего о куда больших масштабах репрессий в советское время, эти цифры вряд ли произведут впечатление. Но давайте подходить к историческим явлениям исторически. Тогда эти данные ошеломляли — за предшествовавшие 80 лет казнили в среднем по 9 человек в год⁶.

При Столыпине был усилен полицейский аппарат царизма. Читатели, желающие познакомиться с историей политического сыска в России, могут прочитать публикацию Ф. Лурье в мартовском номере журнала "Родина" за 1991 год. После назначения на пост председателя Совета министров П.А. Столыпин сохранил за собой должность министра внутренних дел, так что этот аппарат был подчинен ему вплоть до трагической гибели. Главным штабом политического сыска являлся департамент полиции Министерства внутренних дел. Это ведомство следило через своих агентов не только за революционерами, но и за министрами и великими князьями. Дело дошло до того, что просматривалась почта самого директора департамента полиции. Самые крупные перлюстрационные пункты находились в Петербурге, Москве, Вильно, Одессе, Киеве, Харькове, Тифлисе и Варшаве. Техника вскрытия писем на почте была доведена до виртуозности⁷.

В 1910 г., по распоряжению Столыпина, в составе Особого (политического) отдела департамента полиции был образован секретный агентурный отдел, курировавший секретных агентов — провокаторов. В подчинении Особого отдела находились охранные отделения. Столыпин утвердил "Положение об охранных отделениях" 9 февраля 1907 г. В нем было сказано, что «в тех местностях империи, где представляется необходимым создание отдельных розыскных органов, негласное расследование по делам о государственных преступлениях возлагается на особо назначенных для этой цели офицеров корпуса жандармов или состоящих при департаменте полиции чиновников, с образованием при них, в случае

надобности, канцелярии, именуемой "охранным отделением"»⁸.

Основными структурными подразделениями охранного отделения были общая канцелярия, отдел наружного наблюдения и отдел внутреннего наблюдения (агентурный отдел).

Общая канцелярия ведала перепиской по политическому сыску и вела картотеку на разыскиваемых. Список А-1 включал наиболее опасных революционеров, подлежавших немедленному аресту. К ним принадлежали эсеры, максималисты и анархисты. В алфавите московского охранного отделения к февралю 1917 г. насчитывалось около трехсот тысяч карточек.

Отдел наружного наблюдения состоял из агентов внешнего наблюдения — филеров. Они получали задание — "наряд" — и следили за своими "подопечными", непременно соблюдая дистанцию. Им запрещалось приближаться к наблюдаемым, где бы те ни находились — в трамвае, кафе, трактире, а также входить в дома, и они могли часами трястись от холода где-нибудь в подъезде или на лавочке. Филеры — "низшая каста" политического сыска, презиравшаяся обеими сторонами. В то же время при умелой постановке дела они доставляли ценные сведения, а также проверяли информацию секретных агентов. В составе московской школы филеров, возглавлявшейся Е.П. Медниковым, были специалисты, которые распознавали в толпе лиц, причастных к антиправительственным выступлениям, и почти никогда не ошибались⁹. Но такие филеры составляли скорее исключение. В большинстве же своем это были жалкие существа — "гороховые пальто", как называл их М.Е. Салтыков-Щедрин.

"Сердцем и мозгом" охранного отделения являлся агентурный отдел, или отдел внутреннего наблюдения. Он состоял из начальника, его помощника, жандармских офицеров и секретных сотрудников.

Каждый этап в развитии революционного движения в России требовал от полиции новых мер и способов борьбы. При этом роль секретных агентов возрастала. Они получали ежемесячное жалованье или единовременное вознаграждение. Наиболее крупные агенты зарабатывали огромные деньги. Одним из самых высокооплачиваемых сотрудников был член ЦК большевиков и депутат IV Думы, агент департамента полиции Р.В. Малиновский, получавший ежемесячно 500, а затем 700 руб. Для сравнения заметим, что жалованье губернатора составляло 500 руб.¹⁰

Чем более высокую ступеньку в иерархии революционеров занимал тот или иной агент, тем более ценился его "труд" полицией. Департамент полиции не только поощрял своих людей к "революционной карьере", но и способствовал их продвижению. Полиция могла арестовать сильных конкурентов своего агента и уничтожить другие препятствия на пути его продвижения. Именно полиция расчистила путь в Думу тому же Малиновскому. Вначале она арестовала мастера завода, где служил агент, который собирался уволить Малиновского. Затем, по приказу директора департамента полиции С.П. Белецкого, были скрыты материалы о трех (!) кражах со взломом, которые совершил в прошлом Малиновский¹¹.

Секретных сотрудников в большинстве случаев вербовали из арестованных революционеров. Началось все с перевербовки членов "Народной воли". Схема вербовки была тщательно отработана: будущему агенту предлагалось встать над борьбой, возвыситься до положения беспристрастного арбитра. Жертве говорили, что война между правительством и обществом зашла слишком далеко, а добиться вождя гражданского мира можно только с помощью обмена информацией между либералами из департамента полиции и здравомыслящими подпольщиками. Таким образом, охранка предлагала агенту служить ей из идейных соображений. Завербованный Малиновского жандармский следователь Иванов постоянно внушал ему, что они (жандармы) служат прогрессу, но прогрессу медленному и постепенному¹².

В целом секретные сотрудники делились на две категории: осведомителей и провокаторов. Считалось, что первые не должны принимать активное участие в революционном движении, вторые же выступали его "активистами". Граница между осведомителями и провокаторами была, однако, довольно зыбкой. Осведомитель тоже вынужден был проявлять предприимчивость, иначе ему нечего было доносить полицейскому начальству. Секретного агента знали только три человека: офицер, который его "вел", начальник охранного отделения и директор департамента полиции. Естественно, агенты, вживаясь в партийные организации, должны были делать все, чтобы зарекомендовать там себя с положительной стороны. Для этого им предлагалось придерживаться самых крайних мнений, быть сторонниками опасных планов и самых рискованных действий. Полиция старалась собирать информацию обо всех видах революционной деятельности и в то же время сеять подозрительность в стане врага, способствовать его деморализа-

ции, возбуждать споры и конфликты в подпольных группах.

Засланные в революционное подполье сотрудники охраны учитывали особенности тактики и, скажем так, психологии той или иной партии и подстраивались под них. Так, провокаторы, оказавшиеся в эсеровской партии, должны были зарекомендовать себя прежде всего как "видные террористы". Агенты, внедрившиеся в партию большевиков, были обязаны организовывать "экспроприации", но главное — проявлять себя в качестве умелых организаторов и ораторов.

Но когда провокаторы, находившиеся в той же эсеровской партии, становились организаторами и участниками террористических актов, дело было, думается, не только в стремлении полиции надежнее внедрить своих агентов. Замыслам руководителей политического сыска не откажешь в масштабности. Создатель этой системы инспектор секретной полиции жандармский подполковник Г.П. Судейкин рассчитывал, что, "схватив" подполье с помощью своих агентов, он станет чуть ли не диктатором, так как сможет предъявить правительству любые условия, припугнув его действиями революционеров.

Кроме того, убийство кого-нибудь из сановников должно было внушить царю, что тому грозит постоянная опасность и без охранников падение престола неминуемо. На заседании Государственной думы 13 февраля 1909 г. кадет В.А. Маклаков утверждал, что "правительство в плену у охранников... У охранного отделения есть своя политика, есть свой враг, есть свое зло, с которым оно борется: это здоровая атмосфера законности, доверия, доверия к власти и общая работа на общую пользу; этим убивается революция, но вместе с тем убивается и охранка. И поэтому у него (охранного отделения. — И.О.) другая политика, политика определенная: раздражать общество, возмущать общество, ослаблять общество, бороться с обществом, наконец, как венце всего этого, поддерживать атмосферу беззакония и произвола"¹².

Наконец, стоит задуматься над версией Макса Вебера, который резко расширил рамки интерпретации этого вопроса, увидев в провокаторстве корыстные расчеты не только полиции, но и всей правящей верхушки страны¹⁴. Он предполагал, что незунтская тактика департамента полиции — лишь одна из частей политики правительства, сознательно подталкивавшего общество на грань гражданской войны. Власть не хотела умиротворе-

ния страны, так как надеялась, что "красный террор" поможет консолидировать основные политические и социальные силы общества вокруг правительства. Конечно, версия Вебера кажется странной после всех рассуждений о борьбе власти с революцией и столыпинском "успокоении", но и она не лишена логики. Во всяком случае чем сильнее становилась изоляция власти, тем активнее были "заботы" полиции о революционном подполье.

От провокаторов страдали прежде всего эсеры и большевики. В мае 1917 г. газета "Русское слово" поместила статью "Большевики и департамент полиции", в которой обвиняла большевистскую партию в связях многих ее членов с охранкой. Ответом на эту статью стала публикация Н.И. Бухарина, помещенная в "Социал-демократе" 23 мая 1917 г. Николай Иванович писал: "У нас было много провокаторов. Почему? Да потому, что только у большевиков были сколько-нибудь сильные нелегальные тайные организации, потому что именно большевики были самыми опасными противниками старого режима... Царское правительство знало, что делало, когда оно посылало своих слуг в лагерь революционеров, чтобы разбить их организации, чтобы выловить всех дельных людей, чтобы задушить грядущую революцию"¹⁵.

С Бухариным нельзя полностью согласиться. До какого-то времени первостепенная опасность представлялась охране чаще в форме "террактов", и основное внимание департамент полиции обращал на эсеров. До 1910 г. число агентов, внедренных в партию социалистов-революционеров, превосходило их число в РСДРП. По сведениям Н. Шлейфмана (Тель-Авивский университет), на 45 тыс. членов партии эсеров в 1907 г. было 22 агента, на 80 тыс. социал-демократов — 20, на 5 тыс. анархистов — 2 агента¹⁶.

Постепенно положение стало меняться. Стремление большевиков выдвинуться на первые роли в революционном движении при одновременном свертывании эсерами террористических действий привело к переориентации в деятельности полиции. В московском охранном отделении число арестованных социал-демократов за один только 1915 г. составило 210 человек, тогда как социалистов-революционеров — 29, анархистов — 1¹⁷.

Эсеры прекратили террористическую деятельность после разоблачения знаменитого провокатора Е.Ф. Азефа, само имя которого стало нарицательным. Действительно, это разоблачение впервые за время существова-

ния партии заставило эсеров усомниться не только в руководстве, но и в основных устоях партии, теоретическом багаже и правильности тактики террора.

В начале 1908 г., после провала одного из боевых отрядов эсеров, готовившего покушение на великого князя Николая Николаевича, в партии стали циркулировать слухи об измене. Надо сказать, что в течение нескольких лет социалисты-революционеры довольно безразлично реагировали на все слухи о наличии в их рядах провокаторов. Более того, эсерам отчасти льстило обостренный интерес полиции к партии, который они воспринимали как еще одно доказательство важности их борьбы и слабости режима. И в случае с Азефом ЦК партии никак не реагировал на разговоры о предательстве, хотя уже в 1906 г. располагал сведениями о двурушничестве Азефа. Тогда инициативу расследования взяла на себя "Парижская группа социалистов-революционеров".

Эвно Фишелевич (Евгений Филиппович) Азеф в 1893 г., будучи двадцатитрехлетним студентом Политехнического института в немецком городе Карлсруэ, добровольно стал секретным сотрудником русской полиции. В 1899 г. он вступил в "Заграничный союз социалистов-революционеров", затем стал членом "Северного союза" эсеров¹⁸. Вначале Азеф выступал лишь в роли осведомителя. Он выдал полиции съезд в Харькове и подпольную типографию в Томске.

Позднее Азеф стал членом ЦК, а затем, по рекомендации Г.А. Гершуни, руководителем Боевой организации эсеровской партии. После организованных Азефом удачных покушений на министра внутренних дел В.К. Плеве и великого князя Сергея Александровича "Иван Николаевич" (партийный псевдоним Азефа, другие — "Толстяк" и "Валентин Кузьмич") в глазах руководителей партии стал незаменимым человеком. О нем с восторгом отзывались В.М. Чернов и М.Р. Гоц. "Иван — крупный человек!", "Иван — большой человек!" — было постоянным припевом ко всем рассказам Б.В. Савинкова о боевой деятельности эсеров¹⁹. Азеф поставил себя вне какого-либо контроля со стороны руководства. "Терракты" уже не обсуждались на заседаниях ЦК — их готовил и осуществлял "Иван Николаевич", при котором состоял особый, так называемый Центральный боевой отряд. В ноябре 1907 г. член этого отряда Елизавета Севастьянова была послана в Москву для покушения на московского градоначальника Гершельмана; она бросила бомбу, которая только ранила

Гершельмана, и была казнена, а по рассказам, ее просто пристрелили на месте, в каком-то сарае²⁰.

Азеф руководил подготовкой покушений на Трепова, Клейгельса, Дурново, Дубасова, а всего организовал 29 террористических актов. Азеф готовил покушение и на Николая II. "Под большим секретом" он посвятил Веру Николаевну Фигнер, в прошлом участницу народнического движения, в проект "истребления всей царской семьи посредством аэроплана, с которого можно бросить на дворец достаточное количество бомб"²¹.

Не забывал Азеф и о своих обязанностях перед охранкой. В 1905 г. он выдал весь состав Боевой организации (17 человек), в 1908 г. по его доносу полиция арестовала и новый состав организации.

Главную работу по разоблачению Азефа проделал Владимир Львович Бурцев, в прошлом народоволец, затем публицист, человек, близкий к эсерам и кадетам. Собственно, Бурцев и приобрел известность разоблачением агентов царской охранки, действовавших в России и за границей, в частности Е.Ф. Азефа и Р.В. Малиновского. Читателям, желающим познакомиться со всеми хитросплетениями бурцевского расследования, можно порекомендовать книгу самого В.Л. Бурцева "В погоне за провокаторами". Скажем только, что решающим аргументом в пользу виновности Азефа стало признание бывшего директора департамента полиции А.А. Лопухина, уязвленного недавней отставкой и не любившего провокаторов. Признание было добыто Бурцевым на пути между Кельном и Берлином, в купе поезда, где Владимир Львович ехал вместе с Лопухиным и его женой. Кстати, если бы не вмешательство супруги отставного полицейского, Бурцеву, возможно, пришлось бы остаться ни с чем. Именно жена Лопухина, урожденная княжна Урусова, выслушав взволнованный рассказ "охотника за провокаторами" о гнусной роли Азефа, не выдержала и уговорила пребывавшего в нерешительности мужа сказать те слова, которых так ждал Бурцев.

Признание Лопухина убедило ближайшего помощника Азефа Бориса Савинкова в необходимости допросить, наконец, самого "Ивана Николаевича". На парижскую квартиру провокатора отправились Чернов, Савинков и Панов. Теперь мы можем предложить читателям познакомиться с книгой Б.В. Савинкова "Записки террориста", в которой воспроизведен допрос, учиненный делегатами Азефу. Из этого рассказа ясно, что они загнали агента в тупик, но потом ушли, предложив "Ивану Николаевичу" явиться на другой день для дачи показаний.

В истории эсеровской партии немало темных страниц. Эта — одна из них. Убедившись в полной беспринципности Азефа, знаменитые своей решительностью Чернов и Савинков фактически дали возможность провокатору скрыться.

Темной ночью, шарахаясь от каждого фонарного столба, Азеф держал путь на вокзал, там сел в поезд и на следующий день отбыл в Америку. Вместо "дачи показаний" эсерам пришлось удовлетвориться наглым письмом "Ивана Николаевича", в котором он объявлял о своей невинности и утверждал, что "грязь, которою члены ЦК забросали" его, "вознесшего партию на небывалую высоту", падет на них самих.

В конце декабря 1908 г. ЦК эсеров объявил, что Азеф был связан с охранкой, а 7 января 1909 г. опубликовал "Извещение", в котором перечислялись подготовленные им террористические акты.

В связи с делом Азефа социал-демократы внесли в Думе запрос, в котором обвиняли правительство в том, что с ведома департамента полиции были убиты Плеве и великий князь Сергей Александрович, что была развернута целая система провокаций. Столыпин, отвечая на запрос, признал, что Азеф "некоторое время" (15 лет!) был "сотрудником розыскных органов"²².

В истории большевистского подполья не было столь громких дел. Но и там были свои иуды — уже упоминавшийся нами Р.В. Малиновский, редактор "Правды" М.Ф. Черномазов, рабочий-металлист В.Е. Шурканов, заведующий партийным паспортным бюро М.И. Бряндинский, член столичного комитета большевиков И.П. Сесицкий.

Мы столь подробно рассказываем о полицейских провокациях постольку, поскольку они тоже были результатом, пускай и косвенным, действий Столыпина. Хотя мы понимаем, что в провокациях повинны и сами революционеры, все меньше стеснявшиеся в средствах борьбы с режимом. Конечно, система сыска и провокаций возникла до Столыпина. Но именно во время его руководства Министерством внутренних дел и правительством она расцвела пышным цветом. Мы уже говорили, что Витте был несправедлив к своему преемнику на посту премьер-министра, но у Сергея Юльевича были некоторые основания сказать следующие слова: "В своем беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда... Столыпин развратил

прессу, развратил многие слои русского общества, наконец, он развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратив ее в свой департамент"²³.

Щупальца департамента полиции дотянулись и до самого Витте. В письме, отправленном в декабре 1910 г. П.А. Столыпину, граф прямо обвинил премьера и министра юстиции И.Г. Щегловитова в сознательном извращении материалов следствия по делу о двух покушениях на него — попытки взорвать его дом и "убить разрывными снарядами". Витте писал, что лишь спустя семь месяцев после покушения, и то только после его настоятельных просьб, двое покушавшихся — Федоров и Степанов — были арестованы. Он указывал также, что из материалов допросов исчез фрагмент с показаниями третьего злоумышленника, Казанцева, назвавшего себя тайным агентом полиции.

Немало материалов, свидетельствовавших о расцвете провокаторской деятельности правительства и полицейских властей, приводилось в выступлениях депутатов Думы. Вот что говорил один из них: «В Твери окружной суд судит за убийство агента губернского жандармского управления, и подсудимый оказывается агентом охранного отделения. В Екатеринославе обливают серной кислотой помощника полицейского надзирателя. Подсудимый заявляет, что служил в охранном отделении по специальности провокатора (как видим, это стало уже и "специальностью". — И.О.). В Гродно судебная палата разбирает дело об организации социалистов-революционеров, и главным организатором группы, создавшей целый план террористических действий, оказывается агент охранного отделения. В Киеве окружной суд рассматривает дело об экспроприации, и начальник сыскной полиции сообщает, что руководил экспроприацией отдел сыскного отделения, в Пятигорске пристав фон-Оглео в сотрудничестве со своим братом, начальником местного жандармского отделения, задумал и привел в исполнение покушение на собственную персону для того, чтобы использовать это в своих служебных целях»²⁴. Это напоминало уже какую-то фантазмагорию с бесконечными переодеваниями, совсем в духе картин Босха.

И уже просто анекдотична агентурная записка под номером 93, хранившаяся в фондах департамента полиции и опубликованная М.А. Осоргиным и Д.И. Шинджикашвили²⁵. Из нее мы узнаем о беседе между двумя революционерами-подпольщиками — "тов. Маракушевым" и "товарищем Георгием". Первый — видный со-

циал-демократ "примиренческого" течения, второй — "ленинец".

"Георгий" все время доказывал Маракушеву, что никаких разногласий между "ленинцами" и "примиренцами" нет и быть не может и что, следовательно, вполне возможно и даже желательно для пользы общего дела работать совместно. Маракушев указал "Георгию", что ленинцы, "примиренцы", совсем не против совместной с "ленинцами" работы, но ни в коем случае не согласятся признать созданный Лениным Центральный комитет за партийный центр. "Товарищ Георгий" принципиально соглашался с Маракушевым и предлагал начать с раздела между "ленинцами" и "примиренцами" сфер влияния в Москве и Подмосковье. Маракушев был немного удивлен тем, что представитель "ленинцев" так "примиренчески" настроен и вынес убеждение, что "ленинцы" боятся упустить работу из своих рук.

Вот так и протекала академическая беседа о "принципиальных партийных вопросах". А в качестве комментария к этому разговору следует добавить, что его вели два агента охраны — "Босяк" ("тов. Маракушев") и "Пелагея" ("товарищ Георгий"). Какого же размаха должна была достигнуть деятельность секретных агентов, чтобы случайно встретившиеся два "партийца" "случайно" оказались осведомителями и потом донесли друг на друга!

Позволим себе небольшое эмоциональное отступление. Заметьте: наш текст буквально пестрит кавычками. И это объяснимо: мы попали в какой-то условный мир. Условные революционеры... условные полицейские... Выдающиеся подпольщики служат в охране, а информацию о ценнейшем секретном агенте дает революционерам... директор департамента полиции. Вот только кровь и жертвы не были условными, и закончилось все это настоящей трагедией. Поневоле думаешь: уж если боевикам, "ленинцам", "примиренцам" и их оппонентам из полиции так нравилось самозабвенно играть в "сыщиков — разбойников", играли бы себе на здоровье, но зачем надо было вовлекать в эту игру всю страну?

"ПОТОМ РЕФОРМЫ..."

Мы приступаем к изложению главного вопроса этой книги — о предпосылках, содержании и судьбе реформаторского курса П.А. Столыпина. Ведь именно благодаря своим реформам этот человек заслуживает уважения и памяти. Несомненно, стержнем, центральным

пунктом политики Столыпина стала знаменитая аграрная реформа, которая и была названа его именем. Правда, в этом названии присутствует некоторая условность. С необходимости ослабления общины, передаче земли в собственность крестьян, создании хуторско-отрубной системы, активизации крестьянских переселений как условиях ускоренного капиталистического развития российской деревни говорили давно. Говорили об этом и представители правящей бюрократии. Скажем, вопрос о ликвидации общинного строя и провозглашении личной собственности на землю встал еще во время отмены крепостного права. Министр внутренних дел правительства Александра II П.А. Валуев утверждал, что при общинных порядках крестьяне не заинтересованы в результатах своего труда. Министр финансов Н.Х. Бунге, возглавлявший ведомство во время царствования Александра III, любил повторять: "Дайте крестьянину в собственность голую скалу, и он превратит ее в цветущий сад; дайте ему во временное пользование цветущий сад, и он превратит его в голую скалу". О "классе" мелких собственников как "источнике экономического процветания страны и верной опоре гражданского порядка" говорилось при создании государственного Крестьянского банка в 1883 г.

Более того, отдельные правительственные чиновники считали целесообразным ввести личную собственность на землю не только в центре страны, но и в Сибири. И сам Александр II какое-то время разделял это убеждение, что ясно видно в утвержденном царем 24 ноября 1866 г. "мнении" Государственного совета¹. И все же правительство не пошло на передачу земель в Сибири в собственность, сославшись на "неопределенность обстановки", а фактически опасаясь, что такая передача свяжет ему руки. Да и в целом в то время явно брали верх сторонники общины.

В.С. Дякин назвал две причины, по которым в "верхах" держались за общину с ее уравнительностью и мелочной регламентацией крестьянской жизни². Первая заключалась в том, что общинный строй облегчал управление крестьянством. Властям не было нужды доходить до каждого отдельного крестьянина, повинности возлагались на общину, а та уже решала, как их лучше распределить. Община отвечала за своевременную выплату всех податей, а главное — выкупных платежей, которыми было обложено все крестьянство по реформе 1861 г. Забегая вперед, отметим, что отмена выкупа с 1 января 1907 г. резко ослабила позицию к тому времени

уже немногочисленных защитников общины. Вторая причина крылась в боязни "язвы пролетариата". Иными словами, правительство и помещики опасались, что разрушение общины ускорит формирование в стране многочисленных промышленных рабочих. Исторический опыт Западной Европы подсказывал, сколь непредсказуемым может быть поведение пролетариата.

Мы бы добавили, что существовала еще одна причина, по которой власть не пошла на ликвидацию общины после падения крепостного права. Община рассматривалась как институт, стоявший между крестьянином и помещиком. Она должна была оберегать (и оберегала!) первого от лихоимства "барина".

Но мы видели, что экономические интересы России требовали и ускоренного промышленного развития, и роста национального дохода, и хозяйственного освоения новых территорий. Сторонники общины не знали, как "вписать" общинные порядки в развивавшееся капиталистическое хозяйство. В сущности отношение к общине на рубеже XIX—XX вв. отражало скрытую борьбу различных тенденций в политике правительства. Надо было двигаться вперед, а двигаться было страшно. По этому признаку и раскалывался правящий лагерь. Часть его представителей (Вышнеградский, Витте и другие) была убеждена в спасительности движения, другая интуитивно чувствовала опасность перемен не только для правящей верхушки, но и для страны в целом.

Справедливости ради надо сказать, что в сохранении общины был заинтересован не только правящий аппарат, но в большой мере и сами крестьяне. Деревне было сподручно иметь общий луг и лес, общие места водопоя для скота. Община гарантировала поддержку каждому домохозяину, не давала умереть с голода. Обособленное хозяйство — это ведь не только шанс предприимчивому и оборотистому, это и прыжок в неизвестность. И едва ли в русской деревне с многовековым господством в ней уравнительности и круговой поруки нашлось бы много охотников завести отдельное хозяйство. Одним словом, община имела не только глубокие экономические, но и психологические корни. Понимали ли это люди, твердившие о ее ликвидации? Думаем, да. И Валусев, и Бунге говорили о постепенном и долгом вытеснении общины, о непременно добровольном выходе из нее крестьян. Позднее в программах кадетов и октябристов пункт об отходе от старых, общинных порядков был сформулирован также весьма осторожно. Кстати, эти же программы включали в себя и создание хуторско-отрубной системы,

и переселения крестьян, т.е. те направления аграрной политики, которые, наряду с разрушением общины, получают название столыпинской аграрной реформы.

Под влиянием бесконечных жалоб помещиков на свое прозябание правительство в 1901 г. создало Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Его деятельностью руководил Витте, который и представил Николаю II записку, обобщившую результаты работы совещания. Сергей Юльевич писал о необходимости создания такой экономической среды, в которой бы община постепенно умерла. Тогда, до революции 1905—1907 гг., Николай отнесся достаточно безразлично к выкладкам Витте.

Спустя несколько лет Витте записал: "У Столыпина явилась такая простая, можно сказать, детская мысль, но во взрослой голове, а именно, для того, чтобы обеспечить помещиков, то есть частных землевладельцев, чтобы увеличить число этих землевладельцев, нужно, чтобы многие из крестьян сделались частными землевладельцами, чтобы их было, скажем, не десятки тысяч или сотни тысяч, а, пожалуй, миллион... Эта простая детская мысль, зародившаяся в полицейской голове"³.

Однако мы видели, что "эта простая детская мысль" зародилась раньше в голове самого Сергея Юльевича, и не случайно он упрекал Столыпина в "идейном плагиате".

Назовем и видного государственного и дворянского деятеля В.И. Гурко, который за несколько лет до революции 1905—1907 гг. призывал к созданию на месте общины мелкого крестьянского хозяйства на индивидуальной основе.

Еще раз уточним — все идейные предшественники Столыпина говорили о медленном, постепенном "выдавливании" общинных порядков и психологии уравнительности. Столыпин действовал круто и жестко. Но надо помнить, что между виттевской постепенностью и столыпинским напором на общину лежала пугачевщина пятого года. Конечно, революция стала в большой степени причиной реформы, она способствовала выдвижению и самого Столыпина. Но, с другой стороны, революция ограничила пространство для маневра, сообщила аграрным преобразованиям правительства, во всяком случае поначалу, болезненный, лихорадочный пульс.

Еще до появления Столыпина в Петербурге в правительстве обсуждались и вопросы, связанные с активизацией крестьянских переселений. Историкам известна записка министра внутренних дел В.К. Плеве, составлен-

ная в 1904 г. и подводящая итог коллективного обсуждения проблемы представителями правящей бюрократии, общественности и местными чиновниками⁴. Плеве оценивал переселенческое движение предшествовавшего периода (а оно шло в России столетиями) как преимущественно народную колонизацию. В этом, полагал министр, его сила и слабость. В записке утверждалось, что в переселении "сказалась внутренняя мощь русского народа, создавшая одно из могущественнейших в мире государств", но тут же высказывалось сожаление, что оно шло хаотически, без заранее составленного плана. В этом повинно государство, которое оставалось в стороне от переселений. Мысль Плеве в сущности очень проста; так же думал и Столыпин: для того чтобы с помощью колонизации решить общенациональные задачи, надо связать идущее стихийно переселенческое движение и государственные потребности.

В программе, намеченной министром внутренних дел, и будущей аграрно-колонизационной политике Столыпина много совпадающих моментов. Это касается определения основных задач переселений — разредить аграрное перенаселение в центральных губерниях и укрепить военно-стратегические позиции России на ее восточных рубежах. Это относится к необходимости подбора переселенцев преимущественно из безземельного и малоземельного крестьянства. Оба — и Плеве, и Столыпин — опасались оттока "слишком большого числа русских людей" из западных губерний Европейской России, ибо это может "очистить западные земли для немецкого натиска"⁵. В записке Плеве обойден молчанием вопрос о хозяйственных потребностях самих восточных районов, но он поначалу не занимал и Столыпина.

Надеемся, мы сумели убедить читателя в том, что у Столыпина-реформатора было немало предшественников. Среди них Валуев и Вышнеградский, Витте и Плеве, Бунге и Гурко. Были и другие. Все они вольно или невольно отстаивали ту линию аграрного развития, которая, скорее ли, медленнее ли, привела бы к дифференциации крестьянства, рыночному хозяйству и... крушению средневековой империи. Вызывает удивление, почему нынешние поклонники Столыпина не говорят о том, что линия будущей реформы складывалась на протяжении десятилетий. Не знают? Или тогда образ Столыпина "не дотягивает" до "великого реформатора"?

Поставим вопрос и мы: в чем же заключается роль Петра Аркадьевича Столыпина? Какое место занимает он в отечественной истории? Конечно, один ответ лежит

на поверхности — предшественники Столыпина говорили, он действовал. Но сказать только это, значило бы недооценить этого человека.

Столыпин сумел увязать различные идеи друг с другом, и план аграрной реформы приобрел логическую стройность. Разрушение общины способствовало созданию слоя земельных собственников, взамен общинного строя должно было возникнуть хуторско-отрубное хозяйство (и это в масштабах всей страны!). Наконец, с помощью переселений Столыпин собирался "убрать" на окраины бедноту, у которой не было средств для выселения на хутор или для создания собственного отруба.

Столыпин сумел убедить в необходимости реформы Николая II. И вот уже царь, совсем недавно равнодушно отнесшийся к соображению Витте о предоставлении крестьянам относительной экономической самостоятельности, заявляет: "Я поставил своей целью завершение преуказанной еще в 1861 г. задачи создать в лице русского крестьянина не только свободного, но и хозяйственно-сильного собственника"⁶.

Но главное, что возвышало Столыпина над его предшественниками, заключалось в осознании им необходимости не только аграрной реформы, но и коренной перестройки всего уклада российской жизни. Правда, ни разу Петр Аркадьевич четко и внятно не сказал о такой перестройке. Но, связав фрагменты различных выступлений главы правительства, используя отдельные наблюдения современников, изучив работы историков, мы убедились в том, что такую задачу он ставил. Столыпин собирался как бы "встроить" аграрную реформу в целый комплекс преобразований, среди которых были такие, как провозглашение свободы вероисповедания, неприкосновенности личности и гражданского равноправия; улучшение быта рабочих; введение волостного земского самоуправления; преобразование судов; организация всеобщего начального образования и ряд других. Все они названы Столыпиным "вопросами первостепенного государственного значения"⁷.

Названные реформы должны были, по словам премьера, способствовать воспитанию граждан. «Легко сказать: "дайте стране все свободы", — заявлял Столыпин, — и я говорю: надо дать свободы, но при этом добавлю, что предварительно нужно создать граждан и сделать народ достойным свободы...»⁸. Итак, прежде чем строить свободное, правовое государство (а термин использовался уже тогда), надо позаботиться о воспитании граждан. Путь к "созданию гражданина" лежит — и это еще од-

но убеждение Столыпина — через развитие в человеке чувства собственности. Снова послушаем премьера: “Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы. Для того, чтобы воспользоваться этими благами... нужна известная, хотя бы самая малая, доля состоятельности... Мелкий земельный собственник... трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток. Вот тогда только писанная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма”⁹.

В нашей историографии давно устоялось мнение, что, собираясь передать общинные земли в крестьянскую собственность, Столыпин преследовал недалекую цель — спасти помещичье землевладение. Любопытно, что именно эту успокоительную идею премьер подбрасывал и самим помещикам: крестьяне-собственники научатся уважать не только свою, но и чужую (помещичью) собственность. Но процитируем Столыпина еще раз: “Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею. Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянства, уничтожение в нем врожденного чувства собственности, ведет ко многому и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств”. Мы привели строки из письма Столыпина Л.Н. Толстому, который был ярким противником частной собственности на землю. Нет, не об одних помещиках хлопотал Петр Аркадьевич, хотя и эти заботы были не последними.

В то же время Столыпин понимал, что чувство хозяина надо подкрепить повышением общей культуры населения, прежде всего крестьянства. В недавно опубликованных воспоминаниях известного русского книгоиздателя И.Д. Сытина Столыпин предстает сторонником распространения общих и специальных знаний среди крестьян, увеличения числа изб-читален и крестьянских библиотек¹⁰. Можно предположить, что волостное земство, задуманное премьером, со временем могло стать школой политического воспитания земледельцев.

К чему же ведет логика всех этих рассуждений Столыпина о государстве и его гражданах? Ответ, думается, очевиден. Могущество государства зависит от состоя-

тельности отдельных граждан, его экономическое процветание должно основываться на их благосостоянии. Столыпин словно предвосхищал концепцию трех универсальных стадий движения от бедности к богатству, которая была выработана в наше время экспертами, поднимавшими экономику в азиатских странах, таких как Таиланд, Тайвань, Южная Корея: первая стадия — бедные люди в бедной стране; вторая — богатые люди в бедной стране; третья — богатые люди в богатой стране.

Однако для России, в которой государство всегда было и остается главным инструментом накопления, такая логика непривычна. Кто знает, возможно, Столыпин уже тогда чувствовал исторический тупик, в который заводит страну централизованная экономика с ее безразличием к производителю. Впрочем, тогда эта централизация еще не выглядела чрезмерной.

Наверное, многое из сказанного Столыпиным выглядит привлекательным и интересным. Но одно дело — слова, другое — реализация реформ. Уже одно перечисление позиций Столыпина заставляет подумать о тех ловушках, которые ожидали премьера.

Итак, ловушка первая, на которую обратил внимание точно чувствующий историю, хотя и несколько категоричный А. Янов¹¹. Многие современники Столыпина и сегодняшние историки и не-историки воспринимали и воспринимают премьер-министра как сторонника укрепления империи. Для такой оценки есть основания. Столыпин не просто стремился создать себе имидж хранителя имперских традиций, — он искренне верил в то, что призван историей для спасения монархии, а с нею и имперского государства. Но если его программа была в самом деле нацелена на появление свободных, ответственных граждан, то она угрожала всевластию военно-бюрократического слоя, т.е. самому существованию самодержавной империи. Между тем Столыпин собирался реализовать свою программу, опираясь на бюрократию. И здесь мы подходим ко второй ловушке, которую заметили либеральные публицисты Е.Н. Трубецкой и Н.Н. Львов¹².

Смысл их высказываний сводился к тому, что нельзя построить цивилизованное, правовое государство при отсутствии достаточно многочисленного культурного слоя населения; в то же время невозможно создать такой слой без правового государства. Это была уже не ловушка, а заколдованный круг. На Западе “класс” культурных хозяев формировался столетиями в ходе

длительного развития капитализма. У нас и за это дело взялось государство в лице председателя Совета министров Столыпина. Еще В.О. Ключевский говорил, что "попытка создать в России гражданина при существовании постоянной усиленной и усиливающейся охраны есть политическая квадратура круга, есть задача неразрешимая..."¹³. Эти слова могут быть отнесены и к столыпинскому и к нашему времени. Где же тот баланс между государством и обществом, который гарантировал бы нам и гражданскую независимость, и экономическую стабильность?

Наконец, о третьей ловушке. Масштабность программы Столыпина усиливала его стратегические позиции и ослабляла тактические. Больше реформ — сильнее сопротивление консерваторов, меньше возможностей для маневра. Правые круги провалили реформу, имевшую в виду введение волостного земского самоуправления, а с ней вместе под угрозой оказались аграрные преобразования, да и весь реформаторский курс премьера.

Все то, о чем мы сказали выше, заставляет думать об имманентной ущербности столыпинских реформ. Но на их пути стояли и трудности, порожденные конкретной ситуацией, сложившейся в стране и, в частности, в деревне. Но о них — в другой части книги, где речь пойдет о проведении столыпинской политики и ее результатах.

Аграрной реформе предшествовала, а потом ее сопровождала мощная пропагандистская кампания, развернутая журналистами, правыми депутатами Думы, рядом ученых. Эти люди говорили о ставке на сильных хозяев, о необходимости подталкивания переселений и отвержения общины. Но все же лейтмотивом пропагандистской подготовки аграрной реформы стало муссирование идеи о благостности частной земельной собственности. Теперь со всех концов России неслись слова о неприкосновенности частной собственности. Неслись они и с трибуны III Думы. "Покуда волей и доверием монарха настоящее правительство находится у власти, частная собственность в России от всяких посягательств будет ограждена", — заявили депутаты правых фракций¹⁴.

В поддержку реформы выступила большая часть помещного дворянства и крупной буржуазии. В беседе с корреспондентом журнала "Экономист России" три московских миллионера заявили: "Мы почти все за закон 9 ноября (указ от 9 ноября 1906 г. о разрушении крестьянской общины. — И.О.)... Дифференциации мы ни

сколько не боимся... Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем... Наши идеалы — англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем"¹⁵. Столыпин и сам говорил: "Мы ставим на сильных. Правительство и страна не могут ставить на слабых и пьяных". И получается, что воспитание граждан, строительство процветающего государства, в котором благоденствовали бы все — это на потом, а пока прогресс достигается сознательным принесением в жертву многочисленных групп населения. Столыпин — либерал и философ уступает место Столыпину — прагматику и жесткому политику, понимающему, что за любое движение вперед надо платить.

Далее. Официальная пропаганда сформулировала тезис, который должен был объяснить форсирование переселений крестьян на окраины и гласил, что переселенческая политика правительства совпадает с народными интересами и отвечает чаяниям крестьянских масс. Этот прием использован, в частности, в представлении, поданном главноуправляющим землеустройством и земледелием князем Б.А. Васильчиковым управляющему делами Совета министров Н.В. Плеве¹⁶. Васильчиков утверждал, что "переселение привело массы, вопреки всем усилиям специальной (надо полагать — антиправительственной. — И.О.) пропаганды, к глубокому и сознательному убеждению в возможности и величайшей экономической важности широкого колонизационного движения...". Князь проводил мысль о необходимости "совместной работы" народа и правительства, объявляя, что этим будет "обеспечен несомненный успех всех дальнейших мероприятий правительства к заселению окраин. Задумаемся вот над чем. Мы уже ссылались на правительственные документы, в которых определенно утверждалось, что на окраины должна была уйти деревенская беднота. В Центральной России Столыпин "ставил на сильных". Значит, к "совместной работе с правительством" Васильчиков призывал "пьяных и слабых"? Как хотите, но это обыкновенная демагогия!

В дальнейшем правительство и правые депутаты Думы не раз использовали этот пропагандистский прием, стремясь представить всякие выступления против переселенческой политики царизма как идущие вразрез с коренными интересами русского народа¹⁷.

Одновременно набирала силу критика общинных порядков. На первое место вышло утверждение, что общи-

на была и остается рассадником уравнилельной психологии и потому является благодатной почвой для социалистических идей. Иногда говорят, что Столыпин, в отличие от марксистов, учитывал особенности индивидуальной и социальной психологии крестьянства. Это так и не так. Правильнее было бы сказать, что он хотел сломать эту психологию, причем в очень короткий срок.

Критики общины утверждали, что она завела земельные отношения в тупик, породив чересполосицу, удаленность земельных участков друг от друга, что община потеряла всякую жизнеспособность и должна быть отброшена в сторону. Приверженность крестьян общинным порядкам объяснялась их темнотой и невежеством. Все это были очень спорные утверждения. Запутанные земельные порядки порождались не столько общиной, сколько многовековым неравноправным сосуществованием крестьянского и помещичьего хозяйств. Несправедливым был и упрек общине в косности. Она вовсе не являлась каким-то застывшим, оторванным от новой экономической среды институтом. В.И. Ленин показал, что община не только приспособлялась к капитализму — она в значительной степени сама была проводником его развития. В конце XIX — начале XX в. крестьяне начали вводить взамен трехпольной системы многопольные севообороты, высевать кормовые травы.

Мы не хотим сказать, что столыпинская пропаганда была построена на песке. Но, как и любая пропаганда, она упрощала, как бы "округляла" ситуацию.

Между тем, при всей своей серьезности, аграрная реформа не была научно проработана. Затеявая массовое переселение крестьян из центра страны, правительство даже не поставило вопрос о его возможных размерах в ближайшие годы. Выглядит странным, что инициаторов реформы не интересовала возможная реакция крестьянства на активизацию переселенческой политики. Правительственные документы не содержали сколько-нибудь точных сведений о размерах колонизационного фонда на окраинах, в них не изучен вопрос о готовности транспортной сети России к перевозке переселенцев.

А разве в распоряжении правительства имелись какие-либо данные, подтверждавшие, что хуторско-отрубная система в масштабах всей страны непременно окажется эффективнее, чем общинное хозяйство? Таких данных не было и быть не могло. Мы теперь познакомились с размышлениями английского экономиста Теодора Шанина, считающего, что в такой громадной стране, как Россия, не может быть единой аграрной политики

по отношению ко всем ее регионам¹⁸. Но не будем забывать, что в конце XIX — начале XX в. русские ученые-аграрники А.А. Кауфман, П.П. Семенов, А.В. Чайнов широко использовали метод порайонного изучения сельского хозяйства. Анализ их разработок предостерег бы от поисков единого спасительного рецепта для всей страны. Но власть пренебрегла таким анализом, а столыпинская реформа стала попыткой найти один-единственный путь и потащить по нему сопротивляющуюся деревню.

Правда, никогда прежде не было столь сильным увлечение американским сельскохозяйственным опытом, как в годы столыпинской реформы. Даже выпуски такого официального издания, как "Известия Главного управления землеустройства и земледелия", пестрели американскими материалами: от сводки урожая в США до изложения выступлений заокеанских сельскохозяйственных деятелей. Было бы естественно ожидать какого-то обобщения этого опыта. Однако комментарии к этим материалам на редкость бесхитростны: как у них все славно, вот бы и у нас так было...

Аграрная реформа Столыпина имела две стороны, которые условно назовем хозяйственно-экономической и социально-политической. Можно сказать и иначе: реформа преследовала как общенациональные, так и узкополитические цели. Давно уже признано, что с экономической точки зрения реформа была прогрессивна. Анализ статистического материала, проведенный современными исследователями И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкиным, показал, что для повышения уровня сельскохозяйственного производства наибольшее значение могли иметь углубление дифференциации крестьянства и расширение применения наемного труда¹⁹. Реформа Столыпина способствовала и тому, и другому.

В социально-политическом плане столыпинская аграрная реформа должна была спасти дворянское землевладение. Чем внимательнее знакомимся с практикой реформы, тем сильнее крепнет убеждение, что волею обстоятельств на первом плане оказывалась именно эта, вторая, сторона. Об общенациональных задачах аграрной программы не то чтобы забыли, но эти задачи постоянно оказывались как бы в тени. И дело здесь не в злой воле Столыпина и его помощников. Не стихавшее революционное брожение в деревне, отчасти спровоцированное и самой реформой, усиливавшееся давление правых сил заставляли Столыпина больше думать об "успокоении", чем о "великой России". Наверное,

именно поэтому в ходе реализации аграрной реформы был допущен крен вправо²⁰.

Соединение в одной реформе разноплановых задач делало ее противоречивой и уязвимой. Добавим сюда спешку при ее проведении, по крайней мере в первые годы.

Основным актом аграрной политики Столыпина стал указ от 9 ноября 1906 г. о разрушении общины. Центральным пунктом указа была статья, разрешавшая отдельным домохозяевам выходить из общины и "укреплять" в личную собственность причитавшуюся им часть общинного надела. На первый взгляд, провозглашалось исключительно добровольное выделение, но это не совсем так. Одна из статей указа гласила, что в случае согласия двух третей сельского схода общинные земли разverstывались на индивидуальные участки. Значит, для оставшейся части крестьян выход был принудительным. И наконец, если выдел оставался добровольным для отдельного крестьянина, то для общины он становился обязательным. По подсчетам С.М. Дубровского, лишь 26,6 % вышедших из общины получили согласие схода, тогда как 73,4 % "укрепили" земли в собственность вопреки воле односельчан²¹.

Впрочем, указ разделил по времени две операции: "укрепление" земли в личную собственность и сведение "укрепленных" участков к одному месту — хутору (если на новом участке строилась усадьба) или отруб²². Историки установили, что создаваемое указом от 9 ноября 1906 г. подворно-участковое, отрубное и хуторское землевладение — это феномен, не адекватный свободной буржуазной частной собственности²³. Действительно, крестьяне не получили права полного распоряжения своей "укрепленной" землей. Запрещались ее продажа лицам, не принадлежавшим к крестьянскому сословию, и концентрация в одних руках свыше шести душевых наделов. Были и другие ограничения.

Все это заставляет сильно усомниться в правильности бытующего мнения о Столыпине как убежденном стороннике свободного фермерского хозяйства. В этом смысле достаточно красноречив текст записи Министерства внутренних дел, обнаруженной в делах Совета министров В.С. Дякиным²⁴. Ее авторы выражали опасение, что неограниченное вовлечение наделных земель в товарный оборот приведет к сосредоточению "значительного числа отдельных участков в одних руках путем образования крестьянских хозяйств фермерского типа". Значит, такой вариант правительство не устраивал?

Правда, нам кажется несколько одиозной та оценка ограничений на пути мобилизации наделных земель, которая преобладает в исторических работах. Их авторы квалифицируют эти ограничения как признак помещичьего характера столыпинских аграрных преобразований, половинчатости реформы.

Да, власть не собиралась пока давать полного простора крестьянскому хозяйству, но не только потому, что боялась появления конкурента дворянину-помещику. Правительство обоснованно опасалось спекуляции землей, а главное — массового обезземеливания крестьянства и своего рода "земельного беспредела", который привел бы к полной дезорганизации хозяйственной жизни. Мы уверены, что нет ни одной страны в мире, в том числе и с давно сложившимся институтом частной земельной собственности, в которой бы полностью отсутствовала какая-либо регламентация земельных отношений. Речь, очевидно, может идти только о мере этой регламентации.

Имелось еще одно обстоятельство, которое повлияло на позицию Столыпина и его правительства. Дело в том, что на протяжении веков в России формировался стереотип, согласно которому верховным распорядителем земли всегда оставалось государство. Этот стереотип формировался и "сверху", и "снизу". Государство спекулировало на распространенном среди крестьян убеждении, что "земля — ничья", "земля — дар божий", препятствуя появлению буржуазного земельного собственника. Историки знают, что при проведении реформы 1861 г. центральная власть в разных ситуациях либо уменьшала крестьянское землевладение в пользу помещиков, либо увеличивала его за счет помещичьих земель. И неважно в данном случае, что помещики получили больше, чем потеряли. Важен сам факт: государство сочло возможным вмешаться в помещичью земельную собственность. Трудно предположить, что через пятьдесят лет это же государство допустило бы свободную торговлю крестьянской землей.

Но вернемся к указу от 9 ноября 1906 г. Несмотря на нажим властей, выделение из общины происходило медленно. Из нее отказывались выходить даже зажиточные крестьяне, на которых делалась основная ставка. В чем здесь дело? Многочисленные дореволюционные обследования констатировали, что в общине давно не было полного земельного равенства, она, говоря словами В.И. Ленина, подавалась "в сторону крестьянской буржуазии"²⁵. В руках сильных хозяйств сверх общинного

надела сосредоточились излишки земель. Принимая указ, правительство рассчитывало, что такие домохозяйства из боязни земельных переделов, которые могли лишиться их этих излишков, побегут из общины. Однако этого не случилось. Причина не в том, что зажиточные крестьяне лишались возможности пользоваться общими угодьями — лесом, лугом, водоемом и выпасом для скота. До сих пор многоземельные хозяйства пользовались излишками земель, не внося никакой платы. При выходе из общины земли, причитавшиеся крестьянам по общинной норме, "укреплялись" безвозмездно, за излишки же надо было платить, хотя и по льготной цене. Что касается земельных переделов, то "крепкие" мужики имели не одну возможность манипулировать голосами на сельском сходе.

Неудовлетворенность правительства результатами выдела заставила его ужесточить антиобщинную политику. В принятом 14 июня 1910 г. III Думой законе провозглашалось уже обязательное разверстание на индивидуальные участки общин, в которых не было земельных переделов, начиная с 1861 г. Историки считают, что в распоряжении таких общин находилось не менее 40 % всей надельной земли. Таким образом, по этому закону почти половина общин подлежала ликвидации, независимо от желания их членов. Как далеко ушло правительство от благих пожеланий Витте о создании условий, в которых община умерла бы сама!

Земельная реформа нуждалась в определенном маневре землей. Общинный надел был для него слишком тесен. Маневр выполнялся с помощью выселения земледельцев на окраины и продажи крестьянам части помещичьих земель. О переселенческой политике Столыпина у нас пойдет особый разговор. Что же касается продаж помещичьих земель, то это дело было возложено на Крестьянский банк. В официальной пропаганде постоянно муссировалась версия о том, что "банк работает на всех" и с его помощью все крестьяне расширяют свои земли. Не поверим этому утверждению. Если банк "работал на всех", то зачем надо было вздувать цены на купленные у помещиков земли? По нашим подсчетам, за все годы реформы крестьянам было продано около 7 млн десятин помещичьей земли. Много это или мало? Если учесть, что общая площадь крестьянского землепользования составляла около 140 млн десятин, придется признать, что эти продажи никак не могли повлиять на обеспеченность крестьянства землей. Это, по сути, капля в море. Четыре пятых от 7 млн десятин оказа-

лись в руках не вообще крестьян, а хуторян и отрубников. Таким образом, банк хлопотал прежде всего об интересах новых собственников, а вовсе не всего крестьянства.

Передача крестьянам помещичьей земли была строго дозированной. Помещики потеряли всего 7 % своих массивов. Да и что значит "потеряли"? Банк скупал земли только у тех помещиков, которые стремились их продать. Но даже скромные операции Крестьянского банка были использованы правыми кругами для дискредитации Столыпина и его реформы. Когда начала набирать силу организованная против премьера кампания, правые запустили утку о том, что банк якобы разоряет поместное дворянство.

Историками подсчитано, что в течение всех лет реформы из общины вышло около 40 % крестьян. Из числа вышедших около 70 % покинули ее добровольно, остальные — принудительно (по закону от 14 июня 1910 г.). Это и много, и мало. Много если учесть, что подобной социальной переложки русская деревня еще не знала, мало — если вспомнить, что Столыпин думал о полной перестройке крестьянского земельного быта. Общины потеряли около одной пятой своих земель, хотя какая-то их часть была возвращена в результате последующих перекупок. Большая часть выделов пришлось на те районы, где община и раньше была слабой и не имела устойчивых корней. В черноземных губерниях Центра она в основном уцелела. А ведь именно там и существовала та "самая дикая деревня", которую собирался цивилизовать Столыпин.

Общее число владельцев хуторов и отрубов в результате столыпинской реформы несколько превысило 1,5 млн и составило около 12 % от всей массы крестьян (общинников и подворников) в 1905 г. и 10 % в 1916 г.²⁶ Между тем создание хуторского хозяйства было одной из главных задач реформы. Очень скоро, однако, стало ясно, что хутор, требовавший возведения усадьбы и налаживания водоснабжения, — весьма дорогое дело, и правительству пришлось довольствоваться отрубным размежеванием.

Таким образом, вместо единой системы складывалась сложная структура крестьянского земледелия. Но кто знает, может быть, удача поджидала там, где на нее никак не рассчитывали? Возможно, эта мозаика хозяйств или, по выражению Т. Шанина, "разности" в деревне²⁷ сулили лучшие перспективы аграрному сектору страны, чем столыпинский хуторско-отрубной монолит? И нако-

нец, не пришла ли пора отвергнуть давно сложившееся в наших книгах о реформе представление, что она провалилась уже потому, что не привела к такому монолиту?

Годы аграрной реформы отмечены устойчивым ростом сельскохозяйственного производства. Выросли общий сбор хлебов и производство товарной продукции, несколько повысилась урожайность зерновых. Среднегодовая продукция пшеницы за период, прошедший между пятилетиями 1898—1902 и 1908—1912 гг., возросла на 37,5 %, кукурузы — на 44,8, ячменя — на 63,2 %²⁸. Право, это был впечатляющий прирост. Сегодня некоторые публицисты безапелляционно объясняют эти успехи исключительно аграрной политикой Столыпина, что не может не вызвать удивления. И уж совсем нелепым выглядит походя брошенный одним из них, И. Савельевым, упрек историкам в сокрытии данных, которые свидетельствуют о прогрессе российского земледелия накануне первой мировой войны²⁹. Такие сведения, причем в гораздо большем числе, чем в "модных" публикациях о Столыпине, приведены в исследованиях Л.М. Горюшкина, С.М. Дубровского, В.С. Дякина, П.Н. Зырянова, С.М. Сидельникова, М.С. Симоновой и многих других историков.

На положение дел в сельском хозяйстве Европейской России оказывало влияние много объективных и субъективных факторов. С 1907 г. отменялись тягостные для крестьян выкупные платежи, что создавало условия для стабилизации их хозяйства. С этого же года пошли вверх мировые хлебные цены. Аграрная реформа совпала с рядом урожайных лет (1909, 1910, 1912 и 1913). Наконец, развитие промышленности и городов — потребителей сельскохозяйственной продукции — стимулировало ее производство. Но, мы помним, основа для промышленного роста была заложена еще Вышнеградским и Витте. Можно сказать, что в 1907—1913 гг. сложилась достаточно редкая ситуация, когда все "работало" на ускоренное развитие сельского хозяйства.

Есть еще один довод, свидетельствующий о необоснованности механического соединения прогрессивных сдвигов в земледелии и аграрной реформы. Вывоз хлеба из России начал заметно увеличиваться с 1909 г., но как раз на первом этапе, в 1907—1911 гг., реформа продвигалась наиболее мучительно. Потом ситуация выправилась. В действиях правительства стало меньше спешки и больше плановости. Возможно, это объясняется тем, что реформа в 1910—1911 гг. прошла при

крайнего напряжения. А может быть, как это ни парадоксально звучит, Столыпин с его торопливостью, излишней напористостью мешал собственной реформе, а его последователи нашли более мирный путь.

Безусловно, столыпинская реформа оживила русскую деревню, но, каким бы крупным явлением она ни была, нельзя сводить к ней всю экономическую жизнь страны. Вообще очень трудно судить о результатах незавершенного исторического явления, каким оказалась аграрная реформа начала XX в. Хорошо известно, что, приступая к ней, Столыпин надеялся на двадцать лет "покоя внутреннего и внешнего". Уже в период первой мировой войны преемник покойного премьер-министра в аграрных делах А.В. Кривошеин говорил о пяти годах, необходимых для завершения реформы. История явно не улыбнулась царским реформаторам.

Аграрная реформа, проводившаяся в центре страны, — настолько масштабное явление, что ее последствия просто не могли проявиться в те годы. Поэтому в равной мере смущают как категоричные суждения о крахе, провале политики премьер-министра, так и хлесткие фразы о ее блестящих результатах, мелькающие сегодня на страницах многих публицистических статей³⁰. Если где и успели проявиться последствия политики Столыпина — так это на некоторых окраинах, особенно в Сибири. Там рост производительных сил явился в значительной степени результатом реформы, точнее столыпинских переселений.

Столыпин направлял волну переселенцев не только за Урал, но и в северо-восточные губернии Европейской России, Среднюю Азию, Закавказье. Организуя переселения в разные районы страны, правительство и руководствовалось различными соображениями. Если уход в Сибирь крестьянской бедноты был призван смягчить социальное напряжение в Центральной России, то увеличение численности новоселов на Кавказе должно было, по замыслу правительства и правых кругов, укрепить там "русское влияние". В ответ на выступление думского депутата И.Я. Сагателяна, сообщившего, что на Кавказе нет свободных земель для русских переселенцев, уже известный нам Марков-второй в своей обычной, грубой и заносчивой, манере заявил: "Кавказ должен быть заселен русскими людьми, русские люди нужны на Кавказе, и это пусть знают господа кавказские туземцы. Никого из кавказских жителей обижать не должно, они суть подданные русского царя, но не пускать русских людей, людей своего государства, народа-хозяина

стика и оппозиционно настроенные депутаты Думы. Но ведь опыта в проведении столь крупного мероприятия, каким стали столыпинские переселения, у царизма не было. Правительство в какой-то мере учитывало собственные ошибки, но полностью преодолеть негативные тенденции в организации переселений не сумело.

Итак, переселенческая политика Столыпина — явление противоречивое и по своим задачам, и по методам, и по воздействию на сибирскую деревню, да и на деревню Европейской России. Вот почему мы не можем принять ту радужную картину переселений, которую рисуют читателю отдельные газетные и журнальные публикации.

Авторы "ура-столыпинских" статей, среди которых уже знакомые читателю И. Дьяков, В. Казарезов, И. Савельев, формируют упрощенное мнение о Столыпине и его реформе. Превращая Столыпина в человека-схему, они делают из него очередную икону, его сложный опыт реформаторской деятельности подают как набор готовых истин, а историю таким образом низводят до уровня дубка.

В интересах своей схемы авторы таких сочинений выхватывают из официальных источников отдельные факты, цифры и тут же строят поверхностные умозаключения. Это простой, давно известный и порочный прием. Приведенные факты и цифры иногда верны. Но, взятые вне контекста реформы, они не приближают читателя к исторической правде.

Перед нами краткий очерк переселенческой политики Столыпина, опубликованный в "Комсомольской правде"⁵⁴. Из него узнаем, что каждая переселенческая семья получала в среднем 165 руб. денежной ссуды от правительства. На самом деле это был установленный правилами 1908 г. верхний предел ссуды — в таком размере денежная помощь, как правило, не выдавалась. По данным Переселенческого управления, т.е. правительственного ведомства, которое занималось распределением ссуд, в Сибири средний размер ссуды никогда не превышал 66 руб., а в 1906 г., когда были приняты правила о свободе переселений, он снизился до 57 руб. на семью⁵⁵.

В той же публикации как о замечательном деле говорится о построенных в 1907—1909 гг. грунтовых дорогах общей протяженностью в 12 981 версту. Нам неизвестно, откуда взялась эта цифра. По правительственной оценке, в 1907—1912 гг. было проведено 8100 верст грунтовых дорог, и эти дороги соединили с экономиче-

скими центрами площадь около 5,5 млн десятин⁵⁶. Но ведь общая площадь фонда, отведенного для переселенцев в Сибири, составляла около 14 млн десятин. Кроме того, учтем, что 8100 верст — это длина всех дорог, построенных в 1907—1912 гг., а не только проведенных к переселенческим участкам. Увы, бездорожье и тогда было подлинным бичом для Сибири. По этой причине многие новоселы покидали отведенные им наделы.

Ведь нельзя же петь властям гимн уже за то, что они что-то делали! Хотя в наше время, наверно, и это способно вызвать восторженное удивление.

Да, в Иркутской губернии первые партии новоселов встречал лично генерал-губернатор. Условия же перевозки переселенцев в первые годы реформы были скверными. Не только горячее питание и медицинская помощь, организованные властями на железнодорожных станциях, но и опаздывавшие поезда, непригодные вагоны, эпидемии, высокая смертность, детская беспризорность — это ведь тоже столыпинские переселения. Не случайно Столыпин и Кривошеин призывали недовольных поскорее забыть о пересезде⁵⁷. До начала массовых переселений никто всерьез не думал о необходимости организации перевозки. Не было никакого плана мобилизации железнодорожного и речного транспорта.

Да, за годы реформы посевные площади в Сибири увеличились на треть, но при этом произошло уменьшение землепользования у русских старожилов и коренных жителей края.

Нашим публицистам "странно читать, что 80 лет назад перед правительством России стояли серьезные проблемы, как-то: куда девать переизбыток пшеницы (сотни миллионов пудов), масла, мяса"⁵⁸. Верно, продавать пшеницу — это совсем не то, что разбазаривать нефть, лес, газ или золото. Но что значит "переизбыток"? Историкам известен девиз министра финансов И.А. Вышнеградского: "Недоедим, но вывезем". Этот "переизбыток" объяснялся сравнительно невысоким уровнем потребления внутри страны. На душу населения в России в те годы производилось столько же хлеба, сколько в Германии, Франции, Швеции. Но эти страны ввозили хлеб, а Россия ежегодно экспортировала около пятой части валового сбора зерна. Немецкий наблюдатель Пальме утверждал, что "при нынешнем производстве зерна Россия, разумеется, в условиях нормального народного потребления, должна была бы принадлежать к числу стран, ввозящих хлеб"⁵⁹. И не вывозить хлеб бы-

мещиков. Сибирское начальство понимало, что помещики не ускорят освоения края. Один из губернаторов писал в Петербург: "Постановления закона 8 июня 1901 г., допускающие сдачу земель в аренду с правом выкупа в собственность только лицам дворянского происхождения, не имеют для края жизненного значения и не отвечают широкому колонизационным задачам..."³⁴

Тем не менее вплоть до начала первой мировой войны правительство отстаивало в разных вариантах идею "переброски" за Урал дворянских имений. По выражению Ю.Б. Соловьева, верх брала философия всемогущества государственной власти, проявлявшаяся в готовности осуществить задуманное любой ценой³⁵.

Созданию колонизационного фонда для переселенцев служило проводившееся в Сибири с конца XIX в. землеустройство старожилов и коренного населения края. В ходе землеустройства произошло уменьшение землепользования Сибири. При объяснении землеустроительной политики правительство фарисействовало. "Главное значение землеустройства заключается в том, что в крестьянскую среду внесены новые оздоровительные идеи, новые творческие побуждения. Культ собственности и труда перерождает народную психику, повышает трудовую энергию, воспитывает предприимчивость и прививает стремление к сельскохозяйственным улучшениям", — говорилось в одном из официальных изданий³⁶. При чтении подобных заявлений встает вопрос: у кого была эта собственность? Собственником земли в Сибири являлось государство, крестьянам же она отводилась в пользование.

Осознавая непопулярность своих действий в глазах оппозиционных политических сил и, конечно, самого сибирского крестьянства, правительство пыталось создать впечатление, что его усилия (крестьянское землеустройство, организация "образцовых" помещичьих хозяйств) продиктованы прежде всего заботой о повышении культуры земледелия.

На первом этапе землеустройства власти боролись против всего, что могло способствовать развитию единоличных форм землевладения. Массовому уничтожению подвергались сибирские заимки — наиболее прочная основа фермерской эволюции³⁷. Заимки раздражали власти и своим многоземельем, и тем, что были основаны на единоличной форме землевладения, хотя экономический и социальный эффект от их хозяйствования был выше, чем ст основной массы крестьянских дворов. В документах Совещания по земельному устройству насе-

ления Забайкальской области утверждалось, что правительство должно воспользоваться землеустроительными работами для того, чтобы ликвидировать "господствующий земельный простор", а одним из способов достижения этой цели объявлялось ограничение заимочного землевладения³⁸. Но ведь заимки всегда были форпостами колонизации Сибири, и теперь их роль должны были взять на себя обанкротившиеся помещики из Европейской России! Как же можно всерьез воспринимать слова Куломзина о необходимости ускорить освоение края?

Политика правительства, проводившаяся на рубеже веков, только мешала нормальному развитию Сибири. Это подтверждается и введением в конце XIX в. так называемого челябинского тарифного перелома. В соответствии с ним хлебный груз, отправлявшийся из Сибири, облагался тарифом дважды — вначале на пути до станции Челябинск, а потом еще раз, на пути от Челябинска до станции назначения, как впервые поступивший на железную дорогу. Перелом повышал расходы на перевозку хлеба и делал невыгодным его вывоз из Сибири в центральные районы страны.

Существуют две точки зрения относительно причин введения перелома. Еще в дореволюционной науке сложилась интерпретация "челябинской формулы" как характерного штриха колониальной политики царизма, как меры, которая была призвана оградить помещичьи хозяйства Центра от конкуренции сибирского зерна. Это мнение поддержали и некоторые советские историки, в частности В.Г. Тюкавкин. Другая оценка мотивов увеличения тарифов приведена в исследовании Т.М. Китаниной³⁹. По ее мнению, формула была введена по инициативе тогдашнего министра финансов С.Ю. Витте не столько для защиты помещиков, сколько для того, чтобы, направив сибирский хлеб в северные морские порты, "выпустить" его на внешние рынки. Мы не будем вдаваться в этот спор, заметим только, что, независимо от расчетов правительства, челябинский перелом тормозил развитие торгового хлебопашества в Сибири.

Таким образом, политика центральной власти по отношению к Сибири в "достолюпинский" период характеризовалась стремлением укрепить собственность государства на землю, предотвратить дифференциацию сибирского крестьянства, "выдавить" элементы фермерского хозяйства, ограничить производство в крае сельскохозяйственной продукции.

Реформа Столыпина внесла крупные изменения в аграрную политику в Сибири. Сибирь должна была стать основным колонизируемым районом, а со временем было решено распространить на нее все столыпинское земельное законодательство: насадить и здесь частную собственность крестьян на землю и хуторско-отрубную систему землевладения.

Массовое переселение крестьян из Центральной России переросло чисто сибирское значение и стало проблемой общероссийской. Из десяти основных вопросов аграрной политики, рассмотренных Советом министров в 1907—1914 гг., шесть касались крестьянских переселений в Сибирь⁴⁰.

Закон от 6 июня 1904 г. признавал свободу переселений. 10 марта 1906 г. царь утвердил положение Совета министров "О порядке применения закона 6 июня 1904 г.". Правительство порывало с прежними ограничениями в переселенческом деле. Это случилось до назначения П.А. Столыпина главой правительства, что еще раз свидетельствует о преемственности его политики от той программы, которая была определена правящей верхушкой страны. И уже в первые месяцы после издания положения от 10 марта 1906 г. правительство, напуганное размахом крестьянского движения в центре страны, форсировало переселения.

Миллионными тиражами издавались брошюры, листовки, справочные книжки, в которых говорилось об огромных запасах свободной земли в Сибири, о необычайном плодородии ее почв. Эти материалы провоцировали крестьян на переезд. По свидетельству члена трудовической группы Государственной думы полтавского крестьянина Е.А. Сайко, "земские начальники рассылают в волостные правления и сельские управы приказы, где... умышленно раскрашивают местности Сибири для того, чтобы крестьяне выселялись из своих мест"⁴¹. Кстати, уже в приветственном адресе I Думы Николаю II указывалось, что "народное представительство" считает своим долгом всячески содействовать переселению для усиления восточных рубежей России⁴².

В заявлениях представителей правительства, выступлениях депутатов правых фракций и центра Думы, публикациях в официальной прессе подчеркивалось военно-стратегическое значение переселений. В докладной записке Николаю II главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Б.А. Васильчиков указывал, что "безлюдье" в восточных районах представляет опасность для русского государства: "Китай не дремлет и

предпринимает целый ряд мер для быстрого заселения пограничных с Россией пространств. Нельзя дремать и нам". Напротив этих слов князя Николай написал: "Вполне согласен"⁴³.

Тот же мотив находим в заявлении члена октябристской фракции II Думы В.Н. Тетеревеикова: "Пока мы не наделим наши окраины, мы не укрепим их, и нам будет постоянно грозить опасность со стороны более тесно заселенных государств"⁴⁴.

Газета "Колокол" мрачно предвещала: "Сибирь, бывшая ранее самым безопасным пунктом в смысле внешнего нападения, стала наиболее угрожаемым... Именно там, а не в другом месте, произойдет тот смертельный поединок, который решит: быть или не быть России"⁴⁵.

Однако у правительства были и другие расчеты, которые требовали переселений прежде всего бедноты, т.е. той части крестьянства, которая мало подходила для укрепления стратегических позиций России на востоке. Это ли не пример столкновения общенациональных и узкополитических задач в столыпинской политике, о котором речь уже шла?

Можно сказать и иначе: программа правительства была рассчитана на решение двух основных задач — с помощью переселений малоземельных крестьян на окраины увеличить землепользование крестьянства в Центре и создать условия для быстрого хозяйственного освоения восточных районов и усиления там позиций государства. Именно так и сформулировал замысел власти А.В. Кривошеин: важнейшие задачи переселенческой политики заключаются "в улучшении... условий землепользования и хозяйства крестьянского населения внутренних губерний Империи и, наряду с этим, в усилении русской мощи на отдаленных окраинах государства"⁴⁶.

Но достигнуть обеих целей одновременно и с равным успехом, к тому же с помощью одних и тех же методов, было очень трудно, а может быть и невозможно. Объективно это привело к тому, что и в правительственных декларациях, и в практических действиях царизма на первое место выходил то один, то другой мотив. О противоречивости действий правительства говорил председатель переселенческой комиссии III Думы октябрист князь А.Д. Голицын: "Землеустроительные комиссии, земские начальники, губернаторы подбирают переселенцев в основном из малосостоятельных крестьян, то есть не тот колонизационный материал, который нам необходим для заселения наших окраин"⁴⁷.

За 1907—1914 гг. в Сибирь переселилось около 2,5 млн крестьян. Их количество в три раза превысило численность переселенцев в предшествовавшие восемь лет. Большая часть новоселов оказалась за Уралом в 1907—1910 гг., т.е. в первые, наиболее трудные годы реформы. Трудными они оказались и для решения проблемы переселений. Почти сразу власти столкнулись с нехваткой свободных участков. В степных районах их фонд был исчерпан уже в мае 1906 г. Из Петербурга шли телеграммы, требовавшие от местных властей срочных мер для увеличения численности переселенческих участков. В телеграмме от 17 июля 1907 г. Столыпин предлагал сибирским губернаторам немедленно выяснить вопрос о пригодности лесных площадей для расселения новоселов. Кривошеин требовал увеличения “всеми способами” масштабов “заготовки колониционного фонда”.

Выполняя волю петербургского начальства, местные отделения землеустроительного ведомства и Переселенческого управления спешно включали в “свободный” фонд запасные участки, таежные расчистки, земли, считавшиеся ранее непригодными для обработки. Под переселенческие участки отводились земли старожилов и коренных жителей. И все равно свободной земли не хватало.

Наиболее многочисленные свидетельства местных властей об отсутствии заготовленных участков в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях относятся к 1908 г. На губернских совещаниях чиновников по землеустройству было решено “подниматься к северу”, т.е. переносить работы по заготовке участков в тайгу. Оценки местных властей совпадали с мнением руководителей центральных ведомств, которые настаивали на активизации работ в отдаленных таежных районах, одновременно подчеркивая неизбежное в этом случае усиление роли государства в колонизации края⁴⁸. Руководители томской переселенческой организации называли работы по заготовке участков в лесных районах правительственным “напором на тайгу”. Директор Переселенческого управления Г.В. Глинка с трибуны Думы утверждал, что и в тайге его ведомство руководствуется девизом: “Делать не только как можно больше, но и как можно лучше”⁴⁹. И все же это был напускной оптимизм. Освоение тайги шло медленно и мучительно. Столыпин и Кривошеин признали, что таежные участки — это “недоделанные” участки⁵⁰.

Существовал и еще один аспект, связанный с заготовкой новых участков в лесных районах. Нам удалось обнаружить материалы обсуждения этого вопроса чиновниками Енисейского переселенческого района⁵¹. Некоторые из них (В.Ю. Григорьев, И.К. Ковригин) предостерегали от бездумного вторжения землеотводных и землеустроительных отрядов в тайгу, так как оно могло нанести непоправимый ущерб экологическому равновесию в лесных районах. Эти опасения не остались незамеченными, и постепенно работы в тайге стали вестись планомерно, чему, впрочем, способствовало и сокращение переселенческого движения.

По мере уменьшения фонда свободных земель ухудшалось качество отводимых участков. Власти постоянно понижали “порог пригодности” земель. Такая тенденция проявилась еще в 90-е гг. XIX в. и была отмечена первоклассным ученым и хорошим наблюдателем А.А. Кауфманом⁵².

В 1909—1910 гг. сибирские власти высказались за сокращение заготовки, обосновывая свое предложение необходимостью “известного благоустройства” на уже занятых участках. Речь шла о нехватке складов для переселенцев, школ, медицинских пунктов⁵³. Однако в своих предложениях сибирским губернаторам Переселенческое управление настаивало на заготовке участков в прежних размерах. Позиция центрального ведомства, пусть и вынужденная, вызвала разочарование в сибирских губерниях.

Но напряжение постепенно спадало. Начиная с 1911 г. действия по заготовке участков отличали большая тщательность и продуманность, что было связано и с упоминавшимся нами сокращением потока переселенцев, и с тем опытом, который был накоплен властями и работниками землеотводных партий. Отводу участков теперь предшествовали почвенно-ботанические обследования, гидротехнические и корчевальные работы, строительство грунтовых дорог. Но и в 1911—1914 гг. заготовка новых участков несколько отставала от “водворения” новоселов. Определенное значение для упорядочения землеотводных работ имела практика уже не отвода, а продажи лучших участков в наиболее освоенных районах края, которая должна была заинтересовать зажиточных крестьян.

Конечно, в организации переселений в Сибирь было немало объективных и субъективных трудностей. Многие просчеты правительства буквально лежат на поверхности. Не случайно за них ухватились левая публици-

стика и оппозиционно настроенные депутаты Думы. Но ведь опыта в проведении столь крупного мероприятия, каким стали столыпинские переселения, у царизма не было. Правительство в какой-то мере учитывало собственные ошибки, но полностью преодолеть негативные тенденции в организации переселений не сумело.

Итак, переселенческая политика Столыпина — явление противоречивое и по своим задачам, и по методам, и по воздействию на сибирскую деревню, да и на деревню Европейской России. Вот почему мы не можем принять ту радужную картину переселений, которую рисуют читателю отдельные газетные и журнальные публикации.

Авторы "ура-столыпинских" статей, среди которых уже знакомые читателю И. Дьяков, В. Казарезов, И. Савельев, формируют упрощенное мнение о Столыпине и его реформе. Превращая Столыпина в человека-схему, они делают из него очередную икону, его сложный опыт реформаторской деятельности подают как набор готовых истин, а историю таким образом низводят до уровня дубка.

В интересах своей схемы авторы таких сочинений выхватывают из официальных источников отдельные факты, цифры и тут же строят поверхностные умозаключения. Это простой, давно известный и порочный прием. Приведенные факты и цифры иногда верны. Но, взятые вне контекста реформы, они не приближают читателя к исторической правде.

Перед нами краткий очерк переселенческой политики Столыпина, опубликованный в "Комсомольской правде"⁵⁴. Из него узнаем, что каждая переселенческая семья получала в среднем 165 руб. денежной ссуды от правительства. На самом деле это был установленный правилами 1908 г. верхний предел ссуды — в таком размере денежная помощь, как правило, не выдавалась. По данным Переселенческого управления, т.е. правительственного ведомства, которое занималось распределением ссуд, в Сибири средний размер ссуды никогда не превышал 66 руб., а в 1906 г., когда были приняты правила о свободе переселений, он снизился до 57 руб. на семью⁵⁵.

В той же публикации как о замечательном деле говорится о построенных в 1907—1909 гг. грунтовых дорогах общей протяженностью в 12 981 версту. Нам неизвестно, откуда взялась эта цифра. По правительственной оценке, в 1907—1912 гг. было проведено 8100 верст грунтовых дорог, и эти дороги соединили с экономиче-

скими центрами площадь около 5,5 млн десятин⁵⁶. Но ведь общая площадь фонда, отведенного для переселенцев в Сибири, составляла около 14 млн десятин. Кроме того, учтем, что 8100 верст — это длина всех дорог, построенных в 1907—1912 гг., а не только проведенных к переселенческим участкам. Увы, бездорожье и тогда было подлинным бичом для Сибири. По этой причине многие новоселы покидали отведенные им наделы.

Ведь нельзя же петь властям гимн уже за то, что они что-то делали! Хотя в наше время, наверно, и это способно вызвать восторженное удивление.

Да, в Иркутской губернии первые партии новоселов встречал лично генерал-губернатор. Условия же перевозки переселенцев в первые годы реформы были скверными. Не только горячее питание и медицинская помощь, организованные властями на железнодорожных станциях, но и опаздывавшие поезда, непригодные вагоны, эпидемии, высокая смертность, детская беспризорность — это ведь тоже столыпинские переселения. Не случайно Столыпин и Кривошеин призывали недовольных поскорее забыть о переезде⁵⁷. До начала массовых переселений никто всерьез не думал о необходимости организации перевозки. Не было никакого плана мобилизации железнодорожного и речного транспорта.

Да, за годы реформы посевные площади в Сибири увеличились на треть, но при этом произошло уменьшение землепользования у русских старожилов и коренных жителей края.

Нашим публицистам "странно читать, что 80 лет назад перед правительством России стояли серьезные проблемы, как-то: куда девать переизбыток пшеницы (сотни миллионов пудов), масла, мяса"⁵⁸. Верно, продавать пшеницу — это совсем не то, что разбазаривать нефть, лес, газ или золото. Но что значит "переизбыток"? Историкам известен девиз министра финансов И.А. Вышнеградского: "Недоедим, но вывезем". Этот "переизбыток" объяснялся сравнительно невысоким уровнем потребления внутри страны. На душу населения в России в те годы производилось столько же хлеба, сколько в Германии, Франции, Швеции. Но эти страны ввозили хлеб, а Россия ежегодно экспортировала около пятой части валового сбора зерна. Немецкий наблюдатель Пальме утверждал, что "при нынешнем производстве зерна Россия, разумеется, в условиях нормального народного потребления, должна была бы принадлежать к числу стран, ввозящих хлеб"⁵⁹. И не вывозить хлеб бы-

ло нельзя, ибо страна не располагала другим надежным источником накоплений, необходимых и для промышленности, и для армии.

Сами руководители переселенческой политики оценивали эффективность своих действий весьма осторожно. Трезвость в оценках делает честь людям, которые проводили реформу. Но тогда, прежде чем ими восторгаться, почему бы не познакомиться с их выводами?

При комплексном рассмотрении правительственных документов, относящихся к разным годам столыпинской реформы, нетрудно увидеть следующее. Во многих из них высшие чиновники, отвечавшие за проведение переселенческой политики (Б.А. Васильчиков, П.А. Столыпин, А.В. Кривошеин, Г.В. Глинка, А.С. Стишинский и другие), признали, что правительству так и не удалось возглавить переселение на протяжении всей его истории. В качестве примера можно привести вывод А.В. Кривошеина, сделанный им в записке, не предназначенной для обнародования и составленной уже в 1913 г. Человек, приложивший руку ко всем крупным мероприятиям в этой области, признал, что "правительство только следит за сложившимся переселенческим движением, но не руководит им... не направляет"⁶⁰.

Развернутая характеристика переселенческой политики приведена в "Записке" Столыпина и Кривошеина, составленной после поездки министров в Сибирь. Этот документ не дает ни малейшего повода для восторженной оценки переселений. Премьер-министр и руководитель землеустроительного ведомства признали, что "эта стройная с виду система (переселенческая политика. — И.О.) не дала... положительных результатов"⁶¹. Они указали на ошибки правительства и даже "спориость" взятого курса. Правда, тут же Столыпин и Кривошеин попытались найти еще одного виноватого — общественное мнение, от которого правительство напрасно ждало "положительных указаний" в деле налаживания переселения⁶². Но разве правительство интересовалось общественным мнением? Да и на какую общественность могли обижаться Столыпин и Кривошеин? Дворянские и буржуазные идеологи поддержали переселенческий курс царизма. Что же касается социал-демократов или трудовиков, то едва ли правительство ждало от них "положительных указаний".

Итак, министры не были удовлетворены состоянием переселенческого дела. Но в "Записке" есть и другое — в ней изложена по сути новая программа не только ко-

лонизационной политики, но и всего аграрного курса правительства в Сибири.

Центр тяжести переносился с выселения из Европейской России малоземельных крестьян на "колонизацию" Сибири, означавшую, в понимании правительства, прежде всего создание здесь крепкого индивидуального крестьянского хозяйства. В "Записке" ставилась задача более равномерного расселения переселенцев по территории Сибири, признавалось, что препятствием к этому служит излишняя регламентация переселений. "Надо считать с желанием людей получше устроиться, а не думать только об общегосударственных интересах", — утверждали министры⁶³.

Не отказавшись вовсе от переселения деревенской бедноты, правительство постепенно усилило крен на движение в Сибирь "крепкого" крестьянства. Соответствующие установки Столыпина, Кривошеина, Глинки были поддержаны большинством III Государственной думы. Одновременно власти ослабили сословные ограничения в формировании контингента переселенцев. 14 марта 1909 г. Николай II утвердил положение Совета министров, которое давало право управляющему землеустройством и земледелием разрешать выселение на земли Сибири лицам, "по сословному состоянию своему" не имеющим права на переселение⁶⁴. Перечисляя категории населения, которым предоставлялось безусловное право устройства в Сибири, Кривошеин выделял потомственных граждан, священников, безземельных дворян и купцов⁶⁵. Хотя Кривошеин назвал эту меру "простым развитием начал действующего закона", она существенно изменяла принятое ранее законодательство, которое ограничивало состав переселенцев "дворянами-землепашцами", крестьянами и "мещанами, лично занимающимися хлебопашеством".

В процессе проведения столыпинской реформы изменилось отношение правительства к так называемым самовольным переселенцам. В течение долгого времени правительство считало, что протекавшее без его ведома заселение Сибири искажало программу переселений. Теперь Столыпин объявил самовольных переселенцев "наиболее ценным элементом" для колонизации края⁶⁶. Были сняты все ограничения, установленные для наделения таких крестьян землей в годы массового движения за Урал. Все вставало на свои места: выдвинув на первый план задачу земледельческой колонизации Сибири, правительство сочло нелепым ставить палки в колеса самовольным переселенцам, этой наиболее пред-

приемчивой и самостоятельной части новоселов. Переселенческое управление потребовало незамедлительно предоставлять им землю, "и притом по возможности на тех именно участках, об устройстве на которых ходатайствуют просители"⁶⁷.

Ликвидация сословного фактора в переселенческой политике, поддержка самовольных переселений, провозглашение свободы выбора новоселами районов "водворения" — все это свидетельствует об усилении прогрессивных тенденций в действиях властей. О прогрессе в переселенческой политике говорит и увеличение помощи новоселам. Сюда можно отнести не только более разумное расходование денежных ссуд, но и организацию складов сельскохозяйственных машин и орудий (права, их деятельности вскоре был придан сугубо коммерческий характер), и улучшение агрономической помощи переселенцам.

Столыпин провозгласил лозунг, который подхватили его помощники и правительственная печать: "Заселение важнее переселения". Выступая в III Думе, Кривошеин пояснил, что главная задача переселенческой политики рассматривается теперь «не как средство для разрешения земельного вопроса в центральных губерниях путем выселения трудовых масс крестьянства на окраины, а как заселение последних экономически сильными "русскими людьми", прочное устройство их на новых местах жительства и улучшение общекультурной обстановки заселения колонизируемых районов»⁶⁸.

Мало сказать, что провозглашенный Столыпиным лозунг отвечал интересам тех групп господствующих классов, которые были заинтересованы в заселении Сибири экономически крепкими хозяевами, надежными поставщиками сельскохозяйственных продуктов и промышленного сырья. Придется признать, что намеченная программа действий должна была ускорить хозяйственное освоение окраин и потому отвечала и общенациональным интересам. У официальной пропаганды были основания объявить этот период "особой эпохой" в истории переселений⁶⁹.

В том, что столыпинское правительство внесло изменения в переселенческое дело, свою роль сыграл рост количества случаев возвращения крестьян из Сибири или, как тогда говорили, "обратных переселений". Поэтому-то и предлагалось увеличить число зажиточных переселенцев, которые могли "осесть прочно и без осечки". Но главную причину, по которой в правительстве изменилась оценка желательного состава переселенцев

и направления переселенческого курса, надо искать в контексте всей аграрной политики в Сибири в 1909—1913 гг. По мере продвижения реформы происходило явное "обуржуазивание" этой политики. Одним из ее направлений стала индивидуализация крестьянского хозяйства, на которой жестко настаивал Столыпин.

Аргументация Столыпина была близка тем доводам, которые выдвигали правые в антиобщинной кампании, развернутой в годы реформы. Премьер утверждал, что при сохранении в Сибири общинных порядков "там создается вполне благоприятная почва для развития в будущем социалистических начал". Кроме того, по мнению Столыпина, консервация старого общинного принципа в Сибири сохранит "двойственность и несогласованность аграрной политики по сю и ту сторону Урала"⁷⁰. В уже цитировавшейся нами "Записке" Столыпин и Кривошеин утверждали, что "продолжать дело отвода участков в прежнем порядке, не приняв никаких мер против развития здесь в будущем общинной неурядицы, было бы исторической ошибкой"⁷¹. Правительственное содействие внутринадельному межеванию, отвод переселенческих участков с распределением земли на отруба, преимущественное предоставление участков обществам, устанавливавшим подворное участковое землепользование, — все эти меры должны были предотвратить развитие в Сибири общинно-уравнительных порядков.

И однако в конце жизни Столыпин был почти готов смириться с сибирской общиной. Собственно, уже после посещения Сибири Столыпин и Кривошеин допускали здесь и хуторское, и общинное владение. В последних обращениях премьер-министр, еще недавно требовавший активной борьбы с общинными порядками, призывал сибирских губернаторов учитывать желание земледельцев вести то или иное хозяйство. Хватит давить на крестьян, обращался Столыпин к сибирским властям, надо дать им возможность сохранить здоровое начало в общине, если они этого хотят. Кто знает, может быть, истинное значение Столыпина-реформатора не в том, в чем его видят нынешние сторонники повсеместной приватизации, а в этом "экономическом плюрализме", пускай и не очень внятно выраженном?

Сибирская община была предприимчивее общины Европейской России, поскольку сложилась в иных условиях. Отсутствие давления со стороны помещиков, сравнительная слабость налогового бремени, относительное многоземелье сделали сибирскую общину динамичной и самостоятельной. Раньше П.А. Столыпина это понял

А.В. Кривошеин. Есть основания думать, что вдруг проявившаяся терпимость премьера явилась результатом влияния управляющего земельным ведомством.

В делах Совета министров Центрального государственного исторического архива хранится датированное июнем 1909 г. отношение, посланное Кривошеиным Столыпину⁷². В нем Александр Васильевич высказал свое понимание сибирских проблем. Во-первых, утверждал он, "в настоящее время в Сибири вопрос заселения пустующих земель в сущности пока еще важнее и жизненнее вопроса о выборе форм землевладения". Во-вторых, заявлял Кривошеин, надо отказаться от "всякой принудительности в установлении земельных распоряжений" и только "идти навстречу... сознанным населением потребности улучшения земельного строя, создав возможно более благоприятные для сего условия". Это были установки скорее в духе Витте, чем Столыпина. Для Витте политика государства должна решать принципиальные вопросы, а что лучше — отруб или хутор, общинное или участковое землепользование — определяет жизнь и сами крестьяне.

Александр Васильевичу Кривошеину не повезло. Его недооценили потомки. Он был правой рукой Столыпина, и мощная фигура премьера заслонила Кривошеина. Впрочем, дело не только в этом — желая направлять события, Александр Васильевич не хотел нести ответственность и намеренно оставался во втором ряду⁷³. О Кривошеине несправедливо судили современники, возможно, шокированные его крестьянским происхождением. Витте упрекал этого чиновника в беспринципности и непоследовательности, а один из сослуживцев Кривошеина утверждал, что тот "обладал способностью улавливать, в какую сторону дует ветер"⁷⁴. Но ведь можно сказать и иначе: Кривошеин, несомненно, обладал политическим чутьем. Во всяком случае многие верные решения были подсказаны Столыпину этим человеком, например отказ от повсеместного насаждения хуторов и развитие отрубного хозяйства. Напомним также, что после смерти председателя Совета министров именно Кривошеин возглавил аграрную реформу и проводил ее спокойно и осмотрительно.

Но вернемся немного назад. Если в течение 1906—1908 гг. столыпинская политика "задевала" Сибирь только переселениями крестьян, то с 1909 г. на край распространялись все направления реформы. В этом году Главное управление землеустройства и земледелия, выполняя волю Столыпина, потребовало от мест-

ных властей "обратить особое внимание на образование возможно большого количества хуторских участков"⁷⁵. Настаивая на создании в Сибири хуторско-отрубной системы, правительство руководствовалось не только принципиальной линией реформы Столыпина. Дело было и в нехватке свободных земель, которая приводила к мелчанию участков. Власти не считались с тем, что переход к обособленному хозяйству был выгоден с экономической точки зрения лишь небольшому числу зажиточных крестьян (что справедливо отметили Л.М. Горушкин и А.В. Минжуренко⁷⁶).

Власти поощряли крестьян, желавших завести хуторское или отрубное хозяйство. Циркуляр землеустроительного ведомства от 6 февраля 1909 г. предписывал в случаях, когда на один и тот же участок претендовало несколько партий новоселов, отдавать предпочтение той партии, "которая изъявит согласие установить обеспечивающий прочность водворения порядок участкового (хуторского или отрубного. — И.О.) землепользования"⁷⁷. Хуторяне и отрубники в первую очередь получали правительственные ссуды, продовольственную помощь.

Земельная и переселенческая политика в Сибири должна была способствовать насаждению хуторско-отрубной системы и в Европейской России. Переселенческое управление предоставляло льготы следовавшим за Урал семьям только в том случае, если их выселение сопровождалось расселением на хутора оставшихся на родине однообщинников.

И все же результаты действий правительства и местных властей были незначительными. Доля хуторов и отрубов оказалась меньшей, чем доля земель, предназначенных для устройства единоличных хозяйств. Последнее наводит на мысль, что далеко не все заготовленные участки были использованы "по назначению".

Если на первом этапе землеустройства отношение властей к сибирским заимкам было отрицательным, то теперь чиновники настаивали на всемерной поддержке заимочного землевладения. Заимки "вписывались" в планы индивидуализации крестьянского землепользования и рассматривались как "очаги культурного хозяйства, каковое должно быть всецело поощряемо"⁷⁸. Циркуляры землеустроительного ведомства выделяли заимки, которые по своим характеристикам приближались к идеалу единоличного крестьянского хозяйства. Даже в период наибольшего размаха переселенческого движения и лихорадочных работ по заготовке колонизационного фонда правительство требовало "относиться к за-

пикам, встречаемым в районе работ по образованию переселенческих участков, с особой осмотрительностью, всемерно избегая размежевания в участки тех заимок, хозяева которых прочно на них водворились и обзавелись домами и хозяйством"⁷⁹.

Итогом усиления буржуазных тенденций в политике Столыпина стало решение о передаче земли в Сибири в крестьянскую собственность. Эта мера призвана была привести к окончательной унификации аграрного курса в Европейской России и Сибири. В правительственных документах, официальной прессе появились утверждения о том, что передача земли в частную собственность преобразит пространства огромного края. "Если где-либо особенно нужна могучая сила собственности, то именно для оживления громадных мертвых пространств Сибири", — писал печатный орган землеустроительного ведомства⁸⁰. Право земельной собственности должно было открыть новую эру в освоении Сибири — колонизации ее просторов "естественным путем купли и продажи" земель.

Правительство считало, что отвод наделов в собственность привел бы к расширению колонизационной емкости сибирских земель. Это косвенно признали Столыпин и Кривошеин. Они утверждали, что "собственность и связанная с ней свобода распоряжения землей значительно облегчат последующий переход части наделных земель, отводившихся до сих пор с чрезмерной щедростью... в руки новых пришельцев"⁸¹.

Замысел Столыпина нашел полное понимание у идеологов крупной буржуазии, которые увидели в земельной собственности "первое могучее средство" привлечь в Сибирь частные капиталы⁸². Намеченная мера встретила поддержку переселенческой комиссии III Думы. Ее председатель А.Д. Голицын уверял депутатов, что передача земли в собственность избавит правительство от всех хлопот, связанных с освоением Сибири: "Падут все заботы правительства о судьбе переселенцев, прекратится систематическое разорение и обращение в голодный пролетариат самого сильного и энергичного материала нашей колонизационной деятельности. Пора нам стать на иной путь заселения наших окраин, нельзя стоять все на той точке зрения, по-моему, крайне вредной и негосударственной, заключающейся в том, что всюду должна проявляться правительственная опека, обращающаяся естественно очень скоро в даровую раздачу той помощи, которую желают предоставить путем этой опеки. Мы видим крушение этого начала уже во многих

организациях правительства, которые не дали и не дают тех результатов, к которым они стремятся... Итак, вводите, господа, скорее институт права собственности, не насаждайте одной рукой в Азиатской России того, что вы разрушаете в Европейской России"⁸³.

По поручению Столыпина Переселенческое управление разработало законопроект о передаче земли в Сибири в крестьянскую собственность. Премьер-министр рассматривал его как "имеющий самое серьезное значение" — основу для целого ряда других мероприятий в Сибири. Законопроект обсуждался долго и трудно, встретившее сопротивление консерваторов из числа правительственных чиновников и "помещичьего лобби" в III и IV Думах. В законопроект вносились поправки, делавшие переход к собственности непоследовательным. В одной из последних редакций проекта не закреплялся один из основных атрибутов собственности — право распоряжения землей. В течение трех лет разрешалась продажа земли только лицам, принадлежавшим к данному обществу. Общество могло продать землю лишь при согласии двух третей схода. Распоряжение участками стоимостью более 500 руб. допускалось с согласия двух министров — внутренних дел и финансов, а продажа участков для "горнопромышленных целей" — еще и министра торговли⁸⁴. Залог крестьянских земель частным лицам и учреждениям запрещался.

Мы полагаем, что главная причина сопротивления законопроекту со стороны правых в правительстве и Думе заключалась в опасении окончательного оформления в Сибири фермерского хозяйства. Другими словами, линия Столыпина и переселенческой комиссии Думы на создание в Сибири сильного хозяйства наталкивалась на obstruction правых кругов, которые видели в будущем сибирском фермере и конкурента, и нежелательный пример для крестьянства в центре страны. Один из думских ораторов, выражая позицию этих людей, заявил, что правительство не должно позволить сибирским земледельцам "подорвать нашу старую сельскохозяйственную культуру" в Европейской России⁸⁵.

Против намеченной Столыпиным и Кривошеиным передачи земли в собственность выступили и депутаты Думы от Сибири, но по другим мотивам. Депутат от Забайкальской области А.А. Войлошников с присущей ему резкостью заявил, что проект о передаче земли в частную собственность, "имеющий целью вбить клин между сибиряками, возник еще до поездки" Столыпина и Кривошеина за Урал (и это было правдой!), во время кото-

рой "с быстротою молнии эти два высокопоставленных гастролера облетели далекую Сибирь"⁸⁶. Еще один сибиряк, депутат от Тобольской губернии В.И. Дзюбинский, обращаясь "к тем членам Думы, которые видят панацею от всех бед... в создании частной собственности на землю в Сибири", предложил "опросить само население, желает ли оно этого"⁸⁷. Таким образом, идея всенародного референдума по такому "судьбоносному" вопросу, как провозглашение частной собственности на землю, родилась не сегодня.

Сибирских депутатов можно понять — они опасались и спекуляции землей, и обезземеливания старожилов. Но главное, что заставляло их протестовать против законопроекта, — убеждение в том, что правительство, воспользовавшись частной собственностью на землю, возобновит свои попытки создать в крае помещичье хозяйство. Тобольский агроном Н.Л. Скалозубов подчеркивал, что свободная купля-продажа земли в восточных районах неминуемо приведет к ее концентрации в руках "постороннего", в том числе помещичьего элемента. Население Сибири имело перед глазами нежелательный опыт Европейской России, где конфликт между крестьянами и помещиками породил сильнейшее социальное напряжение и выплеснулся в революцию 1905—1907 гг. Либеральный ученый А.А. Кауфман писал, что в Сибири пока нет столкновения между "трудовым" и "частным рентным" землевладением, но если правительство введет в крае институт частной земельной собственности, такое противоборство неизбежно возникнет⁸⁸. Кстати, Кауфман вообще считал, что в Сибири главным был не земельный, а "культурно-хозяйственный" вопрос. Чтобы его разрешить, правительство должно было увеличить ассигнования на сибирское сельское хозяйство, а не заниматься экспериментами с формами земельной собственности.

Некоторые ученые-экономисты, например профессор Московского университета И.Х. Озеров, а также сибиряки — члены Думы упрекали Столыпина в том, что он выступал за формирование в Сибири рынка капиталов и рабочей силы и развитие в крае интенсивного капиталистического хозяйства. Эти люди, напротив, делали ставку на трудовое, "нерентное" (некапиталистическое) хозяйство. Глава правительства подчеркивал, что передача земли в частную собственность сделает положение крестьянского хозяйства более устойчивым. Его оппоненты, напротив, видели в такой мере залог будущих экономических и социальных конфликтов. Они полагали, что

предотвратить эти потрясения можно только остановив разложение сельскохозяйственного населения Сибири.

Однако, напомним, что само правительство оказалось непоследовательным в проведении "капитализации" сибирской деревни. На пути свободной мобилизации земель были поставлены определенные ограничения. При этом власть беспокоилась не о судьбе "трудового" крестьянского хозяйства, а о собственных интересах. Любопытно читать документы, связанные с обсуждением этой проблемы в различных ведомствах. Вначале много говорится о целесообразности данного шага, потом появляются сомнения. Можно ли давать крестьянам право на разработку недр? Нет, разрабатывать недра может только государство. А разве правильно отдавать в собственность землю рядом с государственной границей? Нельзя — по меньшей мере на расстоянии 100, а лучше 200 верст она должна остаться у государства. А если на отводимой крестьянам земле растет лес, он, что же, будет собственностью крестьян? Не годится — крестьяне его тут же вырубят, собственником леса должно быть государство. Наконец, как можно вот так сразу взять и предоставить нашим необразованным крестьянам право полного распоряжения землей? Когда-нибудь это и станет возможно, но не теперь.

Наверное, в таких сомнениях был свой резон, но все же как сильны оказались патерналистские убеждения у людей, представлявших правящую верхушку! И как распространен был стереотип, согласно которому верховным распорядителем земли должно оставаться государство! Администрации казалась невозможной сама мысль о том, что в ее распоряжении не останется рычагов для постоянного вмешательства в экономическую жизнь. Так было в центре страны, так было и в Сибири. Подобным настроениям не был чужд и сам Петр Аркадьевич Столыпин. Об этом, в частности, свидетельствует следующий пассаж из переписки премьер-министра с Кривошеиным. Столыпин пишет, что в Сибири необходимы свободная мобилизация земли, рынок свободных капиталов и свободной рабочей силы. А поскольку в них заинтересовано государство, постольку и следить за всей этой "свободой" должны... крестьянские начальники⁸⁹. Ну совсем "регулируемый" крестьянскими начальниками рынок!

Обеспокоенное медленными темпами освоения окраин правительство выступило в 1911 г. с еще одним законопроектом — "О привлечении частной предприимчивости к разработке впусе лежащих земель в малозасе-

ленных местностях". Прежде всего имелось в виду развитие различных отраслей сельского хозяйства в Сибири, Средней Азии и на Европейском Севере. Однако нельзя сказать, что правительство открыло все каналы к проникновению частных капиталов в сельское хозяйство Сибири. Постоянное сокращение фонда пригодных для колонизации земель, боязнь потерять свою долю заставляли царизм сдерживать аппетиты частных компаний. Что касается иностранных капиталов, то на их пути вставала влиятельная группировка в местной администрации и правительстве, считавшая, что Сибирь "предназначена" исключительно для русских переселенцев.

В целях ускорения освоения края и развития частного предпринимательского хозяйства А.В. Кривошеин утвердил "Условия сдачи в аренду участков казенной земли в Сибири, степных областях и Туркестанском крае для коневодства и скотоводческого хозяйства". Участки сдавались в аренду без торгов на срок до 36 лет лицам всех сословий, за исключением сибирских аборигенов и "лиц нехристианского происхождения". Решение принималось под давлением съезда овцеводов южных районов Европейской России, на котором много говорилось о кризисном состоянии этой отрасли сельского хозяйства в традиционных местах разведения ценных пород овец и необходимости "перемещения овцеводства в широких размерах из Европейской России в Сибирь"⁹⁰. Одним из результатов "перемещения" стало образование московской фирмой Алексева — Четверикова крупного хозяйства тонкорунного овцеводства на землях, отведенных в Енисейской губернии. Затем земельное ведомство приступило к образованию в Сибири участков для разведения крупного рогатого скота и лошадей.

При отводе земли для частных животноводческих хозяйств администрация до крайности регламентировала дело. Арендатор обязывался через пять лет довести число голов скота на участке до "полного, определенного к обязательному содержанию". Губернские власти определяли размер земельной площади, которая могла быть распахана без ущерба для содержания скота или лошадей. В том случае, если арендатор производил распашку сверх нормы, с него взыскивалось за каждую "неустановленную" десятину 25 руб. штрафа⁹¹.

На поощрение предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве Сибири было направлено еще одно решение правительства: ликвидация "сложных формальностей" и сословных ограничений в законе от 8 июня 1901 г.⁹² Теперь право приобретения земли на

льготных условиях предоставлялось не только дворянам, но и купцам, мешанам, крестьянам. Сам же закон о создании в Сибири крупного помещичьего хозяйства продолжал действовать. Таким образом, у думских депутатов-сибиряков были основания опасаться дальнейших действий властей в этом направлении. Между прочим, отвечая сибирским депутатам, Г.В. Глинка утверждал, что правительство вовсе не стремится к установлению в Сибири помещичьего землевладения, которое создается "само собой". Непонятно, на чью наивность рассчитывал начальник Переселенческого управления? Члены Думы не могли не знать о многочисленных попытках правительства насадить за Уралом дворянское хозяйство.

Итак, перспективы социально-экономического развития Сибири в значительной степени зависели от того места, которое было уготовано краю экономической политикой царизма. В начале XX в., по признанию правительства, для Сибири приобрела особую остроту проблема вывоза ("выхода") хлеба. Ограниченность возможностей вывоза приводила к тому, что в Сибири падали цены на хлеб. В свою очередь, низкий уровень цен не позволял земледельцу возместить затраты своего труда. Сибирь не была связана железной дорогой со Средней Азией, поэтому вывоз хлеба в больших количествах в южном направлении становился невозможным. Ненадежным было и восточное направление. В свое время, в интересах освоения Дальнего Востока, российское правительство согласилось на беспощинный ввоз туда зерна из Маньчжурии. Хлебная торговля Сибири с Приамурским генерал-губернаторством и Забайкальской областью тормозилась высокими тарифными ставками. Оставалось западное направление. Но преградой на пути вывоза сибирского зерна на запад оставался уже упоминавшийся нами челябинский тарифный перелом.

Дальнейшее развитие Сибири, особенно западной ее части, которая являлась настоящей "страной зерна", требовало ликвидации челябинского тарифного перелома. Историки отмечают, что пагубное влияние перелома не только на состояние зернового производства, но и на все сельское хозяйство Сибири в начале XX в. было уже очевидно⁹³. Капитализм требовал свободного передвижения грузов, и челябинский тарифный перелом тормозил развитие народного хозяйства всей страны, суживая рынок производства и потребления⁹⁴. Участились выступления против "челябинской формулы" в печати и пуб-

лицистике. Сибирские ученые Г.Н. Потанин и М.И. Боголепов оценили торговые отношения Сибири с Европейской Россией как "не отличающиеся равноправием" и писали, что после Челябинска "естественным путем" для сибирского хлеба был бы путь к портам Балтийского и Черного морей, но челябинский перелом толкает его через Пермь в Архангельск⁹⁵. С трибуны Думы профессор Томского технологического института кадет Н.В. Некрасов пугал "народное представительство" кризисом перепроизводства в Сибири⁹⁶.

Однако правительство и переселенческая комиссия III Думы лавировали, пытаясь найти компромиссные варианты, которые и увеличили бы вывоз хлеба из Сибири, и избавили бы помещичьи хозяйства Центра от конкуренции. Был предложен план, предусматривавший строительство канала, соединявшего бассейн Волги с Доном, и шлюзование последнего (будущий Волго-Донской канал). По мнению авторов проекта, канал дал бы возможность сибирскому хлебу выйти к портам Черного моря через южные территории, минуя основные сельскохозяйственные районы Европейской России⁹⁷.

Осуществление такого грандиозного проекта могло быть делом только отдаленного будущего. Проблему не надо было решать скорее. Это хорошо понимали Столыпин и Кривошеин. Они настояли на отмене перелома. При этом министры снабдили заключение об отмене перелома комментариями, призванными успокоить помещиков. Они указали на слабое развитие дорожной сети в Сибири, ввиду чего сибирский хлеб должен был поступать в Центр небольшими партиями, и на возрастающую потребность в хлебе на мировом рынке⁹⁸. Эти обстоятельства, решили Столыпин и Кривошеин, должны "примирить интересы Сибири и Европейской России". Впрочем, Кривошеин подчеркивал и другое: нельзя задерживать развитие сибирской торговли, даже если бы она стала угрожать конкуренцией сельскохозяйственному производству в центре страны. Очевидно, позиция Кривошеина отражала потребности более интенсивного развития рыночной экономики в стране.

Решение о постепенной отмене челябинского тарифного перелома было принято на заседаниях Тарифного комитета 25 февраля и 4 апреля 1911 г.⁹⁹ С 1 августа 1911 г. надбавка к нормальному тарифу была уменьшена на 40 %, с 1 августа 1912 г. — еще на 30 %, и в 1913 г. перелом был, наконец, отменен.

Следует сказать, что отмена перелома произошла и под давлением части буржуазии Центра, заинтересован-

ной в дальнейшем втягивании сельского хозяйства Сибири в орбиту российского капитализма и стремившейся подчинить себе производство и торговлю сибирским хлебом. Отмены перелома настоятельно требовали биржевые комитеты ряда портовых городов (Новороссийска, Одессы, Николаева, Феодосии, Бердянска, Ростова-на-Дону, Петербурга, Ревеля, Ливавы, Архангельска), Калашниковская хлебная биржа, представители волжского судоходства¹⁰⁰. При этом видимость компромисса для обеих сторон была соблюдена.

Отмена челябинского тарифа привела к значительному увеличению вывоза хлеба из Сибири, что, в свою очередь, послужило мощным стимулом к развитию здесь зернового производства. Но с началом первой мировой войны условия вывоза хлеба резко ухудшились. После закрытия портов Балтийского и Черного морей торговые сообщения России с границей поддерживались морем через Архангельск и Владивосток. Основная масса импортируемых товаров поступала во Владивосток и оттуда через всю Сибирь транспортировалась в Центр. Эти перевозки препятствовали поступлению хлеба из Сибири, делая невозможным нормальный оборот вагонов. Трудности в обеспечении хлебного вывоза из Сибири теперь уже откровенно беспокоили правительство. Но ничего нельзя было сделать — транспорт не мог обеспечить нужных перевозок.

Итак, если на первом этапе аграрной реформы Столыпина хозяйственное освоение края не являлось самостоятельной целью внутривосточного курса царизма, то начиная с 1909 г. правительственные заявления о необходимости ускорить развитие огромного региона перестали носить только пропагандистский характер и перешли, наконец, в область практических дел. П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин, стоявшие у руля аграрной политики в Сибири, наметили и начали проводить целый ряд прогрессивных мер, которые усилили хозяйственный потенциал края.

Мы перечислили эти меры и не будем повторяться. Отметим только, что они означали отход от прямого администрирования и использование экономических рычагов для оживления хозяйственной жизни края. Итог оказался впечатляющим. Уже в 1914 г. Кривошеин с гордостью докладывал Николаю II, что за годы реформы вывоз хлеба и масла по Сибирской железной дороге возрос в несколько раз¹⁰¹.

Правда, край должен был развиваться в рамках навязываемой структуры народного хозяйства, что и не

скрывалось правительством. О Сибири как "стране сырья и вывоза", в которой не следует идти дальше увеличения доходности сельского хозяйства и простейшей переработки сырья, писали Столыпин и Кривошеин¹⁰². Роль земледельческой и сырьевой окраин России была уготована краю на неопределенное время. Уже в ноябре 1915 г. "Известия Главного управления землеустройства и земледелия" квалифицировали Сибирь как провинцию, призванную "снабжать центры нашего экономического и политического могущества сырьем в обмен на продукты обрабатывающей промышленности"¹⁰³.

По нашему мнению, главная причина изменения взгляда правительства Столыпина на роль Сибири коренится в условиях того переходного состояния, в котором находилась Россия. Страна двигалась от традиционного, преимущественно аграрного общества к новому этапу, охарактеризованному западными историками как модернизированное, индустриальное общество, причем период между двумя демократическими революциями (первой российской и Февральской) — это период интенсивного роста экономики¹⁰⁴. Такой переход требовал устойчивого преобладания производства над потреблением в масштабах всей страны. В этих условиях искусственное ограничение сельскохозяйственного потенциала Сибири становилось анахронизмом.

В то же время правительство никак не могло полностью отказаться от прежних подходов к своей политике в Сибири. Прогрессивные преобразования в рамках столыпинской реформы, рассчитанные в определенной мере на оформление в провинции фермерского хозяйства, сочетались с укреплением государственного земельного хозяйства, непрекращавшимися попытками насадить в Сибири помещиков, т.е. с направлениями, сложившимися еще в конце XIX в. Давление старых взглядов и убеждений заставляет усомниться в правоте дореволюционного историка И. Попова, назвавшего столыпинские мероприятия в Сибири настоящей "социальной революцией"¹⁰⁵. Вряд ли они "тянут" на такое определение. И тем не менее выскажем предположение, что в Сибири Столыпин был готов пойти дальше, чем в Центральной России. И это не трудно объяснить: сковывавшее реформы влияние консерваторов ощущалось сильнее тогда, когда речь заходила о преобразованиях в Центре, т.е. там, где правые круги чувствовали себя увереннее.

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

Надеждам П.А. Столыпина на длительное "успокоение" не суждено было сбыться. И дело не только в том, что аграрная реформа не сняла полностью напряжения в деревне. Реформаторский курс премьера очень скоро привел к обострению противоречий между либералами и правящими кругами и особенно внутри самих правящих кругов¹. Политика Столыпина не удовлетворяла политические силы, стоявшие на диаметрально противоположных позициях.

В одном из телевизионных интервью Г. Явлинский высказал парадоксальную мысль: реформ обычно не хотят ни правые, ни левые — первые из-за элемента непредсказуемости, содержащегося в преобразованиях сверху, вторые постольку, поскольку реформы суживают почву для радикального выбора. Вряд ли Явлинский вывел некий универсальный закон, скорее его формула годится для запоздавших реформ. Во всяком случае она весьма точно описывает отношение консервативных и радикальных кругов к столыпинской политике.

Что касается радикалов, то хорошо известна ленинская оценка Столыпина как приказчика российского дворянства, а его внутривластного курса как политики лавирования в интересах самодержавия и помещиков. В.И. Ленин утверждал, что успех аграрной реформы сделает невозможным "иной, более краткий и более быстрый путь капиталистического аграрного развития через крестьянскую революцию"². Вспомним слова Явлинского — реформа, увенчавшись она успехом, выбила бы оружие из рук революционеров.

Столыпиним были недовольны и те силы, которые условно можно отнести к центристским, прежде всего "Союз 17 октября". Мы помним, что в первые годы деятельности III Думы октябристы были единственной партией, на безоговорочную поддержку которой мог рассчитывать Столыпин. Однако постепенно картина стала меняться. Октябристов не устраивало, что премьер слишком часто оглядывается назад, слишком считается с правыми. В речи, произнесенной в Думе в феврале 1910 г., руководитель октябристов А.И. Гучков жаловался, что по вине правительства его партия чувствует себя в стране одиноко. Он отметил, что "Союз 17 октября" поддерживал Столыпина, надеясь на быстрые реформы, а правительство не спешит. Гучков закончил речь словами: "Мы ждем, господа". И это "мы ждем" означало, что терпение буржуазии иссякает.

Для Столыпина складывалась непростая ситуация: если буржуазия была раздражена тем, что он идет слишком медленно, то поместное дворянство выражало недовольство по поводу того, что он вообще идет. При этом и те и другие находились под впечатлением революции 1905—1907 гг. Буржуазия полагала, что реформы необходимы, чтобы не допустить новой пугачевщины; помещики считали, что, поскольку революция закончилась и жизнь вошла в прежнюю колею, реформы пора и свернуть. В создавшейся ситуации судьба политики Столыпина сильнее зависела от позиции дворянства, имевшего гораздо больше возможностей диктовать свои условия.

Отношение правых к Столыпину основательно изучено в книгах ленинградских историков В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева³. Читателей, желающих узнать подробности, можно отослать к этим работам. Мы же скажем о некоторых принципиальных моментах, которые определяют позицию противников Столыпина справа.

Проводя свои реформы с учетом интересов дворянства, Столыпин надеялся найти ему союзников в лице крестьян — новых земельных собственников. Однако председатель Совета министров не просто шел в кильватере помещиков-дворян. Он явно вышел за рамки той программы, которая устраивала "хозяев России". Их бы вполне удовлетворило полицейское успокоение и небольшие уступки крестьянам вроде облегчения выхода из общины и свободы переселений. Столыпин же понимал, что крестьян нельзя держать в прежнем подчинении их прежним владельцам. Им необходимо дать возможность распрямиться, встать вровень с другими собственниками, обрести свободу рук⁴. Премьер-министр создавал условия для экономического усиления крестьянского хозяйства и даже собирался дать крестьянам политические права. С этим не хотели смириться его противники. Вот почему озлобление правых вызвал проект волостного земства, о котором уже упоминалось на страницах этой книги, а также продажа крестьянам части помещичьих земель. Надо иметь в виду, что среди правых выделялись различные группировки: здесь было и высшее чиновничество, и поместное дворянство. Если высшие круги были недовольны прежде всего торговлей помещичьей землей, видя в этом принципиальную угрозу дворянскому землевладению, то поместное дворянство встретило в штыки реформу местного самоуправления, полагая, что она угрожает их безраздельному господству в деревне.

Нельзя сказать, что в своем противостоянии Столыпину реакционеры руководствовались только амбициями. Многие из них лучше премьера чувствовали, что пропасть между дворянами и крестьянами, даже их верушкой, слишком велика, и надежды на "союзничество" беспочвенны. Заигрывание Столыпина с мужиком, думали они, вызовет скорее новую революцию, чем идиллический союз. Марков-второй не без основания уверял Думу, что премьер избрал слишком простой путь для решения вековых проблем, и эта видимая легкость ведет страну к катастрофе.

Причудливое смешение трезвых идей и шкурного расчета представлял собой произнесенный на V съезде Совета объединенного дворянства доклад одного из лидеров правого фронта В.И. Гурко⁵. Последний критиковал Столыпина за политические реформы, очевидно, имея в виду все тот же проект волостного земства. Он говорил: "В стране нищих может водвориться только деспотия, безразлично византийского ли типа... или народоправство худшего пошиба". Свобода и независимость, подчеркивал оратор, это естественное состояние крепко стоящих на ногах, имеющих достаточные средства самостоятельных личностей.

Утверждая это, Гурко не открывал америк. Мы помним, что то же самое и почти теми же словами не раз заявлял сам Столыпин. Настоящие "обличения" начались тогда, когда Гурко заговорил о спешке в отводе хуторов и полицейском нажиме Столыпина на общину, которые дискредитировали саму идею хуторского расселения. Проводимая Столыпиным аграрная политика только подорвала сельское хозяйство, для его преуспевания непременно требуется сочетание трех типов хозяйств — "мелко-трудового, средне-фермерского и крупно-рентного"⁶. (Вот оно — обоснованное сомнение в столыпинском хуторском "монолите"!)

Остановимся на секунду и скажем: мы вполне согласны с приведенными соображениями, однако заметим, что правые были сильны в критике и слабы в конструктивных предложениях. Никакой альтернативной программы действий у них в сущности не было.

Не случайно дальнейшие обвинения, изложенные Гурко, приобрели откровенно демагогический характер. Оратор искусно обыграл неосторожно брошенную Столыпиным фразу — "Мы не можем жалеть пьяных и слабых" — и упрекнул премьера в жестокосердии и сознательной люмпенизации страны. (Можно подумать, что "пьяные и слабые" сколько-нибудь занимали самого

Гурко и его единомышленников!) В конце концов докладчик повел речь о главном, о том, что больше всего беспокоило дворянство. Он обрушился с резкой критикой на деятельность Крестьянского банка, который с ведома и при поощрении Столыпина скупал дворянские земли и продавал их крестьянам. Гурко не мог не знать, что таких покупок было совсем немного. Но для него и его друзей из Совета объединенного дворянства невыносим был сам факт подобных операций. Можно, конечно, попытаться встать на место этих людей и понять их логику. Дворяне и так потеряли массу земель в результате развития в стране товарно-денежных отношений. В годы революции они помогли правительству сохранить самодержавный строй. И вот теперь, когда с революцией покончено, это же правительство "разоряет" поместное дворянство. Гурко говорил о хорошо поставленных капиталистических хозяйствах, которые якобы терпели урон в связи со столыпинской реформой, и был не прав — банк скупал земли у разорявшихся дворян. К тому же "хорошо поставленных" помещичьих хозяйств было мало. Современные историки свидетельствуют: большинство помещиков привычно растрачивало имевшиеся средства на непроизводительные надобности⁷. Все это делало аргументацию Гурко весьма зыбкой.

На правом фланге крепла идея отката, реставрации. Реакционеры требовали роспуска Думы и отставки "революционера" Столыпина. Даже самое незначительное усилие премьер-министра воспринималось правыми как прыжок в неизвестность. Это им, а не Столыпину должен был адресовать свои претензии Гучков по поводу неоправдавшихся надежд буржуазии. В то же время в буржуазном "центре" прекрасно понимали что к чему. Один из номеров московской газеты "Утро России", издававшейся известным промышленником П.П. Рябушинским, поместил карикатуру, изображавшую несчастного крестьянина, на шее которого сидели двое — буржуа и помещик. Подпись под карикатурой — "Не пора ли одному из них слезть?" — не оставляла сомнений, кто, по мнению буржуазной газеты, был лишним в стране.

Да, критика Столыпина справа порой поражает своей точностью. Но не будем забывать о мотивах сопротивления реакционной части дворянства столыпинскому курсу. Можно только удивляться твердолобости "хозяев страны", которые не хотели поступаться "устоями", не желали отказываться ни от одной своей привилегии, не понимая, что вопрос о преобразованиях — это

вопрос жизни и смерти России. Конечно, в случае успеха аграрной реформы поместному дворянству пришлось бы считаться с уверенным в себе, сидящим на своей земле крестьянином, который получил бы к тому же и политические права. Такая перспектива казалась невыносимой для людей, веками привыкших считать, что государство — это они. Семена озлобленности, которые сеяли Гурко, Марков-второй, Пуришкевич, приносили свои плоды. И вот уже разные группировки замыкались в себе, никто никого не хотел слышать, все были уверены в собственной правоте, и всякое движение навстречу друг другу становилось невозможным.

В современной публицистике можно встретить утверждение, что Столыпин был руководителем демократического склада. А В.В. Казарезов противопоставил Петра Аркадьевича нынешним "вождям", закосневшим в сознании своей значительности⁸. Однако Столыпин демократом не был. Как и все предыдущие и последующие наши реформаторы, он верил во всемогущество государственного аппарата и только с ним, а вовсе не с "общественностью" или тем более "низами", связывал надежды на успех реформ.

Ответом крестьянства было недоверие правительству. Вот как отражало это недоверие думское выступление крестьянина Астраханской губернии Фирсова: "Нас спрашивают: вы хотите, кажется, образования? Мы говорим, да. Так вот к вашим услугам церковно-приходские школы. Мы этих доброжелателей хотели бы спросить: воспитываете ли вы своих детей в этих школах?... Нас спрашивают: у вас, кажется, мало земли? Мы говорим: да. Так вот к вашим услугам закон 14 июня; он имеет такую магическую силу, что увеличивает земельную площадь во сколько угодно. Мы этому не верим... Нас спрашивают: вы, кажется, хотите воспитания? Мы говорим: да. Так что же, вот испытанное средство воспитания — розги; это нашими прадедами испытано, и действие оказалось очень хорошее; вы не хотите розги? — вдруг спрашивают нас. Да, тут уж мы не скажем, что желаем. Тогда нам говорят: мы вам введем нагайки, вот будет пересматриваться закон о полиции"⁹.

Но вернемся к борьбе реакционеров против Столыпина и его политики. Почувствовав охлаждение Николая II к своему недавнему любимцу, правые круги в дворцовой камарилье развернули настоящую кампанию с целью дискредитации премьер-министра в глазах царя и царицы. Трудно сказать, кто именно участвовал в этой кампании — действия шепотом не оставляли сле-

дов. Зная о ревнивом отношении царя к власти, эти люди внушали ему, что Столыпин будто бы решил стать диктатором и даже провозгласить себя императором Петром IV. Между прочим, в свое время подобная кампания была развернута и против Витте — тот якобы намерен, ни больше ни меньше, свергнуть Николая, провозгласить Россию... республикой и назначить себя ее первым президентом. Шульгин пересказал историю, правда, без большого к ней доверия, об обедах "не по чину", которые будто бы устраивала Ольга Борисовна, жена Столыпина¹⁰. Присутствовавшие на них офицеры не снимали шапок, что допускалось только за царским столом. Об этом — продолжал Шульгин — донесли царице, которая тут же рассказала все Николаю II, добавив: "Ну что же, было две императрицы, теперь будет три..."

Итак, в этой травле каждый вел свою роль: Гурко подводил под все теоретическую базу, Марков-второй настраивал против премьера Государственную думу, придворные нашептывали царю и царице, а Пуришкевич... написал злое стихотворное "посвящение Столыпину". Поскольку это стихотворение мы не встречали в опубликованном виде, позволим себе привести его полностью¹¹.

За речь лихую в дни былые
В России рвали языки
И гнули непреклонным выи
Нажимом Бирона руки,
А в наши дни гражданской сечи,
Пяти свобод и диких смут
За верноподданные речи
Нам преподнес Столыпин кнут.
Но, верю я, интриги тонкой
Разрежет нить наш мудрый Царь,
И голос мощный, голос звонкий
Нас призовет служить, как встарь.
Страницы прошлого порукой
И говорят всечасно нам:
Царям угоден Долгорукой*
И тошен обнаглевший хам.

Судя по этому сочинению Пу, ишкевич был начисто лишен поэтического таланта. Но сколько оголтелой агрессивности было в этом человеке!

Поведение наступавших правых сил становилось все более разнузданным. Один из современников назвал их приемы "низостью, громко и нахально хрюкающей ни-

* Так в тексте.

зостью"¹². Конечно, не одно это наступление поставило Столыпина в положение политической изоляции, но и оно — тоже.

На какие же силы мог рассчитывать Столыпин в конце своей жизни? Приходится признать, что таких сил в России не было. Реформы оказались чрезмерными для одних и недостаточными для других. Постепенно складывавшееся отношение к ним дворянства, буржуазии, крестьянства, крайних левых партий было, по разным причинам, отрицательным. Наконец, и сам Николай II начинал тяготиться премьером, считая, что он узурпировал власть.

Мы уверены, что нет оснований пересматривать мнение, высказанное еще в то время и подтвержденное в обстоятельных работах историков, что к концу своей жизни Столыпин оказался в роли политического мертвеца.

Россия отторгла Столыпина. Соотечественники премьер-министра не поняли и не оценили его усилий. На это можно сетовать, но нельзя не признать: другого не было дано — каждый преобразователь имеет дело с конкретной страной и конкретным народом.

Порой думаешь, как естественно столыпинская политика увенчала бы преобразования Александра II! Вслед за отменой крепостного права последовали бы меры по созданию сильного, экономически свободного крестьянского хозяйства, вслед за организацией местного самоуправления был бы создан центральный представительный орган. Такие меры и последовали — Государственная дума была создана, но все это спустя 35—40 лет. Между реформами 60-х гг. и преобразованиями Столыпина лежали десятилетия политической неподвижности. Конечно, сразу после освобождения крестьян нельзя было перейти к хуторам и отрубам. Но можно было облегчить передвижку земель внутри общины с тем, чтобы крестьяне свели их в один клин. Вместо этого правительство приняло реакционный закон о неотчуждаемости наделной земли.

Очень коротко расскажем о тех событиях, которые предшествовали смерти премьер-министра. В марте 1911 г. Государственный совет сорвал принятие столыпинского законопроекта о введении земства в шести западных губерниях. Раздосадованный председатель Совета министров подал в отставку. Она была принята. Но вскоре Николай II передумал и вернул Столыпина. Решающую роль в возвращении Петра Аркадьевича сыграло вмешательство матери царя, вдовствующей императ-

рицы Марии Федоровны, которая полагала, что без твердой руки Столыпина ее сыну будет хуже¹³.

Петр Аркадьевич поставил условием своего возвращения на пост главы правительства уход в отставку двух реакционеров — членов Государственного совета П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова. Видимо, ему изменило чутье — это требование еще более озлобило правых. По их настоянию обер-прокурором Синода был назначен противник столыпинского курса В.К. Саблер. Опять начали говорить о скорой отставке больного стенокардией Столыпина.

По словам министра финансов В.Н. Коковцова, Столыпин в последние месяцы жизни стал "неузнаваем". "Что-то в нем оборвалось, былая уверенность в себе куда-то ушла, и сам он, видимо, чувствовал, что все кругом него, молчаливо или открыто, но настроены враждебно"¹⁴. Петр Аркадьевич признавался своему брату Александру: "Не знаю, могу ли я долго прожить"¹⁵. Столыпин испросил у Николая отпуск и лето 1911 г. провел к Колноберже. 28 августа он приехал в Киев, где проходили торжества по случаю открытия памятника Александру II (отмечалось 50-летие его крестьянской реформы).

В Киев прибыли Николай II, министры, начальство Юго-Западного края, высшие офицеры. Коковцов застал Столыпина в мрачном настроении. При составлении программы торжеств премьер настолько игнорировал, что даже не предоставил ему экипажа. Потом городские власти нашли главе правительства транспорт, и Столыпин предложил Коковцову совершать поездки вместе, в одном экипаже, мотивируя это тем, что на него, Столыпина, готовится покушение. Коковцов удивился, но просьбу Петра Аркадьевича выполнил.

Слухи о готовящемся покушении на Столыпина действительно ползли по городу. Собственно, после взрыва на Аптекарском острове попытки убить премьер не прекратились. Рассказывали о некоем летчике Мациевиче, который по заданию эсеровской партии должен был во время воздушной прогулки Столыпина разбить аэроплан вместе с собой и пассажиром. Но Мациевич не решился. Рассказывали и о том, что незадолго до гибели Петр Аркадьевич сказал: "Меня убьют и сделают это агенты охраны".

В Киеве о покушении говорили так много, что председатель медицинского совета Министерства внутренних дел академик Г.Е. Рейн посоветовал Петру Аркадьевичу носить под одеждой легкий панцирь. Такие панцири

ношли тогда в моду среди правящей элиты. На это Столыпин ответил так: "Пулю можно предупредить, а от бомбы никакой панцирь не спасет"¹⁶. В воспоминаниях Шульгина запечатлен рассказ очевидца о предсказании Распутиным судьбы премьера: «Вот, значит, коляска государя ехала... Государыня Григория Ефимовича узнала, кивнула ему, а он ее перекрестил... А второй экипаж — Петр Аркадьевич Столыпин ехал... Так он, Григорий Ефимович, вдруг затрясся весь... "Смерть за ним!... Смерть за ним едет! За Петром... за ним!"¹⁷.

Сохранилось немало свидетельств, по которым можно во всех подробностях восстановить картину трагического события, случившегося в киевском городском театре 1 сентября 1911 г. В этот день там шла опера "Сказка о царе Салтане" Н.А. Римского-Корсакова. Спектакль завершал киевские торжества. У Столыпина было место в первом ряду, недалеко от генерал-губернаторской ложи, в которой находились царь и две его дочери — Ольга и Татьяна. Позади кресла премьера, в третьем ряду, должен был сидеть его личный телохранитель генерал Есаулов.

В зал могли попасть только избранные — число мест было ограничено, и городские власти отказали в билетах ряду видных чиновников и генералов. Много мест занимали усиливавшие охрану жандармские и полицейские офицеры. Одним словом, парадное представление — парадная публика. В восемнадцатом ряду сидел человек, замысливший убийство председателя Совета министров. Его звали Дмитрием Григорьевичем Богровым. Каким образом киевский мещанин Богров смог попасть в зал, где ему никак не положено было находиться, — это особый рассказ.

Постановка была превосходной, но, казалось, что Столыпина мало интересовал спектакль. По незначительным жестам, хмурому взгляду можно было догадываться о его тревожном состоянии. Во время первого акта Столыпин раза два взглянул на поглощенного действием царя. После второго акта был большой перерыв, Николай ушел в фойе. Столыпин встал, повернулся лицом к публике и оперся на барьер оркестровой ямы. Завязался недолгий разговор между ним, военным министром В.А. Сухомлиновым и министром двора бароном В.Б. Фредериксом. Затем к премьеру подошел проститься возвращавшийся в Петербург В.Н. Коковцов. Столыпин попросил Владимира Николаевича взять его с собой: "Мне здесь очень тяжело ничего не делать"¹⁸. Известно, что ответил Коковцов, но они расстались. Ка-

кое-то время Столыпин стоял в одиночестве. Киевский губернатор А.Ф. Гирс видел, что к премьеру приблизился высокий молодой человек во фраке. На линии второго ряда, не дойдя двух-трех шагов до Столыпина, он внезапно остановился. В его протянутой руке блеснул револьвер, и Гирс услышал два коротких сухих выстрела, последовавших один за другим¹⁹.

По залу разнесся слух, что стреляли в царя. Затем все взоры устремились на Столыпина. Гирс рассказывает: «П[етр] А[ркадьевич] как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук (на Столыпине был форменный белый китель. — И.О.), который с правой стороны, под грудной клеткой, уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: "Все кончено!" Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: "Счастлив умереть за царя". (По другим рассказам, этих слов Столыпин не говорил. — И.О.) Увидя государя, вошедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руки и стал делать знаки, чтобы государь отошел. Но государь не двигался... и Петр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом»²⁰.

Одни свидетели вспоминали, что Богров "бросился назад, руками расчищая себе путь"; другие утверждали, что он не спеша направился к выходу, ни разу не ускорив шагов. И только когда он уже был у дверей, ведущих из зала, оцепенение прошло, на него набросились и начали бить кулаками, шашками и шпагами. Сверху, из лож, кричали: "Убить его! Убить!" Кричали женщины, кричали истерически, жестикулируя руками. В памяти журналиста А.С. Панкратова остались две дамы, которые с испуганными лицами требовали немедленной расправы²¹. От самосуда Богрова спас начальник дворцовой охраны, полковник А.И. Спиридович. Он вынул шашку, объявил об аресте преступника и заставил всех отойти. После этого окровавленного и помятого Богрова уже под охраной вывели из зала и определили в одну из театральных комнат. Там у него первым делом спросили, как он смог пройти в здание театра. В ответ Богров вынул из жилетного кармана билет, в котором значился номер кресла в восемнадцатом ряду. Полицейские взглянули на план зрительного зала и с удивлением обнаружили, что отведенное Богрову место

было забронировано самим командиром отдельного корпуса жандармов, помощником министра внутренних дел П.Г. Курловым для "чинов охраны".

В тот момент, когда у выхода из зала началась свалка, кто-то предложил исполнить гимн "Боже, царя храни". Нашлись деликатные люди, которые указали на двусмысленность этого предложения. В самом деле, с какой стати требовать исполнения царского гимна, когда царь невредим, а тяжело ранен другой человек? Публика все-таки настояла на исполнении гимна. Под звуки торжественной музыки люди, счастливые от мысли, что император уцелел, взирали на Николая II. Тот стоял наверху, в ложе, и одаривал их благосклонным взглядом. А в это время в кресле первого ряда истекал кровью совершенно лишний в этой сцене Петр Аркадьевич Столыпин. Обессиленного, близкого к обмороку премьера на руках вынесли в вестибюль, уложили в карету скорой помощи и отвезли в частную клинику доктора Маковского.

Одна из пуль, выпущенных Богровым, прострелила Петру Аркадьевичу кисть правой руки, улетела к оркестрантам и ранила в ногу скрипача Берглера. Другая пробила прикрепленный к кителю Столыпина орден святого Владимира и угодила в печень.

Ход болезни Столыпина зафиксирован наблюдавшим за ним академиком Рейном²². Утром 2 сентября состояние председателя Совета министров улучшилось. У больного появился аппетит. Однако на следующий день воспалилась брюшина и началось общее заражение организма. У постели Столыпина неотлучно находился его заместитель Коковцов, так и не уехавший в Петербург и принявший на себя обязанности главы правительства. Столыпина и Коковцова не связывала большая дружба, но Владимир Николаевич, несомненно, уважал своего шефа.

Вообще в эти дни Коковцов проявил себя порядочным человеком. Богров был евреем, и сразу после его выстрелов по городу разнесся слух о готовящемся еврейском погроме. Коковцов распорядился вернуть в Киев три готовившихся к смотру казачьих полка с тем, чтобы обеспечить порядок в городе. Владимиру Николаевичу явно не хотелось, чтобы эти и так тяжелые для Столыпина дни были омрачены еще и массовыми избиениями. Правые не любили "либерала" Коковцова, и спустя несколько дней одна из газет не преминула съязвить: "Конечно, Владимир Николаевич поступил правильно, приняв меры для предотвращения погрома. Но не каждому

русскому человеку пришло бы в голову озаботиться судьбой евреев в тот час, когда евреем был ранен глава русского правительства”.

А торжества между тем продолжались. Утром 2 сентября Николай II уехал в город Овруч Волынской губернии на восстановление древнего собора святого Василия. Конечно, приезд царя был запланирован заранее, но от поездки можно было отказаться. На молебствие о выздоровлении Столыпина, отслуженное в Киеве во Владимирском соборе, “никто из царской семьи не приехал и даже из ближайшей свиты государя никто не явился”²³. Царь однажды побывал в клинике, но к Столыпину не прошел, а своей матери написал, что Ольга Борисовна его не пустила²⁴.

4 сентября состояние Столыпина еще более ухудшилось. Брат Петра Аркадьевича, А.А. Столыпин, рассказывал о последних часах жизни премьер-министра: «Он не верил никаким уверениям врачей. Они успокаивали его, говорили, что недели через две он встанет, а он не верил и говорил: “Нет, я чувствую, что умираю”. Самообладание он сохранил удивительное. Только во сне прорывались стоны, все же остальное время он молчал, терпеливо перенося муки»²⁵.

В конце четвертых суток после ранения, вечером 5 сентября, Петр Аркадьевич Столыпин скончался. В ходе медицинского вскрытия, произведенного профессором судебной медицины Н.А. Оболонским, было установлено, что печень раздроблена несколькими глубокими трещинами, радиально расходящимися во все стороны от пулевого канала. Извлеченная пуля имела два перекрещивавшихся надреза и действовала как разрывная. Разрывному действию пули способствовали и занесенные ею в рану частички простреленного ордена.

Когда вскрыли завещание Столыпина, написанное задолго до покушения Богрова, оказалось, что в самом его начале было сказано: “Я хочу быть погребенным там, где меня убьют”. Что за сумасшедшая страна, в которой глава правительства должен все время пребывать в ожидании насильственной смерти!

Столыпин был похоронен 9 сентября в Киево-Печерской лавре. Его могила находилась рядом с могилой Кочубея. В сентябре 1912 г. на Крещатике был открыт памятник Столыпину. Памятник разрушили в дни Февральской революции. После Октября родственники и друзья Богрова хлопотали об установке на его месте памятника убитому Столыпину. Но власти им отказали, опасаясь антисемитских волнений в городе. В 1923 г. на

этом месте был установлен памятник Карлу Марксу, разрушенный, в свою очередь, в годы Великой Отечественной войны.

Об убийце Столыпина Дмитрие Богрове существует довольно обширная литература. Мы составили рассказ об этом человеке на основе свидетельств людей, его знавших. Среди них его родственники и приятели, революционеры-подпольщики и сотрудники полиции. Используются также материалы следствия по делу Богрова.

Д.Г. Богров родился 29 января 1887 г. При рождении он получил имя Мордко, но потом взял себе “ассимиляционное” имя Дмитрий, хотя и не был крещен в православие. Отец Богрова, Григорий Григорьевич, был присяжным поверенным и домовладельцем, считался видным и уважаемым членом киевского общества, состоял в Дворянском клубе. О нем отзывались как о хорошем юристе и доброжелательном человеке. Имущество отца оценивалось в полмиллиона рублей. Члены семьи Д. Богрова были далеки от ортодоксального еврейства, а это означало, что они не избегали участия в общественной и политической жизни страны. Уже его дед был хорошо знаком с русской литературой, сам печатался у Н.А. Некрасова. По политическим убеждениям отец Д. Богрова примыкал к левому крылу кадетской партии, хотя официально в нее записан не был.

Умеренными были политические взгляды старшего брата Дмитрия Богрова — Владимира. В. Богров оставил любопытный рассказ о спорах, которые происходили между ним и отцом, с одной стороны, и Дмитрием, с другой: «Отец и я выступали обыкновенно в защиту эволюционного развития, брат же требовал не только революционного изменения существующего строя, но полного уничтожения существующего государственного порядка. Так как мы были вооружены большим запасом знаний, фактических и логических доказательств, то и оказывались обыкновенно... победителями в споре. И в этот момент, когда брат вынужден был признать себя “логически” побежденным, у него на глазах наворачивались слезы отчаяния и было ясно, что перед нами фанатик, которого нельзя “переубедить”, так как его верования глубже его логики. Его можно было только опорочить и озлобить непониманием»²⁶.

Д. Богров получил прекрасное образование. Наряду с посещением гимназии он изучал иностранные языки, занимался самообразованием, составил обширную библиотеку по общественным наукам. В июне 1905 г. он

поступил на юридический факультет Киевского университета, затем продолжил образование в Мюнхенском университете. Это был, несомненно, одаренный человек. Он успевал везде — выучил в совершенстве английский, французский, немецкий языки; перечитал массу "социалистической" литературы; примкнул к революционерам. Увлечение его "политикой" легко объяснимо. Кто из молодых интеллигентов тогда не погружался в нее? Политические воззрения Богрова определились уже в гимназии. Он симпатизировал эсерам и оказывал им разные услуги, затем перешел к максималистам и, наконец, оказался среди анархистов.

Богров стремился придать действиям киевских анархистов хоть какую-то "идейность". Его бесили бесконечные "экспроприации", когда изъятые у трамвайных пассажиров два с половиной рубля тут же тратились на извозчика, с бешеной скоростью увозившего "экспроприаторов"²⁷. Начитавшийся "теоретической" литературы, Богров обращал внимание своих товарищей на необходимость поддержки рабочего забастовочного движения, распространения революционных изданий, создания сильных конспиративных кружков.

Рассказы о Дмитрие Богрове поразительно противоречивы. Автор пространной статьи об убийце Столыпина Б.И. Струмилло нарисовал образ "прожигателя жизни", проводившего время в "кафе-шантанах" и проигрывавшего в карты огромные деньги²⁸. Владимир Богров протестовал против несправедливых, как он считал, утверждений Струмилло. Он писал, что его брат был достаточно сдержан, любил карты как игру, как азартный спорт, но ни разу не позволил себе из-за карт забыть о каких-то обязанностях или попасть в денежные затруднения.

Опубликованные в Берлине в 30-е годы воспоминания В. Богрова написаны с большой симпатией к Дмитрию. Но и Владимир говорил о нем как об избалованном юноше, который "пользовался в родительском доме преимуществами человека, которому открыты все пути и возможности, не знающего отказа ни в одном сколько-нибудь разумном желании"²⁹.

Одни утверждали: Богров — весельчак, он искрится остроумием. Другим Богров казался человеком, никогда не знавшим радостей жизни. "В его душе была осень, мгла... В нем жило что-то трезвенное, деляческое, запялено-будничное", — говорил о Богрове анархист И.С. Гроссман³⁰. Видимо, Богров усердно поддерживал мнение о себе как о "хохмаче", "веселом малом", хотя

в его иронии часто сквозило неуважение и даже презрение к товарищам. Но вот слова из его письма одному из друзей: "Нет никакого интереса к жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мне предстоит скушать в жизни... Тоскливо, скучно, а главное одиноко"³¹. Чтобы рассеять скуку, Богров уезжал за границу — проводил зиму в Ницце, играл в карты в Монте-Карло.

Знавшая Богрова с гимназических лет будущая детская писательница Б.М. Прилежасва говорила, что этот человек лишен всякой рисовки, он правдив и искренен. По другим свидетельствам, Богров всю жизнь носил маску, лгал и в этом был талантлив. Он сумел произвести впечатление даже на допрашивавшего его жандармского подполковника Иванова (Б.И. Струмилло почему-то произвел его в генералы), который говорил о нем: "Это один из замечательных людей, которых я встречал. Это удивительный человек..."³² Характеристика Богрова как искреннего человека не вяжется с той двойной жизнью, которую он вел в течение нескольких лет, находясь в близких связях с революционерами и одновременно работая на охранку.

Но все описание Богрова совпадают в одном: этот человек не выносил будничной, однообразной деятельности. Многие в его жизни напоминали игру. Он сам выбирал "вид спорта" (карты, подполье, работа на охранку) и до какого-то момента играл фанатически, самозабвенно. Потом все его утомляло, и ему нужны были новые острые ощущения. Быстро надоела Богрову и политическая борьба. Всем, кто интересовался причиной отречения Богрова от "политики", он отвечал, что она его перестала интересовать. Б.М. Прилежасва заметила, что Богров "превратил свою жизнь в азартную игру, и в этой игре последней ставкой была его собственная жизнь"³³. Если бы только собственная!

Д. Богров был наделен тонким умом, обладал большой выдержкой. Он достойно вел себя на допросах. И все же П.Н. Зырянов называет Богрова "личностью малопривлекательной"³⁴. Это был человек, как бы замкнутый на самом себе. Собственные переживания и ощущения занимали слишком большое место в его жизни.

Что же привело Д. Богрова в охранку? Едва ли мы когда-нибудь будем знать точный ответ на этот вопрос. Во всяком случае опубликованные следственные материалы его не содержат. Б.И. Струмилло использовал рассказ уже известного нам "охотника за провокаторами" В.Л. Бурцева об аресте Богрова в середине 1908 г. и дополнил его своей версией причин, по которым тот

начал сотрудничать с охранкой. По мнению Струмилло, Богров согласился на сотрудничество, чтобы избежать грозившей ему многолетней каторги. Его привлекало и вознаграждение в 100—150 руб., которые он получал ежемесячно в киевском охранном отделении. Одним словом, каким бы таинственным и интересным человеком ни хотелось казаться Богрову, он был самым заурядным провокатором, чья верность полиции покупалась деньгами и угрозой наказания.

Владимир Богров отрицал выводы Струмилло. Он доказывал, что его брат решил "использовать охранное отделение для достижения своих революционных целей и, в частности, для совершения террористического акта, задуманного еще в 1907 г."³⁵ Однако другие источники свидетельствуют, что идея покушения родилась только в начале 1911 г., когда среди анархистов начали распространяться упорные слухи об измене Д. Богрова.

Объяснение самого Дмитрия Богрова носило промежуточный характер. На допросах он утверждал, что явился к начальнику киевского охранного отделения полковнику Н.Н. Кулябко добровольно, ибо уже в середине 1907 г. "разочаровался" в деятельности революционеров, увидев в них обыкновенных разбойников.

Б.И. Струмилло и В. Богров разошлись и в оценке характера деятельности Дмитрия как агента полиции. Первый был убежден в том, что он на протяжении четырех лет верой и правдой служил охранке, выдав ей нескольких подпольщиков и сорвав ряд крупных дел. Второй писал о пассивности "Аленского" (кличка Д. Богрова) и привел в подтверждение этого несколько донесений охранки. В одном из них утверждалось, что никаких сведений агент не давал. В другом указывалось, что сведения все-таки доставлялись, но в большинстве случаев "носили совершенно безразличный характер и никак не могли оправдать того доверия, которое Кулябко и остальные чины... проявили в отношении Дм. Богрова". Владимир явно выгораживал брата, который на следствии показал, что неоднократно информировал Кулябко и начальника петербургского охранного отделения фон Коттена о своих революционных связях и готовившихся акциях. Агент выдал некую Мержеевскую, готовившую в 1909 г. убийство Николая II. Между прочим, судя по показаниям Богрова, он сам в то время не исключал своего покушения на царя.

Существует несколько предположений относительно причин, которые вызвали террористический акт 1 сентября 1911 г. Первое из них высказано в эсеровской и

анархистской печати. Согласно этому предположению, почти изобличенный анархистами Богров решил "смыть пятно подозрений" и 1 сентября действовал как герой-одиночка. Однако эта версия не подтверждается ни одним точным документальным свидетельством. Советский историк А.Я. Аврех считал, что убийство премьеры было подстроено охранкой, "предвосхищавшей тайное желание двора и камарильи избавиться от Столыпина". Богров оказался игрушкой в руках Курлова и Кулябко³⁶. Однако многие очевидцы покушения утверждали, что руководители охранки были ошеломлены происшедшим. Один из них, видевший начальника киевской охранки через несколько минут после выстрелов Богрова, вспоминал, что Кулябко «сразу осунулся, лицо его стало желтым. Хриплым от волнения голосом, с ненавистью глядя на преступника, он произнес: "Это Богров, это он, мерзвец, нас морочил"»³⁷. Едва ли полицейские чиновники были способны к столь талантливой игре.

Близкой к истине нам представляется гипотеза А.И. Солженицына, высказанная им в интервью французскому телевидению: Богрова толкнуло "идеологическое поле", в котором государственный строй России считался достойным уничтожения³⁸. Столыпин — ненавистная фигура уже потому, что олицетворял этот государственный строй и служил ему. Развивая мысль Солженицына, добавим, что "идеологическое поле" — это общественная атмосфера взаимной ненависти и нетерпения со сложившимися стереотипами и правилами поведения каждой из сторон.

Поведение Богрова накануне покушения на жизнь Столыпина вполне укладывается в версию Солженицына. Дмитрий, конечно, знал, что в российском обществе со времен народолюбцев повелось признавать политическими только те убийства, которые санкционировались какой-либо политической партией или группой; в противном случае они считались уголовными. Богров и попытался получить санкцию революционной организации. Анархисты, не признававшие никаких "правил игры", для этой цели не подходили. И тогда Богров пришел к эсеру Е.Е. Лазареву.

Беседуя с Лазаревым, Богров несколько раз подчеркнул: задуманное им покушение будет иметь политическое значение только в том случае, если эсеры официально заявят о том, что оно совершено по поручению их партии. "Какое значение будет иметь смерть Столыпина, если его случайно убьет сорвавшаяся вывеска или его прикончит муж его любовницы?" — спрашивал Бог-

ров Лазарева³⁹. Да, Столыпин будет удален с политической сцены, но разве такой исход может удовлетворить революционеров? Похоже, Богрову очень не хотелось предстать перед обществом в образе маньяка-убийцы; он предпочитал, чтобы им восхищались как героем-революционером.

Лазарев внимательно выслушал собеседника, продемонстрировал интерес к Богрову и его замыслу, но в то же время дал понять, что эсеры не могут довериться непроверенному человеку. Социалисты-революционеры еще не оправились от "дела Азефа", они были готовы вообще отказаться от террористической деятельности, и предложение Богрова, очевидно, не могло вызвать у Лазарева положительной реакции.

Умный Богров понял, что его надежда на поддержку мощной эсеровской партии беспочвенна. Но это его не остановило. "Партия это — я", — сказал он когда-то, и эта "партия" разрешила ему ту тактику, которую не разрешила бы никакая другая⁴⁰.

Мы, конечно, задавались вопросом, что заставило Богрова избрать своей жертвой именно П.А. Столыпина. При знакомстве с записью бесед Богрова с Лазаревым и материалами следствия возникает убеждение, что сам убийца не мучился этим вопросом. В разговорах с Лазаревым он несколько раз упомянул Столыпина лишь вскользь, как "главу реакционной линии". А Лазарев и не стремился понять мотивы Богрова. И это характерный штрих. Как политик и человек Столыпин не был интересен ни тому, ни другому. Премьер-министр занимал их лишь как фигура достаточного калибра. Вспомним "идеологическое поле", о котором говорил Солженицын. В обществе была проведена некая демаркационная линия, по одну сторону от которой оказались "наши", по другую — "не-наши". При этом, говоря словами П.Б. Струве, революционная психика освобождалась от всяких нравственных сдержек⁴¹. В данном случае неважно, кем был для Богрова Столыпин — "нашим" (если Богров убивал премьера как агент охранки) или "не-нашим" (если он действовал как революционер). Дмитрий Богров жил стереотипами русского общества, как и проводивший следствие Иванов, который не интересовался отношением убийцы к Столыпину.

Нам не кажутся правдоподобными хлесткие версии о том, что Столыпин пал жертвой неких "злых сил", которые замыслили убийство премьера, чтобы не допустить "выздоровления" России. Все было куда банальнее. Петр Аркадьевич мог быть плохим или хорошим

министром, консерватором или реформатором — это почти ничего не значило для Богрова, Лазарева и других "товарищей по борьбе". Значение имело только то, что он представлял ненавистную верховную власть.

Верный себе Д. Богров решил поиграть и с охранкой. 26 августа он явился в киевское охранное отделение и сообщил Кулябко, что к нему на дачу приехал из Петербурга эсеровский боевик по имени "Николай Яковлевич", который интересовался порядком киевских торжеств и возможностью совершить покушение на жизнь П.А. Столыпина или министра просвещения Л.А. Кассо. По словам Богрова, Кулябко был очень взволнован сообщенными данными и на следующее свидание с агентом пригласил начальника дворцовой охраны А.И. Спиридовича и исполнявшего обязанности вице-директора департамента полиции М.Н. Веригина. И тот и другой поверили Богрову. Затем агент дополнил свои "сведения" сообщением о "бомбистке Нине Александровне". Он уверял своих патронов, что "Николай Яковлевич" интересовался приметам Столыпина. Чтобы успокоить террориста, надо было, объяснил Богров, быть там, где будет премьер-министр.

Вечером 31 августа Богров сообщил Кулябко, что "Николай Яковлевич" приехал к нему на квартиру и остался на ночь. Агент утверждал, что "бомбисты" поручили ему подать нужный сигнал, и просил придумать предлог, который позволил бы ему отделиться от заговорщиков. Таким предлогом, по мнению Богрова, могло стать посещение им театра вечером 1 сентября. Присутствие агента в театре было полезно и потому, что он мог опознать террористов. На самом деле все, что говорил Богров, от начала до конца было ложью. Агент сбивал полицию с толку, чтобы получить вначале пропуск в Купеческое собрание (там должен был присутствовать Столыпин), а потом — билет в городской театр. Богров, по-видимому, был совершенно искренен, когда на допросах показал, что Кулябко не знал о его истинных целях⁴².

Как бы талантливо ни играл Богров, в поведении опытных жандармов многое кажется непонятным. Убийство Столыпина обсуждалось на нескольких заседаниях Государственной думы; оно расследовалось сенатской комиссией, возглавлявшейся бывшим директором департамента полиции М.И. Трусевичем. Наконец, уже поздней весной 1917 г. Курлов, Спиридович и Трусевич давали показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Но эти обильные материалы

не отвечают на многие вопросы. Например, почему руководивший охраной торжественных мероприятий (а в ней было занято около 250 сотрудников) П.Г. Курлов не реагировал на сообщение петербургских жандармов, отрицавших существование террориста "Николая Яковлевича"? Почему полиция не попыталась арестовать "заговорщика" или "заговорщиков" на квартире Богрова? Или почему личный телохранитель председателя Совета министров Есаулов в момент покушения оказался вне здания театра?

В том, что многие вопросы остались без ответов, в большой мере повинны правые. Они выступили в защиту Курлова, Спиридовича и Веригина при обсуждении доклада комиссии Трусевича в Государственном совете. В Думе Марков-второй и Пуришкевич протестовали против спешности рассмотрения запроса об убийстве Столыпина, на которой настаивали социал-демократы и октябристы. Видимо, под влиянием правых Николай II распорядился прекратить дело по обвинению Курлова, Кулябко, Веригина и Спиридовича в "небрежности". Возможно, достаточно было бы связать этот сюжет с загадочными обстоятельствами гибели премьер-министра и последующего расследования, чтобы прийти к заключению о заговоре правых и охранки против Столыпина. Но, повторимся, для такого вывода нужны серьезные основания, которых у историков нет. Нам близка точка зрения П.Н. Зырянова, предположившего, что в какой-то момент четверо жандармов включились в затеянную Богровым игру с тем, чтобы выяснить, как далеко собирался зайти их осведомитель⁴³. Как далеко зашел Богров, хорошо известно.

Киевский окружной военный суд приговорил Д.Г. Богрова к смертной казни. В ночь на 12 сентября убийца Столыпина был повешен на Лысой горе. Как и на следствии, во время казни Богров держался очень спокойно. Перед казнью его пришлось разбудить. Уже находясь под саваном, Богров спросил у заместителя прокурора: "Голову поднять выше, что ли?"⁴⁴.

Вообще возникает ощущение, что после 1 сентября в Д. Богрове произошла психологическая перемена. Это был уже не нервный, импульсивный охотник за острыми переживаниями, а спокойный, ко всему безразличный человек. Может быть, Богров-Аленский в самом деле считал, что удачно завершил главное дело своей жизни? Но, право, П.А. Столыпин не заслужил такого конца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Петр Аркадьевич Столыпин явился последним государственным деятелем дореволюционной России, который мог предложить сильную политику, направленную на достижение крупных целей и способную увлечь страну. Вокруг его реформ в течение нескольких лет вращалась политическая жизнь России. Какое-то время политика Столыпина играла роль своеобразного буфера между крайними политическими группировками. Еще при жизни председателя Совета министров стало ясно, что эту роль столыпинский курс сможет играть очень недолго. После смерти Столыпина окончательно исчезло то, что П.Н. Милюков назвал "средним течением", "центром"¹. Правые и радикалы теперь стояли открыто друг против друга. Политическая жизнь России никак не могла войти в спокойное русло.

Народное хозяйство развивалось между тем довольно энергично. Росло благосостояние в деревне, усиливалась промышленная мощь страны, увеличивался торговый оборот с другими государствами. Какими же потенциями обладала экономика России, если даже при незавершенности преобразований она сохраняла жизнеспособность! И какие сверхчеловеческие усилия нужно было приложить после 1917 г., чтобы поставить ее на грань краха!

Сколько-нибудь внимательное знакомство со столыпинским периодом неизбежно вызывает аналогии с современностью. Мы привыкли к тому, что история помогает глубже осмыслить настоящее. Но эту формулу можно и перевернуть: современность позволяет более адекватно оценить те или иные исторические события и явления. Не случайно интерес к прошлому обостряется в переломные периоды развития общества. Так происходит и сейчас. Но, проявляя пристрастность, нельзя навязывать истории современные групповые представления.

В свое время старые русские историки обвинили М.Н. Покровского в том, что он превратил историю в "служанку партийной полемики". Увы, этот упрек можно адресовать многим нынешним интерпретаторам Столыпина. В начале книги уже говорилось, что Столыпина в наши дни буквально "рвут на части". Для одних Петр

Аркадьевич становится сторонником частной собственности и убежденным "рыночником", другие видят в нем заботливого и умного политика-воспитателя и хранителя национальной идеи. И каждый стремится найти в реформах то, что отвечает интересам той группировки, к которой он себя относит. Нам понятен феномен интереса к Столыпину. Но порой приходит в голову — сохранись у нас всевластие административно-командной системы и "единственно правильного учения", многие публицисты и не вспомнили бы о Петре Аркадьевиче и его реформах.

Многим публикациям о Столыпине свойствен апломб, который просто удручает. Сам Петр Аркадьевич не раз высказывал сомнения в верности взятого курса. Почему же все ясно нашим авторам? Легкого выхода из того, что Ленин назвал "бесконечно запутанным клубком средневековых противоречий, который создан веками русской истории"², в самом деле не существовало.

Мы не раз отмечали противоречивость Столыпина как государственного деятеля. Осознание необходимости перемен сочеталось у него с традиционными взглядами и оценками, например с убеждением во всеисилии государственного аппарата. Смелость и решительность реформатора соседствовали с заигрыванием и готовностью уступить, трезвый расчет — с утопическими построениями. Сейчас принято оценивать реформы Столыпина по декларациям самого Петра Аркадьевича. Устные выступления премьер-министра действительно впечатляют, но была еще и "черновая" работа по осуществлению задуманного. Изучать ее трудно. Здесь меньше эффективного материала для публицистики. Но без такого изучения легко впасть в соблазн упрощения.

Давая оценку прошлому, мы не собирались выносить готовых решений: мы их попросту не знаем. Не знаем, например, что лучше — община или обособленное хозяйство, коллективная или частная земельная собственность. Ясно одно: Столыпин остался во многом кабинетным реформатором. Он учился у истории, пытался наверстать упущенное ранее, спешил и... опаздывал.

Возможно, Столыпин не состоялся как политик. Но яростное сопротивление противостоящих политических сил проводимой им политике — свидетельство серьезности столыпинского варианта. Даже незавершенные реформы привели к значительному сдвигу в русской жизни. Это относится прежде всего к аграрной реформе, которая по своему значению может быть поставлена в один ряд с освобождением крестьян в 1861 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ РЕДАКТОРА

¹См. об этом: *Демидов В.А.* Правда истории и претензии на истину // *Советская Сибирь*. — 1990. — 18 дек.

РОССИЯ РАЗМЕЖЕВАЛАСЬ

¹Тезис об экономической отсталости России преодолен в трудах В.И. Бовыкина, А.Л. Сидорова, К.Н. Тарновского, К.Ф. Шаццло и других историков.

²ЦГИА, ф. 1570 (А.В. Кривошеин), оп. 1, д. 50, л. 2.

³*Хромов П.А.* Экономическая история СССР: Период промышленного и монополистического капитализма в России. — М., 1982. — С. 93.

⁴*Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. — Л., 1981. — С. 204—210.

⁵*Кризис самодержавия в России: 1895—1917*. — Л., 1984. — С. 42.

⁶*Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. — М., 1989. — Т. IV. — С. 190.

⁷*Хорос В.Г.* Разомкнутый треугольник // *Знание — сила*. — 1990. — № 1. — С. 11.

⁸См.: *Яена Д.* Некоторые проблемы истории русского либерализма // *История СССР*. — 1990. — № 4. — С. 207—214.

⁹*Кризис самодержавия в России...* — С. 26.

¹⁰Цит. по: *Родина*. — 1990. — № 10. — С. 23.

¹¹*Киселев И.И., Корелин А.П., Шелохаев В.В.* Политические партии в России в 1905—1907 гг.: численность, состав, размещение. (Количественный анализ) // *История СССР*. — 1990. — № 4. — С. 73, 77, 78, 85.

¹²*Оболенский В.А.* Моя жизнь и мои современники // *Наука и жизнь*. — 1990. — № 7—8; *Извольский А.П.* Воспоминания. — М., 1989.

¹³*Дьяков И.* Забытый исполин // *Наш современник*. — 1990. — № 3; *Казарезов В.* "Вам, господа, нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия" // *Вечерний Новосибирск*. — 1990. — 15 нояб.

¹⁴*Оболенский В.А.* Моя жизнь... // *Наука и жизнь*. — 1990. — № 8. — С. 97.

¹⁵См., например: *Вандалковская М.Г.* Павел Николаевич Миллюков // П.Н. Миллюков. Воспоминания (1859—1917). — М., 1990. — Т. 1. — С. 3—37; *Родина*. — № 10. — С. 18—23 (беседа публициста

Л. Овруцкого и историка Н. Думовой); Кувашинов В. Посеявший бурю

// *Аргументы и факты*. — 1990. — № 9.

¹⁶Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. — М., 1989. — С. 272—273.

Мы сохранили орфографию Шульгина.

¹⁷Милоков П.Н. Воспоминания (1859—1917). — М., 1990. —

Т. 2. — С. 378.

¹⁸По думским правилам, депутатам-однофамильцам присваивали порядковые номера. Любопытно, что член III Думы октябрист Н.Л. Марков (Марков-первый), то ли по причине преклонного возраста, то ли еще почему, ничем не прославился. Зато злобные тирады Маркова-второго звучали в Думе постоянно.

¹⁹Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России... — С. 74—75.

²⁰Там же. — С. 75.

²¹Аврех А.Я. Раскол фракции октябристов в IV Думе // *История СССР*. — 1978. — № 4. — С. 116.

²²Милоков П.Н. Воспоминания. — Т. 2. — С. 79.

²³Блок А. Последние дни императорской власти // *Собр. соч.*: В 6 т. — М., 1971. — Т. 6. — С. 34—35. В фильме Э. Климова "Агонию" воспроизведен этот разговор, но почему-то он перенесен в 1916 г.

²⁴Гусев К.В. Партии эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. — М., 1972. — С. 38.

²⁵Там же. — С. 39.

²⁶Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. — Л., 1977. — С. 33—34.

²⁷Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России... — С. 73.

²⁸Карьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. — М., 1979.

²⁹См.: Там же. — С. 22—23.

³⁰См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. — М., 1991. — С. 118.

³¹Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России... — С. 72.

³²Летучий листок. — 1895. — 9 дек.

³³Мельсунов С.П. Последний самодержец (черты для характеристики Николая II). — М., 1990. — С. 4—5.

³⁴Ерошкин Н. Дневник последнего самодержца // *Огонек*. — 1987. — № 37. — С. 16.

³⁵Милоков П.Н. Воспоминания. — Т. 2. — С. 57.

³⁶Цит. по: Дякин В.С. Царизм перед крахом // *Вопросы истории*. — 1982. — № 3. — С. 171.

³⁷Милоков П.Н. Воспоминания. — Т. 1. — С. 386—387.

³⁸Убийство Столыпина: Свидетельства и документы / Сост. А. Серебрянников. — Нью-Йорк, 1986. — С. 166.

³⁹Дякин В.С. Царизм перед крахом. — С. 171.

⁴⁰Блок А. Последние дни императорской власти. — С. 34—35.

⁴¹Милоков П.Н. Воспоминания. — Т. 1. — С. 180.

⁴²Дякин В.С. Царизм перед крахом. — С. 172.

⁴³Государственная дума: Стенограф. отчеты. — Спб., 1906. — Сессия первая. — Т. 1. — Стб. 18.

⁴⁴Милоков П.Н. Воспоминания. — Т. 1. — С. 392.

⁴⁵Марушкин Б.Н., Иоффе Г.З., Романовский Н.В. Три революции в России и буржуазная историография. — М., 1977. — С. 187.

⁴⁶Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России... — С. 75—76.

⁴⁷Витте С.Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. 2. — С. 507.

⁴⁸Из истории общественно-политических движений, партий России и СССР: Материалы к спецкурсу. — М., 1990. — Кн. 1. — С. 50.

⁴⁹ЦГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 808, л. 2—4.

⁵⁰См., например: Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX — начала XX века: Общественно-политический облик // *История СССР*. — 1990. — № 5. — С. 60—76.

⁵¹Цит. по: Из истории общественно-политических движений... — Кн. 1. — С. 49.

⁵²Милоков П.Н. Воспоминания. — Т. 1. — С. 409.

⁵³См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 21. — С. 172.

⁵⁴Чиковани А.Ю. Политические партии России в 1905—1917 годах // *История СССР*. — 1989. — № 6. — С. 169.

РЕВОЛЮЦИЯ И ДУМА

¹Кризис самодержавия в России: 1895—1917. — Л., 1984. — С. 173.

²Коковцов В.И. Из моего прошлого. — Париж, 1933. — Т. 1. — С. 52—53.

³Кризис самодержавия в России. — С. 170.

⁴Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 9. — С. 515.

⁵Там же. — С. 217.

⁶Там же. — С. 218.

⁷Там же. — С. 216—217.

⁸Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. — М., 1970. — С. 144.

⁹Первая дума: Из воспоминаний князя В.А. Оболенского // *Наука и жизнь*. — 1990. — № 7. — С. 97.

¹⁰Там же. — С. 99.

¹¹Зырянов П.Н. Петр Аркадьевич Столыпин // *Вопросы истории*. — 1990. — № 6. — С. 55.

¹²Там же. — С. 59—60.

¹³Дякин В.С. Царизм перед крахом // *Вопросы истории*. — 1982. — № 3. — С. 175.

¹⁴Правительственный вестник. — 1906. — 24 авг.

¹⁵Убийство Столыпина: Свидетельства и документы / Сост. А. Серебрянников. — Нью-Йорк, 1986. — С. 37.

¹⁶Там же. — С. 324—325.

¹⁷Правительственный вестник. — 1906. — 24 авг.

¹⁸Знамя труда. — 1911. — № 38.

¹⁹Фигнер Н.Н. Полн. собр. соч.: В 7 т. — М., 1932. — Т. 3: После Шлиссельбурга. — С. 160.

²⁰Милоков П.Н. Воспоминания (1859—1917). — М., 1990. — Т. 2. — С. 67.

²¹Витте С.Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. 2. — С. 558.

²²ОРРК ГПБ, ф. 1000, собр. отд. пост., д. 22², л. 14—15.

²³Там же, л. 15.

²⁴Витте С.Ю. Воспоминания. — Т. 2. — С. 556.

²⁵Литературная газета. — 1989. — 12 июля.

²⁶Кризис самодержавия в России. — С. 323.

¹⁷Государственная дума. Четвертый созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1913. — Сессия первая. — Ч. II. — Стб. 795—796.

¹⁸Милоков П.Н. Воспоминания. — Т. I. — С. 429.

"ВНАЧАЛЕ УСПОКОЕНИЕ..."

¹Государственная дума. Четвертый созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1913. — Сессия первая. — Ч. II. — Стб. 299.

²Там же. Третий созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1911. — Сессия пятая. — Ч. I. — Стб. 774.

³Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. — М., 1989. — С. 16.

⁴Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 32. — С. 34.

⁵Казарезов В.В. "Вам, господа, нужны великие потрясения..." // Вечерний Новосибирск. — 1990. — 14 нояб.

⁶Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. — 1990. — № 12. — С. 113.

⁷Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. — М., 1990. — С. 8.

⁸Асафонов В.Ф. Заграничная охранка. — М., 1918. — С. 186.

⁹Лурье Ф. Провокаторы // Родина. — 1991. — № 3. — С. 27.

¹⁰Большевики... — С. 12.

¹¹Там же. — С. 27—28.

¹²Материалы революционного трибунала по делу провокатора Малиновского // История СССР. — 1991. — № 3. — С. 158—170.

¹³Цит. по: Шинджикашвили Д.И. Сыскальная полиция царской России в период империализма. — Омск, 1973. — С. 39.

¹⁴Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопросы философии. — 1990. — № 8.

¹⁵Большевики... — С. 4.

¹⁶Коновалов В.С. Н. Шлейфман. Секретные агенты в русском революционном движении: партия социалистов-революционеров. 1902—1914 гг. — Рец. // История СССР. — 1990. — № 5. — С. 205.

¹⁷Шинджикашвили Д.И. Сыскальная полиция... — С. 36.

¹⁸Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. — М., 1972. — С. 72.

¹⁹Фигнер В.Н. Полн. собр. соч.: В 7 т. — М., 1932. — Т. 3: После Шлиссельбурга. — С. 172.

²⁰Там же. — С. 241.

²¹Там же. — С. 161.

²²Гусев К.В. Партия эсеров... — С. 73.

²³Витте С.Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. 2. — С. 559—560.

²⁴Государственная дума. Третий созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1909. — Сессия вторая. — Ч. II. — Стб. 1243—1244.

²⁵Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. — М., 1917. — С. 18—20; Шинджикашвили Д.И. Сыскальная полиция... — С. 41—42.

"ПОТОМ РЕФОРМЫ..."

¹ЦГИА, ф. 391, оп. 10, л. 16, л. 9.

²Дякин В.С. Сорок потерянных лет // Знание — сила. — 1991. — № 2. — С. 5.

³Витте С.Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. 2. — С. 390.

⁴ЦГАОР, ф. 586 (В.К. Плеве), оп. 1, л. 404.

⁵Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году: Приложение к всеподданнейшему докладу. — Спб., 1910. — С. 83.

⁶Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. — М., 1963. — С. 10.

⁷Правительственный вестник. — 1906. — 24 авг.

⁸Убийство Столыпина: Свидетельства и документы / Сост. А. Серебрянников. — Нью-Йорк, 1986. — С. 42.

⁹Там же. — С. 52—53.

¹⁰Сытин И.Д. Встреча со Столыпиным // Слово. — 1990. — № 8. — С. 68—69.

¹¹Янов А. Русская идея и 2000-й год // Нева. — 1990. — № 11. — С. 169—170.

¹²См.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. — Л., 1978. — С. 237—238.

¹³Государственная дума. Четвертый созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1913. — Сессия первая. — Ч. II. — Стб. 271.

¹⁴Там же. Третий созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1908. — Сессия вторая. — Ч. I. — Стб. 291.

¹⁵Цит. по: История русской экономической мысли. — М., 1966. — Т. 3: Эпоха империализма и буржуазно-демократических революций в России. — Ч. I. — С. 268.

¹⁶ЦГИА, ф. 1276, оп. 3, л. 2.

¹⁷См., например: Известия Министерства земледелия и государственных имуществ. — 1907. — № 49. — С. 893.

¹⁸Шанин Т. Крестьянство — это загадка // Комсомольская правда. — 1991. — 14 февр.

¹⁹Ковальченко И.Д., Бородин Л.И. Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России. (Опыт многомерного типологического анализа) // Аграрная эволюция России и США. — М., 1991. — С. 36.

²⁰Забоевкова А.С. В.И. Ленин о причинах и проявлениях краха столыпинской аграрной реформы // Северо-Запад в аграрной истории России. — Калининград, 1990. — С. 108.

²¹Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. — С. 581.

²²Жидков Г.П., Забоевкова А.С. К оценке характера столыпинского указа 9 ноября 1906 года // Северо-Запад в аграрной истории России. — Калининград, 1984. — С. 119.

²³См.: Там же. — С. 121; Дякин В.С. Столыпинская земельная реформа // Кризис самодержавия в России. 1895—1917. — Л., 1984. — С. 351—352.

²⁴Дякин В.С. Столыпинская земельная реформа. — С. 355.

²⁵Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 17. — С. 85.

²⁶Дякин В.С. Столыпинская земельная реформа. — С. 367—368.

²⁷Шанин Т. Иное всегда дано // Знание — сила. — 1990. — № 9. — С. 13.

²⁸"К середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе" // Знание — сила. — 1991. — № 2. — С. 20.

²⁹Савельев И. Земля и воля // Комсомольская правда. — 1990. — 19 мая.

³⁰См., например: Дьяков Н. Забытый исполин; Савельев И. Земля и воля; Казарезов В. "Вам, господа, нужны великие потрясения..."; Он же. "... Нам нужна великая Россия". Петр Аркадьевич Столыпин и аграрная реформа начала века // Сибирские огни. — 1991. — № 4. — С. 194—252.

³¹Государственная дума. Третий созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1908. — Сессия первая. — Ч. II. — Стб. 1307—1308.

³²ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, л. 310, л. 5.

³³Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 357, л. 6.

³⁴Там же, ф. 1291, оп. 84, л. 237, л. 20.

³⁵Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянский вопрос в конце XIX в. // Историч. зап. — М., 1971. — Т. 88. — С. 196.

³⁶Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837—1912). — Пг., 1914. — С. 119.

³⁷Козут М.Т. Землеустроительные реформы царизма на государственных землях Сибири в конце XIX — начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1984. — С. 13.

³⁸ЦГИА, ф. 1274, оп. 1, д. 3, ч. 1, л. 147.

³⁹Китанина Т.М. Программа экономического освоения Севера и тарифная политика С.Ю. Витте. (К оценке Челябинского тарифа) // Проблемы крестьянского землепользования и внутренней политики России. — Л., 1972. — С. 191—210.

⁴⁰Королева Н.Г. Совет министров в 1907—1914 гг. // Историч. зап. — М., 1984. — Т. 110. — С. 122.

⁴¹Государственная дума. Второй созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1907. — Сессия вторая. — Т. II. — Стб. 1109.

⁴²Там же. Первый созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1906. — Сессия первая. — Т. I. — С. 201.

⁴³ЦГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 510, л. 32.

⁴⁴Государственная дума. Второй созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1907. — Сессия вторая. — Т. II. — Стб. 661.

⁴⁵Колокол. — 1912. — 26 апр.

⁴⁶ЦГИА, ф. 1570 (А.В. Кривошеин), оп. 1, д. 50, л. 5.

⁴⁷Государственная дума. Третий созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1910. — Сессия третья. — Ч. III. — Стб. 826.

⁴⁸ГАКК, ф. 401, оп. 1, д. 274, л. 104—105.

⁴⁹Краткий исторический очерк колонизации Томской губернии. — Томск, 1911. — С. 22; Воишин В.П. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. — Спб., 1912. — С. 36.

⁵⁰Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка председателя Совета министров... — С. 86.

⁵¹ГАКК, ф. 262, оп. 1, д. 21.

⁵²Кауфман А.А. Итоги землеустройства сибирских переселенцев за десятилетие 1893—1902 гг. // На сибирские темы. — Спб., 1905. — С. 150—152.

⁵³ГАКК, ф. 262, оп. 1, д. 80, л. 70—72.

⁵⁴Савельев И. Земля и воля // Комсомольская правда. — 1990. — 20 мая.

⁵⁵ЦГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 921, л. 3.

⁵⁶Сельскохозяйственное ведомство... — С. 79.

⁵⁷ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, л. 310, л. 5.

⁵⁸Комсомольская правда. — 1990. — 20 мая.

⁵⁹Гинс Г. Переселение и колонизация. — Спб., 1913. — Вып. 1. — С. 14.

⁶⁰ЦГИА, ф. 1570 (А.В. Кривошеин), оп. 1, д. 30, л. 5.

⁶¹Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка председателя Совета министров... — С. 15.

⁶²Там же. — С. 14.

⁶³Там же. — С. 18.

⁶⁴Переселение и землеустройство в Азиатской России: Сборник законов и распоряжений / Сост. В.П. Воишин. — Пг., 1915. — С. 36.

⁶⁵ЦГИА, ф. 1276, оп. 5, д. 407, л. 6.

⁶⁶Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. — М., 1980. — С. 229.

⁶⁷Переселение и землеустройство... — С. 115—116.

⁶⁸Воишин В. Колонизационное дело при А.В. Кривошеине // Вопр. колонизации. — 1915. — № 18. — С. 6.

⁶⁹См., например: Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. — Пг., 1918. — Вып. 6: Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 г. — С. 1.

⁷⁰ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 195а, л. 3, 5.

⁷¹Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка председателя Совета министров... — С. 68—69.

⁷²ЦГИА, ф. 1276, оп. 5, д. 437, л. 1, 2.

⁷³Миллюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). — М., 1990. — Т. 2. — С. 140.

⁷⁴Витте С.Ю. Воспоминания. — Т. 2. — С. 392; Зырянов П.Н. Петр Аркадьевич Столыпин // Вопросы истории. — 1990. — № 6. — С. 65.

⁷⁵Известия Главного управления землеустройства и земледелия. — 1909. — № 8. — С. 152—153.

⁷⁶Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 1967. — С. 236—237;

Минжуренко А.В. Внутринадельное межевание в переселенческих поселках Западной Сибири в годы столыпинской аграрной реформы // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. — 1917 г.). — Красноярск, 1982. — С. 43—44.

⁷⁷ГАИО, ф. 25, оп. 8, д. 2002, л. 24.

⁷⁸ЦГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 494, л. 16.

⁷⁹Переселение и землеустройство... — С. 88.

⁸⁰Известия Главного управления землеустройства и земледелия. — 1910. — № 50. — С. 1162.

⁸¹ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 310, л. 45.

⁸²Гинс Г. Переселение и колонизация. — С. 21.

⁸³Государственная дума. Третий созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1910. — Сессия третья. — Ч. III. — Стб. 838—839.

⁸⁴Проект положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев сибирских губерний и областей // Сибирские вопросы. — 1910. — № 21. — С. 14.

⁸⁵Государственная дума. Третий созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1910. — Сессия третья. — Ч. III. — Стб. 831.

⁸⁶Там же. — Спб., 1911. — Сессия четвертая. — Ч. III. — Стб. 312.

⁸⁷Там же. — Стб. 324.

⁸⁸Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. — Спб., 1908. — С. 79.

⁸⁰ЦГИА, ф. 1276, оп. 5, д. 437, л. 119. Институт крестьянских начальников был введен в Сибири в конце XIX в. для управления крестьянами. Среди крестьянских начальников преобладали косные и равнодушные люди. Многие из них были просто пьяницами и взяточниками.

⁹⁰Известия Главного управления землеустройства и земледелия. — 1907. — № 31. — С. 572.

⁹¹ЦГИА, ф. 396, оп. 5, д. 1324, л. 66—69.

⁹²Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка председателя Совета министров... — С. 121; ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 310, л. 51.

⁹³См.: Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство... — С. 275—276.

⁹⁴Озеров И.Х. Очерк об экономической и финансовой политике России // ОРРК ГПБ, ф. 541, д. 14, л. 71.

⁹⁵Гудошников М.А. Сибирь: Историческая хрестоматия. — М.: Иркутск, 1932. — С. 116, 159.

⁹⁶Государственная дума. Третий созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1910. — Сессия третья. — Ч. II. — Стб. 1389.

⁹⁷Там же. — Ч. III. — Стб. 831.

⁹⁸Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка председателя Совета министров... — С. 103—107.

⁹⁹ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 310, л. 53.

¹⁰⁰Китанина Т.М. Программа экономического освоения... — С. 209.

¹⁰¹ЦГИА, ф. 381, оп. 46, д. 201.

¹⁰²Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка председателя Совета министров... — С. 118.

¹⁰³Известия Главного управления землеустройства и земледелия. — 1915. — № 46. — С. 1134—1135.

¹⁰⁴Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // История СССР. — 1990. — № 4. — С. 198.

¹⁰⁵Гудошников М.А. Сибирь... — С. 105.

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

¹Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. — Л., 1978. — С. 122.

²Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 17. — С. 31.

³См.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия...; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. — Л., 1981; Он же. Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. — Л., 1990.

⁴Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. — С. 81.

⁵Там же. — С. 90—103.

⁶Там же. — С. 92.

⁷См.: Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). — М., 1969; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянский вопрос в конце XIX в. // Историч. зап. — М., 1971. — Т. 88; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литвахов Б.М.

Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. — М., 1982.

⁸Казарезов В.В. "Вам, господа, нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия" // Вечерний Новосибирск. — 1990. — 15 нояб.

⁹Государственная дума. Четвертый созыв: Стенограф. отчеты. — Спб., 1912. — Сессия первая. — Стб. 888.

¹⁰Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. — М., 1989. — С. 137.

¹¹ОРРК ГПБ, ф. 1000, собр. отд. пост., д. 22², л. 9.

¹²Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. — С. 189.

¹³См.: Зырянов П.Н. Петр Аркадьевич Столыпин // Вопросы истории. — 1990. — № 6. — С. 70.

¹⁴Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). — М., 1990. — Т. 2. — С. 80.

¹⁵Зырянов П.Н. Петр Аркадьевич Столыпин. — С. 72.

¹⁶Убийство Столыпина: Свидетельства и документы // Сост. А. Серебренников. — Нью-Йорк, 1986. — С. 199.

¹⁷Шульгин В.В. Дни... — С. 144.

¹⁸Милюков П.Н. Воспоминания. — Т. 2. — С. 81.

¹⁹Убийство Столыпина... — С. 190.

²⁰Там же. — С. 191.

²¹Там же. — С. 175.

²²Там же. — С. 201—203.

²³Милюков П.Н. Воспоминания. — Т. 2. — С. 81.

²⁴Зырянов П.Н. Петр Аркадьевич Столыпин. — С. 74.

²⁵Убийство Столыпина... — С. 182.

²⁶Там же. — С. 87.

²⁷Там же. — С. 108.

²⁸Струмилло Б.И. Материалы о Дм. Богрове // Красная летопись. — 1923. — № 9. — С. 177—189; 1924. — № 1 (10). — С. 226—240.

²⁹Убийство Столыпина... — С. 81.

³⁰Там же. — С. 129.

³¹Там же. — С. 119.

³²Там же. — С. 128.

³³Там же. — С. 97.

³⁴Зырянов П.Н. Петр Аркадьевич Столыпин. — С. 73.

³⁵Убийство Столыпина... — С. 135.

³⁶Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. — М., 1968. — С. 386, 387, 406.

³⁷Убийство Столыпина... — С. 192.

³⁸Там же. — С. 160.

³⁹Там же. — С. 143.

⁴⁰Там же. — С. 97.

⁴¹Там же. — С. 319.

⁴²Там же. — С. 218.

⁴³Зырянов П.Н. Петр Аркадьевич Столыпин. — С. 75.

⁴⁴Убийство Столыпина... — С. 234.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). — М., 1990. — Т. 2. — С. 134.

²Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 16. — С. 417—418.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Список сокращений	4
Россия размежевалась.....	5
Революция и Дума.....	39
“Вначале успокоение...”	58
“Потом реформы”	70
Убийство Столыпина	113
Заключение	133
Примечания	135

Научное издание

Островский Игорь Викторович

П.А. СТОЛЫПИН
и его время

Редактор издательства Т.Б. Мелкозерова. Художник А.И. Смирнов. Технический редактор Л.П. Миусева. Оператор набора В.В. Чернова. Оператор электронной верстки Е.Н. Зимина. Корректор С.М. Погудина.

ИБ № 42621

Сдано в набор 15.11.91. Подписано к печати 20.03.92. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7.6. Усл. кр.-отт. 7.8. Уч.-изд. л. 8. Тираж 5000 экз. Заказ № 1117. С075.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство “Наука”.
Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.
4-я типография издательства “Наука”. 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.